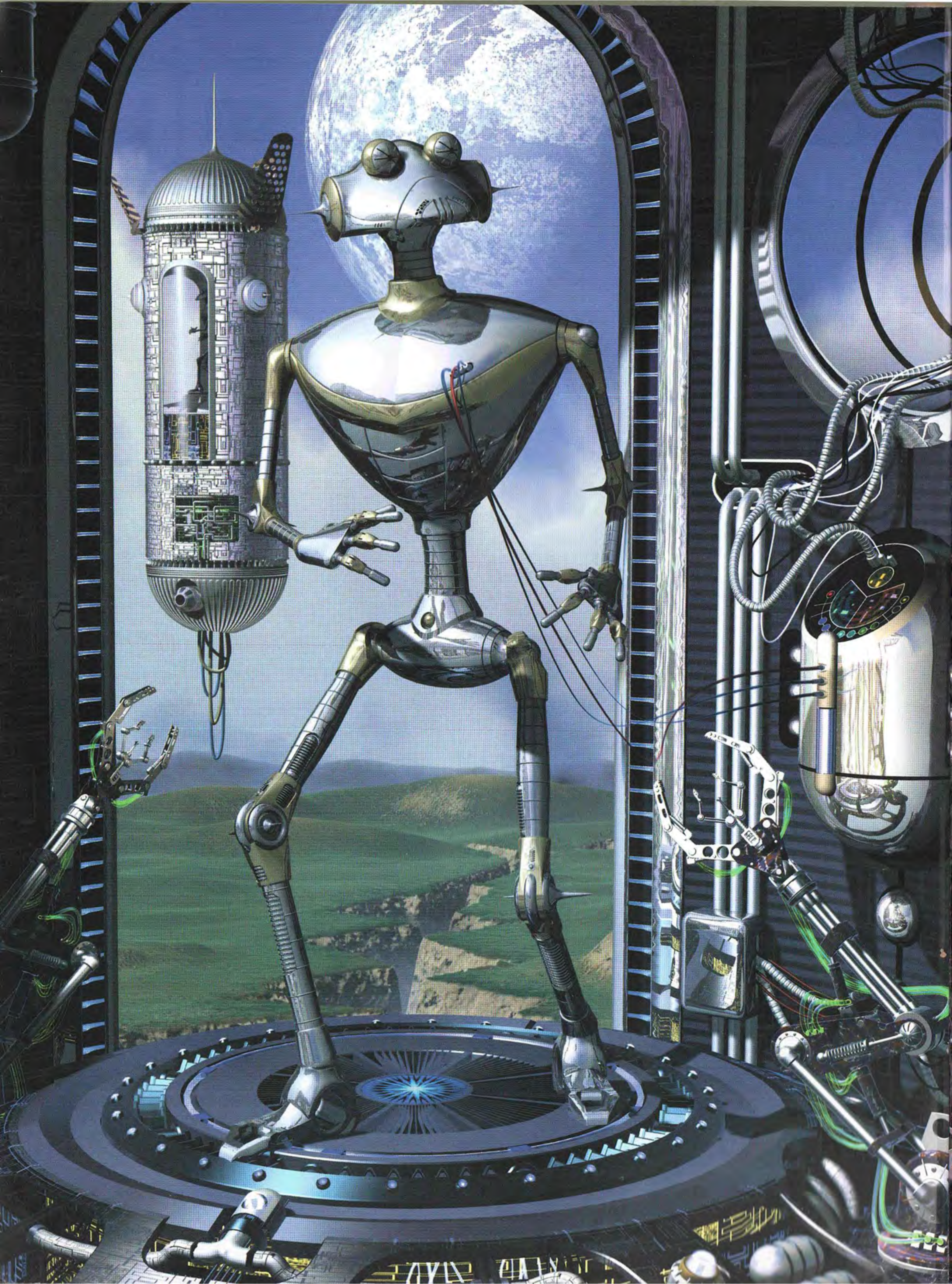

ФАНТАСТИКА И ФЭНТЕЗИ
ФАНТОМ
1.2000
WWW.FANTOM.RU
МАЙКЛ СУЭНВИК
РОБЕРТ
ЛИН
АСПРИН
МАКС ФРАЙ
ОБЗОРЫ КНИГ:
ТЕРРИТОРИЯ ФАНТАСТИКИ:
ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ ФАКСА
ДЕН УИТЛОК
ЮЛЯ-КАМИКАДЗЕ
А.ШВЕДОВ
РЕКЛАМА НА КАНАЛЕ СНОВ
ИЕН УОТСОН
ТЕРРИТОРИЯ ФЭНТЕЗИ:
СЧАСТЛИВАЯ ЛЯГУШКА
ЭЛИЗАБЕТ МУН
ТРЕТИЙ ЭЛЕМЕНТ
ЭДВАРД Ф. ШЕЙВЕР
ТЕРРИТОРИЯ ФАНТОМА:
СЭР АРТУР С. КЛАРК-
ЧЕЛОВЕК, СОЗДАВШИЙ НАСТОЯЩЕЕ
ДРАКУЛА-
ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ
КОМИКСЫ
0 500001 1

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕРРИТОРИЯ ФАНТАСТИКИ:

ТЕРРИТОРИЯ ФЭНТЕЗИ:

ТЕРРИТОРИЯ ФАНТОМА:

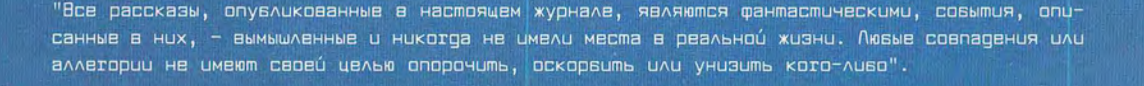

ТЕРРИТОРИЯ КОМИКСА:

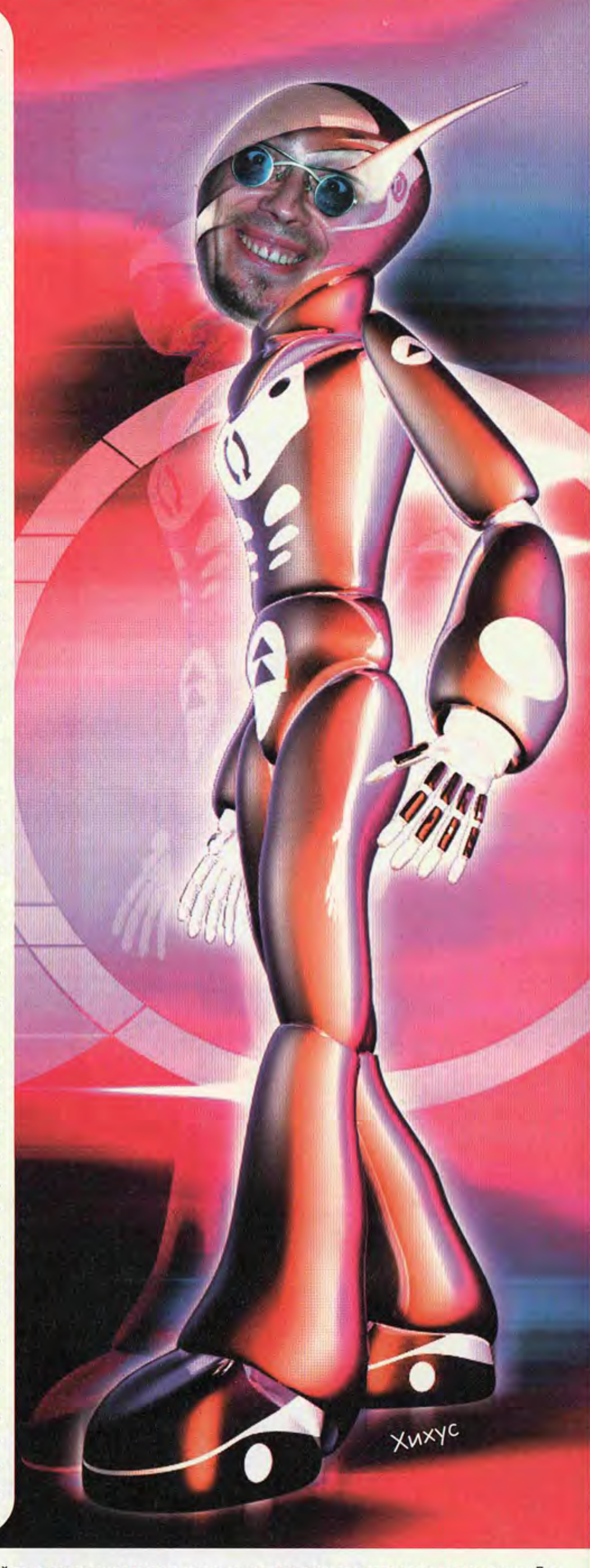
"Все рассказы, опубликованные в настоящем журнале, являются фантастическими, события, описанные в них, - вымышленные и никогда не имели места в реальной жизни. Любые совпадения или аллегории не имеют своей целью опорочить, оскорбить или унизить кого-либо".

Читатель!

Однажды со мной произошло некое событие, повергшее меня в шок и заставившее серьезно задуматься. Я давно заметил, что моя кошка по имени Кошшшка научилась включать компьютер. Это не так уж и сложно, тем более что включается он нажатием клавиши «пробел». Я думал, что она просто развлекается, прыгая на клавиатуру и наблюдая за движением цифр на мониторе. Может, это напоминает ей мышей, убегающих в нору, а может, и о прошлой жизни в качестве системного администратора. Ничего страшного, думал я, пусть балуется. Но когда я застал свою Кошшшку отправляющую е-мейл, я понял, что это уже слишком! Она, конечно, тут же сделала вид, что просто играет, пытаясь незаметно закрыть недописанное письмо, но я-то видел! Это что же получается, спрошу я вас, я который год не могу научить своего папу отправлять е-мейлы, а кошки спокойно наладили у меня за спиной переписку? «Кошмар, — подумал я, — человечество отстает от прогресса! Надо бы его (человечество) предупредить». Пусть все знают, чем грозит отставание от развития нашей же, заметьте, науки и техники. Мы рискуем потерять позиции господствующей расы и окажемся на побегушках у собственных домашних любимцев. Нет, так дело не пойдет. И я решил издавать журнал фантастики.

Наш издатель Дима меня поддержал. «Давай, — сказал он, — правда е-мейлы у нас уже учат отправлять в журнале «Хакер», но к социальным изменениям, которые несет нам прогресс, еще никто не готовит. Ниша свободна, заполняй». Так родился проект **«Фантом». «Фантом»** нам видится не совсем журналом или, вернее сказать, не только журналом. Вот краткое изложение основных принципов проекта:

«Фантом» — это, в первую очередь, некий лирический герой, который, как мы себе представляем, много путешествовал, побывал в разных ситуациях \ временах \ вселенных и везде собирал истории, иногда веселые, иногда грустные, а некоторые, прямо скажем, ужасные. Он пересказывает их, как есть, позволяя себе только краткие комментарии, впрочем, не больно-то умничая. **Фантом** не из тех, кто станет кого-то поучать. Носит ли он бороду, какого цвета его глаза — сказать трудно, так как его лицо удивительно переменчиво, и странным образом всегда оказывается скрыто тенью. Одно мы можем сказать с уверенностью — к парню из одноименного фильма, который неизвестно зачем носится в фиолетовом трико и черной полумаске по лесу, наш герой никакого отношения не имеет. Они даже не однофамильцы.

«Фантом» мы делаем для людей, которым действительно интересно, что там за следующим поворотом реальности. Для тех, кому рамки сегодняшнего дня тесноваты. Ну, и разумеется, просто для любителей хорошей фантастики и фэнтези. Проект «Фантом» - это и журнал, и сайт **(www.fantom.ru)**. Мы видим в Интернете будущее. Оба направления будут жить своей жизнью, поддерживая проект, но не повторяя друг друга.

С первого же дня выхода журнала на сайте открывается форум, где вы сможете сказать нам и друг другу все, что думаете про **«Фантом»**. А также предложить свои идеи.

Мы очень надеемся подтянуть к проекту всех увлеченных людей. Авторов, художников, комиксмэйкеров. Хороших переводчиков. Всех, кто захочет что-то делать вместе с нами. Подключайтесь!

Осталось только добавить, что мы работаем над проектом пока очень небольшой командой. Журнал мы делали долго и трудно, не все идеи удалось реализовать, но мы будем расти и развиваться. Надеемся на вашу помощь.

Редакция

Главный редактор
Хихус Х. Хихус
(xixyc@fantom.ru)
Литературный редактор
Наталья Монастырева
(writer@fantom.ru)

Арт-директор
R.SKY
(matrix@xaker.ru),
Обложка
R.SKY
modernart.ru

Art

Дизайн верстка
Таня Отакуева
(osyako@xaker.ru)
Руслан Рубанский
Николаи Маркеллов
Алексей Воеводин

Иллюстрации
Петр Семка (2-я обл.)
Алексей Липатов
Алексей Кондаков
Владимир Тихонов
Братья Кузьмичевы
Влад Селютин

Реклама

Руководитель отдела
Игорь Пискунов
(igor@gameland.ru)
Менеджеры отдела
Алексей Анисимов
(anisimov@gameland.ru)
Ольга Басова
(olga@gameland.ru)
Виктория Крымова
(vika@gameland.ru)
тел.: (095) 229.43.67
(095) 229.28.32
факс: (095) 924.96.94

Оптовая продажа

Руководитель отдела
Владимир Смирнов
(vladimir@gameland.ru)

Publishing

Менеджеры отдела
Андрей Степанов
(andrey@gameland.ru)
Самвел Анташян
(samvel@gameland.ru)
тел.: (095) 292.39.08
(095) 292.54.63
факс: (095) 924.96.94

Учредитель и издатель
ЗАО "Гейм Лэнд"
Директор
Дмитрий Агарунов
(dmitri@gameland.ru)
Финансовый директор
Борис Скворцов
(boris@gameland.ru)

Для писем
101000, Москва,
Главпочтамт,
а/я 652, Фантом

Web-Site http://www.fantom.ru
E-mail fantom@fantom.ru

Большое спасибо всем, кто помогал нам!

Особенно:

А. Корженевскому, Л. Хмельницкому,
В. Баканову, В. Боровому, Grassy и Марте

Отпечатано в типографии
«**ScanWeb**», Финляндия
Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещанию
и средствам массовых коммуникаций
ПИ № 77-3895 от 30 июня 2000 г.

Тираж **15 000** экземпляров.
Цена договорная.

Человек эпохи факса

Рассказ популярного американского автора Дена Уитлока повествует, на первый взгляд, о развитии офисной техники. Что тут сказать, идея передавать свою копию по факсу могла прийти в голову только человеку, живущему в стране с отличной телефонной связью.
Будь этот рассказ написан в России, он, скорее всего, начинался бы словами: из факса вывалилась половина меня, причем искаженная до полной неузнаваемости...

Фантом.

Иллюстрации: А.Кондаков

Террол понял, что никакого зеленого комбинезона на нем все-таки не было. Это был факс с кожей нездорового цвета - явная копия.

Джаред Террол возродился в кабинке для факса. Поморгав, он потряс головой, на какое-то время потеряв ориентацию из-за ощущения deja vu. Он понимал, кто он, где он и зачем, но понимал и то, что его не было. На самом деле он не был Джаредом Терролом.

Тем самым Джаредом Терролом, что вернулся в свой офис в “Ворлд Продактс Анлимитед, Лимитед” и был готов отправиться на высокое совещание по вопросу приобретения — читай “поглощения” — компании “Лунар Ресорсес, Инк.”. Этот Джаред Террол (“Это я, — сказал он себе. — Я сам”) был факс-дублем.

Разум прояснился, а вместе с ним появилась и целеустремленность. Джаред Террол улыбнулся, потянулся и вышел из кабинки, готовый заняться бизнесом. У него было три часа, пока не истечет срок этого дубля (“Меня”, — напомнил он себе). Три часа, чтобы попасть на встречу с ребятами из “Вестерн Конгломератс”, выжать из них всё что можно и вернуться назад. Три часа. Куча времени для человека вроде Джареда Террола.

Свою одежду он нашел в раздевалке возле кабинки и быстренько натянул ее на себя. Появление в голом виде Террола не волновало — или голым, или джинсы перемешаются с молекулами тела — но он терпеть не мог тратить время на одевание. Его секретарша заранее отфаксовала комбинезон стального цвета с голубым отливом и желтый с бордовым рисунком шейный платок. Цвета силы. Террол осмотрел себя в зеркале и поправил узел. Он был вполне Терролом — и по виду, и по ощущениям.

Некоторые никак не могут управиться с факсом. Они никак не могут воспринять саму мысль о дубле, работающем самостоятельно. Или не в состоянии иметь дело с распадом по истечении трехчасового лимита. Или не могут свыкнуться с необходимостью прибывать голыми. Люди такого рода до сих пор летают на совещания. У них по-прежнему портативные компьютеры. Террол улыбнулся своим мыслям. Лэптопы — для слизняков. Он вышел из раздевалки.

И угодил в самую гущу погони. Двое охранников в униформе “Вестерн Конгломератс” орали то в одну, то в другую сторону, пытаясь загнать в угол низенького, шустрого и очень толстого человечка в зеленом комбинезоне. Преимущество было за охранниками. Факс-кабинки выходили в широкий коридор, который с одной стороны заканчивался стеной, а с другой — турникетом с охраной. Толстяку некуда было деваться, кроме как носиться по кругу. Но делал он это отлично. Когда Террол вышел в коридор, толстяк обвел одного охранника, оттолкнулся от стены, бортанул другого и рванул к турникету.

— Отойдите, сэр, — рявкнул один охранник Терролу.

— Стой, стрелять буду! — заревел другой вслед толстяку.

Террол отступил обратно в раздевалку, чтобы не попасть на линию огня. Второй охранник выхватил дарт-пистолет, опустился на колено и выстрелил. В то же мгновение толстяк прыгнул рыбкой через турникет. Террол понял, что никакого зеленого комбинезона на нем все-таки не было. Это был факс с кожей нездорового цвета — явная копия.

“Гнусный цвет”, — подумал Террол, когда толстяк, похожий на плод неудачного генетического эксперимента, пролетел над турникетом. Сам Террол всегда выбирал красный. Стрелка попала в цель, и зеленое тело хлопнулось о стенку.

— Простите, сэр, — сказал охранник. — Еще одна чертова факс-реклама.

Они пронеслись мимо него и проскочили турникет. Толстяк опускался на пол полудохлой лягушкой. Охранник, добежавший первым, пустил толстяку в плечо еще одну стрелку, и тот затих.

— Отрубился, — заметил охранник.

— Я его прикончу, — откликнулся другой.

Он вытащил из-за пояса здоровенный нож и полоснул толстяка по горлу. Тот начал размягчаться и рассыпаться. Террол отвернулся в сторону. Убить факса было делом законным, если, конечно, это делалось гуманно. Но все равно, зрелище было не из приятных.

И тут Террол услышал, как сзади открывается дверь. Обернувшись, он вдруг увидел перед собой прекрасные нефритово-зеленые глаза. На прекрасном нефритово-зеленом личике. Над очень прекрасным — и очень голым — нефритово-зеленым телом. Женщина застыла в дверях факс-кабинки, явно ошеломленная не меньше него. И Террол поймал себя на том, что не может оторвать от нее глаз. Она была изящной, пропорциональной, стройной и соблазнительной. И роскошно смотрелась в зеленых тонах.

Они довольно долго пялились друг на друга. В конце концов она вспыхнула (в зеленых тонах — потрясающее зрелище) и смущенно отвела взгляд, прикрывшись ладошкой с длинными пальцами.

ПОЯВЛЕНИЕ В ГОЛОМ ВИДЕ ТЕРРОЛА НЕ ВОЛНОВАЛО - ИЛИ ГОЛЫМ, ИЛИ ДЖИНСЫ ПЕРЕМЕШАЮТСЯ С МОЛЕКУЛАМИ ТЕЛА - НО ОН ТЕРПЕТЬ НЕ МОГ ТРАТИТЬ ВРЕМЯ НА ОДЕВАНИЕ.

— Прошу прощения, — произнес Террол, не испытывавший ни малейшего раскаяния. — Ошибся комнатой.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Немного постоял, восстанавливая дыхание. Он был рад, что успел одеться до ее прибытия. В его бизнесе следовало скрывать свои истинные чувства.

И это вернуло его к реальности. Он бросил взгляд на часы — пятнадцать минут потрачено из-за этой чертовой факс-рекламы. И из-за чертовски красивой женщины. Потратив еще секунду на воспоминания о ней, он отбросил их и бодро прошагал через турникет. Охранники, снова занявшие свои места, кивнули ему, лишь мельком взглянув на его данные. Он их проигнорировал. Робопылесос поглощал останки толстяка, и Террол позволил себе бросить взгляд на исчезающую кучку зеленой пыли.

“Гнусный цвет”, — снова подумал он. Впрочем, при соответствующем теле...

Он стряхнул с себя воспоминания и зашагал по коридору в конференц-зал. У него не было времени думать о незнакомке, которую никогда больше не увидит.

Он бывал здесь уже три раза, в других дублях, отрабатывая детали сделки, которую собирался завершить сегодня. В памяти, конечно, это не сохранилось, но у него были отчеты. Кроме того, дубли были им и делали именно то, что делал бы и он для заключения этой сделки.

Это была сделка по приобретению четверти доли “Вестерн Конгломератс” в “Солар Системс, Инк.”. А в это же время в трех тысячах миль отсюда Джаред Террол сам под-

махивал контракт по "Лунар Ресорсес"; а в Гонконге еще один, другой, покупал долю "Санс оф Ниппон энд Санс", достаточную для занятия "Ворлд Продактс Анлимитед" таких позиций в консорциуме по производству низкогравитационных кристаллов, чтобы иметь возможность притормозить до полной остановки производство нефтяного дикарбоната. Что взвинтило бы рыночную стоимость единственного его заменителя, неотридия, до заоблачных высот. А "Ворлд Продактс Анлимитед", за счет толковых действий Джареда Террола и его не менее талантливых дублей как раз скупила все неотридиевые предприятия планеты. Мир мог покупать только у "Ворлд Продактс" или снова вернуться к нефти и углю. Терролу нравились сделки именно такого рода.

Он прошел в конференц-зал, кивком поздоровался с двумя мужчинами, которые там уже были, занял место во главе стола, открыл настольный пульт, вывел на экран последний вариант проекта договора, заказал выпивку, сделал два коротких телефонных звонка, закупил фьючерсы на свиные потроха и отпустил сальную шутку.

— Доброе утро, Тер... — заговорил мужчина постарше, повернулся к Терролу. У него были большие уши, большие зубы и редеющие волосы. Террол определил его как лысеющую обезьяну, а Р-3 был его вылитым портретом за исключением веселости.

— Мы ждем представителя юридического отдела корпорации, — сообщил Младший. — Для окончательной шлифовки...

— Сколько ждать? — поинтересовался Террол, красноречиво посмотрев на часы.

Как раз в этот момент дверь в конференц-зал открылась. Террол посмотрел в ту сторону и вдруг увидел перед собой прекрасные нефритово-зеленые глаза. На знакомом и по-прежнему прекрасном нефритово-зеленом лице. Тело оставалось столь же прекрасным — но на этот раз одетым. Зато зеленое платье было полупрозрачным, и оно колыхалось вокруг нее, когда она встала в дверях. Трудно было определить, где заканчивалась ткань и начиналась кожа. Память Террола восполнила недостающие детали.

— Я всегда буду вспоминать вас, стоящей в дверях, — сказал он и только потом сообразил, что произнес это вслух.

— Четыре ровно, мое время, Младший, — заметил Террол. — Но все равно спасибо.

Он изобразил сухую мимолетную улыбку.

Младший — Дж. Р. Роббинс-Мл., ныне старший партнер и председатель "Вестерн Конгломератс" — улыбнулся в ответ и открыл рот, чтобы сказать еще что-то. Террол обратился к мужчине помоложе.

— Поздно начинаем, — сказал он. — По дороге сюда я задержался из-за одного рекламного факса.

По его тону можно было судить, что он думает о службе охраны в "Вестерн Конгломератс".

Более молодого звали Дж. Р. Роббинс-III — для друзей и недругов он был Р-3, для своих служащих — мистером Робби. Он являлся вице-председателем и исполнительным директором; чувство юмора у него отсутствовало.

— Я поговорю с капитаном... — начал он.

— Нет проблем, — сказал Террол. — В конце концов они его выкинули. Так мы готовы начинать?

Он махнул рукой в сторону экрана.

Младший и Р-3 переглянулись. Затем Р-3 открыл свой пульт и начал стучать по клавишам. Младший с улыбкой

Женщина потупилась и вспыхнула (по-прежнему восхитительное зрелище), но улыбнулась и вошла в зал. Младший и Р-3 посмотрели на нее, на него, а потом — друг на друга.

— Вы уже... — заговорил Младший.

— Мы столкнулись в коридоре по пути сюда, — быстро сказал Террол.

Он заставил себя успокоиться и сделал непроницаемое лицо. Он снова порадовался, что одет.

— Это Мелони Лейн, — представил Младший. — Мелони, это Джаред Террол.

Она подошла к нему, протянула руку.

— Мистер Террол, — произнесла она.

Голос ее звучал мелодично и хрипловато, и Террол обнаружил, что встает, чтобы подать ей руку, но удержался и сел на место. Он никогда не вставал для приветствия. Но, заглянув в ее зеленые глаза, он понял, что опять поднимается, чтобы обменяться с ней рукопожатием. Он снова остановил себя.

И застыл в полусогнутом положении, протянув одну руку, а другой нащупывая стол, чтобы опереться. Он подал ей руку и ощутил, как по его ладони скользнули длинные прохладные

пальцы. Другой рукой он в это время наткнулся на клавиатуру. Пульт опустился в стол, прихватив его большой палец.

Подавив вскрик, Террол дернул руку вверх. Пульт снова распахнулся, освободив палец, и Джаред оказался плотно прижатым к Мелони Лейн, их сцепленные руки очутились между ее грудей, а его прищемленный палец зацепился за складки ее рукава. Ее губы слегка раздвинулись от неожиданности — всего лишь на расстоянии дыхания от его губ. Они долго смотрели в глаза друг другу.

Потом она негромко ойкнула и отстранилась. Террол опомнился и быстро сделал шаг назад. Сгибами коленей он наткнулся на край кресла и неловко плюхнулся на место. Его большой палец освободился, но при этом послышался негромкий треск разорвавшейся ткани. Мелони посмотрела на свою вдруг обнажившуюся руку. Террол же уставился на оставшийся у него в руке рукав.

— Вы в поря... — начал Младший.

— Конечно, — отрезал Террол.

— ...дке, Мелони? — закончил Младший.

— Да, мистер Роббинс, — ответила она, и от звука ее пыли. Потом он спохватился — он ведь тоже факс. Времени у него осталось даже меньше, чем у нее. И у него есть дело, которое надо закончить. Он бросил рукав на стол.

Мелони уселась между Младшим и Р-3, прямо напротив него. А Младший что-то говорил, его обезьянья физиономия выражала недоумение.

— Ваше мнение — это ваше мнение, Младший, — произнес Террол, придерживаясь своей обычной линии, когда терял нить разговора, — но "Ворлд Продактс" имеет свои планы.

— Так вам не нравится Толидо, мистер Террол? — спросила Мелони.

Вот оно. Младший говорил, что она из их офиса в Толидо.

— Никогда там не бывал. Как я сказал, "Ворлд Продактс" имеет свои планы. Я отправляюсь туда, куда меня факсуют. И прошу называть меня Джаредом.

Он приятно улыбнулся. Он старался улыбаться приятно. Он сделал над собой большое усилие, чтобы приятно улыбаться. Он не имел представления, как его

ОНА БЫЛА ВСЕГО ЛИШЬ ФАКСОМ. НАСТОЯЩАЯ МЕЛОНИ ЛЕЙН НАХОДИЛАСЬ ГДЕ-ТО В ДРУГОМ МЕСТЕ, ВОЗМОЖНО, НА СВИДАНИИ С КАКИМ-НИБУДЬ ПАРНЕМ [ВОТ УБЛЮДОК!]

голоса у Террола забурлила кровь.

— Простите за платье, — произнес он, пытаясь решить, что делать с рукавом, который продолжал держать. — Я его заменю.

Она посмотрела на него и улыбнулась. Кровь прихлынула к его щекам, и он мял кусок ткани у себя в руке. Его не волновало, одет он или нет.

— Все нормально, мистер Террол, — сказала она. — Это всего лишь факс.

Всего лишь факс. Кровь у него стала успокаиваться при этой отрезвляющей мысли. Она была всего лишь факсом. Настоящая Мелони Лейн находилась где-то в другом месте, возможно, на свидании с каким-нибудь парнем (вот ублюдок!). Ему надо будет выяснить, где, узнать, как с ней встретиться после совещания, когда эта прекрасная и умопомрачительная копия, к сожалению, размягчится и рассыплется. Господи, стыдобища-то какая.

Террол снова взглянул на часы. Еще пятнадцать минут прошло. Еще пятнадцать минут с этой очаровательной дамой растворились в облаке нефритово-зеленой улыбка выглядит на самом деле. Он столько времени потратил на отработку сухой, натянутой, властной улыбки, что эту привычку было нелегко преодолеть. От натуги лицо у него чуть не перекосилось.

А тем временем он думал о Толидо. Ему надо сообщить об этом Терролу — самому Терролу. Может, он найдет какой-нибудь способ встретиться с этой женщиной во плоти. Они смогут поужинать вместе, попить вина, посмотреть шоу, пойти в...

Сердце Террола сжалось от одной этой мысли. Какой-то другой мужчина с Мелони Лейн — можно с ума сойти от ревности. ("Но он — это ты", — заметил тихий голос у него в голове. "Чушь собачья, — ответил он. — Я — это я, а она — это она, и мы оба здесь и сейчас"). Джаред Террол не был склонен к поэзии, но эта мысль прозвучала как сонет. Он любил эту прекрасную женщину и желал ее. Именно он, а не какой-то там долбаный дубль в трех тысячах миль отсюда. И именно ее, а не ее далекую двойняшку в Толидо. Да и реальная Мелони Лейн, наверное, представляет собой нечто в уныло-розовых тонах. А он вожделел именно эту лад-

ную зеленую красотку, что сидела напротив него.

Которая как раз в этот самый момент стучала по клавишам, а сидевший рядом Младший что-то ей бубнил.

— Что у вас там? — спросил Террол.

— Нам нужно, чтобы вы одобрили изменения в разделе 3, параграф 42, насчет...

— Хорошо, Младший, хорошо, — перебил Террол, спешно выведя этот раздел и быстренько его просмотрев.

— Мелони считает, что данная формулировка позволит вам...

Террол улыбнулся Мелони. На этот раз улыбка далась легче.

— Отличная формулировка, — сказал он. — Идеально соответствует моему начальному замыслу. Способная вы девушка...э-э-э... личность.

Она скромно опустила взгляд на пульт.

— А теперь параграф 57 того же раздела, — сказал Р-3. — Мелони подумала...

— Уверен, что все отлично, — откликнулся Террол. Он вывел этот параграф для быстрого просмотра, но поймал себя на том, что вместо этого изучает черты лица Мелони, склонившейся над работой.

еще, и так по всему контракту, параграф за параграфом. Ее голос с каждой минутой звучал все прелестней. У него в какой-то момент промелькнула мысль, а не спланировано ли все заранее, не уловка ли это со стороны "Вестерн Конгломератс", чтобы отвлечь его от формулировок. А вдруг эта самая Мелони нашпигована ферментами, тщательно подобранными специально под него?

Он взглянул на Младшего, ухмыляющегося, точно шимпанзе, и на Р-3, насупившегося, словно горилла. И на очаровательную Мелони посередине, напоминавшую Шину, Королеву Джунглей. ("Какая разница? — подумал он. — Жизнь слишком коротка. Лишь любовь имеет значение.")

И это заставило его вспомнить о времени. Он взглянул на часы. Всего час остался. Еще всего лишь один час его присутствия. Он не мог ее упустить. Он должен обладать ею.

Дав ей закончить с очередным разделом, он сказал:

— Думаю, достаточно. Вы классно для нас поработали, Мелони. Остальное мы можем просто опустить.

На лице у нее появилось озадаченное выражение, она восхитительно склонила головку, а глазах промелькнул лукавый огонек. Господи, до чего хороша!

— А больше ничего не осталось, — сообщила она.

Он прижал большой палец к экрану напротив своего имени, впечатал "Ворлд Продактс Анлимитед, Лимитед", ввел пароль доступа и закрыл пульт.

— Может, вам хочется услышать доводы Мелони относительно новой формулировки, — произнес Р-3. — Это связано с новыми правилами о непредвиденных дохо...

— Мне очень бы хотелось услышать ваши доводы, — обратился Террол к Мелони. — Лично от вас.

Она бросила быстрый взгляд на Младшего, который покивал обезьяньей головой.

— Конечно, Мелони, — сказал он.

— Итак... — начала она, и звук ее голоса довел пульс Террола до критической отметки. Ему страшно хотелось, чтобы она нашептывала те же слова ему на ухо. "Картель", "судебные процедуры", "вынужденное отторжение" — какие чудные слова, когда их произносит такой ротик.

Она замолчала и посмотрела на него. До него дошло, что она ждет комментариев.

— Чудесно, — сказал он. — Прекрасная логика, должен заметить. С моей стороны никаких возражений.

Р-3 сообщил о следующем изменении, и Террол снова попросил ее объяснить это лично для него. И еще одно, и

— Что? — Террол посмотрел на свой экран. Они дошли до последней страницы. — Конечно, — сказал он. — Можно просто перекатать наши подписи со старой страницы и закончить на этом.

— Отлично, — сказал Младший, потирая пухлые ручки, — просто отлично. Так приятно вести дела с человеком, который...

— Давайте распечатаем и закончим, — сказал Террол.

Он прижал большой палец к экрану напротив своего имени, впечатал "Ворлд Продактс Анлимитед, Лимитед", ввел пароль доступа и закрыл пульт.

— А теперь... — начал он.

— Думаю, за это надо выпить, — сказал Младший. Он откинулся в кресле и нажал клавишу рядом со своим пультом, предоставив Р-3 подписывать и ставить печать за "Вестерн Конгломератс". — Что вы будете, Террол? Бурбон? Пальмовое вино?

Из столика рядом с ним поднялся полностью укомплектованный бар.

— А вы, Мелони? Это ведь и ваш праздник.

— Хорошо, — сказала она, посмотрела в глаза Терролу и быстро отвела взгляд. — А вы к нам присоединитесь... Джаред?

Террол собирался отказаться. Теперь ему оставалось лишь кивнуть. Он попросил Младшего налить ему пальмового вина и сделал глоток. Мелони взяла свой бокал изящной, красивой ручкой и немного отпила. Террол наблюдал, как ее губы ласкают край бокала.

Он допил свое вино одним быстрым, вызывающим отвращение глотком, и поднялся.

— Мне надо доложиться в "Ворлд Продактс", — сказал он Младшему и встретился взглядом с Мелони. — Времени остается мало.

— Конечно, Террол, конечно, — согласился Младший, радостно кивая. Он взял свой бокал и встал. — Можете воспользоваться этой комнатой.

Он взглянул на часы.

— Мы позаботимся о том, чтобы никто не заходил, пока вы... м-м-м... не закончите. Пойдем, Робби.

Р-3 поднялся с кислым видом, оставив на столике свою выпивку нетронутой.

— Отлично, — сказал Террол, придавив дверью пальцы Младшему. — Спасибо.

Тот вскрикнул и убрался.

Террол выждал, потирая лоб и надеясь, что синяка не будет. Бог знает, как это будет смотреться на его красной коже. Ему надо выглядеть хорошо следующие — он взглянул на часы — полчаса.

Он приоткрыл дверь и украдкой выглянул в коридор. Слева возле турникета, ведущего к факс-кабинкам, сидели охранники. У обоих был полусонный вид. По крайней мере, ни один из них не смотрел в его сторону. Справа коридор упирался в лифты. Он увидел, как Младший и Р-3 заходят в лифт и исчезают из поля зрения. Никаких признаков Мелони. Но между ним и лифтом была еще дверь.

Террол выскочил в коридор и проскользнул вдоль стены к этой двери. Он тщательно прислушался, но не услышал ничего. Воровато оглянувшись, Джаред убедился, что охранники его не заметили. Открыв дверь, он быстро шагнул внутрь.

Комната была пустой. Террол чертыхнулся и начал разворачиваться. И тут услышал, что открывается дверь позади него. Он повернулся, улыбаясь.

— Здесь рядом помещение, которым можете воспользоваться вы, мисс Лейн, — сказал он.

Она встала.

— До свидания... Джаред, — произнесла она.

Террол улыбнулся ей и кивнул. Затем открыл свой пульт и сделал вид, что работает. Как только дверь закрылась, он вскочил с места, преодолел зал за три шага, приложил к двери ухо и прислушался.

Тут дверь распахнулась, стукнув его по голове. В зал заглянул Младший, у которого изумленно забегали глаза.

— Простите, Террол, — сказал он. — Вы в порядке?

— Отлично, — прошипел Террол, потирая растущую шишку на лбу. — Я просто кое-что уронил.

Он сделал вид, будто подбирает что-то с пола и кладет в карман.

— Всегда беру эту штуку с собой, — сообщил он, отчаянно моргая, чтобы восстановить зрение.

— Я просто хотел сказать, чтобы вы наливали себе из бара что угодно, — пояснил Младший.

И обнаружил перед собой трясущегося старика в нелепом костюме-тройке и ковбойской шляпе, который проковылял в комнату, пытаясь застегнуть молнию. Террол услышал, как что-то течет. Справившись с молнией, старик поднял голову с торжествующей улыбкой. При виде Террола он растянул улыбку до обезьяньего оскала. Он зашаркал вперед, протянув руку.

— Рад вас видеть, — произнес он. — Очень рад вас видеть.

— Извините, — быстро сказал Террол, пятясь от двери, — ошиблись комнатой.

— Мистер Роббинс, — продолжал старик, надвигаясь на него, — очень рад...

Террол захлопнул за собой дверь. Он услышал глухой удар и вскрик с другой стороны. Он не стал передвигаться на цыпочках — времени оставалось немного, — но охранники не шелохнулись.

Он вошел в другую дверь, уже не прислушиваясь. Здесь тоже было пусто. Но напротив была еще одна.

Террол не стал ждать неизбежного. Он пробежал через комнату и распахнул дверь.

— Мелони... — произнес он.

Оттуда выкатился робопылесос. Террол отпрянул, пнул его ногой и выругался. Робопылесос упрямо последовал за ним, высасывая пыль из его ботинок своим свинячьим носиком.

— Отвали от меня, — взорвался Террол.

Он опустил ногу на машину с приятным для его уха хрустом. Пластиковая крышка разлетелась, и в комнату вылетело облако зеленой пыли. Ботинок Террола застрял в пластике — полетели искры. Он отскочил, оставшись босым на одну ногу, хлопая по язычкам пламени, охватившим волоски на пальцах ног. И только тогда он заметил зеленую пыль.

— Господи, — произнес он. — Мелони.

Опустившись на колени, он благоговейно коснулся небольшой кучки.

— О, дивная, прекрасная Мелони!

Он услышал за спиной звук открывающейся двери.

— О, черт, — пробормотал он.

— О Джаред, — только и промолвила она, отстранившись от него и нерешительно встав посреди комнаты. Дымящийся робопылесос опрокинулся и обдал ее платье зеленой пылью.

— Вы испытываете те же чувства, — произнес Террол и шагнул к ней. Руки у него дрожали.

На ее щеках проступили изумрудно-зеленые пятна, ноздри ее раздувались. Но она отвернулась от него в сторону.

— Да, — прошептала она, — но это невозможно.

— Но скажите ради Бога, почему?

Он подошел к ней и коснулся ладонью ее щеки. Разница в цвете кожи привносила в их страсть карнавальную атмосферу. Он развернул ее лицом к себе.

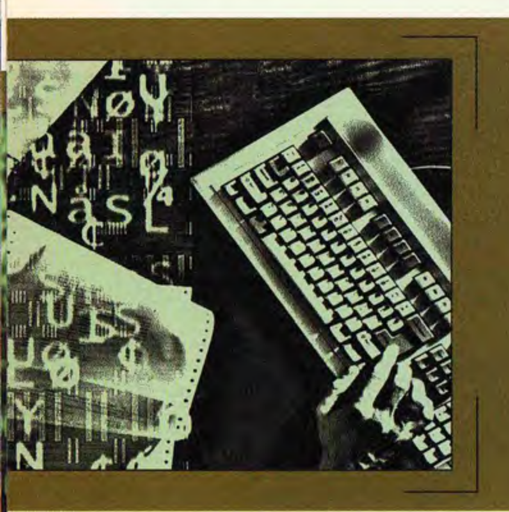
— Почему? — снова спросил он. Их губы были совсем близко.

— Моя карьера, — слабым голосом ответила она.

— Ты великолепна, — возразил он. — Они не посмеют от тебя избавиться.

— Мой муж, — произнесла она, придвигаясь чуть ближе.

— Он мизинца твоего не стоит, — сказал он.

- О, Джаред,
- произнесла она, находясь в полуобморочном состоянии. - Ты такой... такой... красный.

— Джаред, — послышался голос Мелони. — Что вы тут делаете?

Он встал и повернулся, пытаясь улыбнуться. Его лицо сегодня уже так наулыбалось, что болело. Отказавшись от бесплодных усилий, он позволил своей физиономии изображать все, что ей заблагорассудится.

Мелони стояла в дверях с видом восхитительного недоумения. Он раздел ее глазами. Она вспыхнула, отвела взгляд и прикрыла рукой шею.

— Мелони, — сказал он охрипшим голосом. — Мне нужно было вас увидеть.

— Зачем? — спросила она.

Глаза у нее были широко раскрыты, она часто дышала.

Он приблизился к ней.

— А вы как думаете?

— Из-за параграфа 57? — спросила она.

— К черту параграф 57, — ответил он, беря ее за руку и увлекая в комнату. — К черту всё.

Он закрыл дверь и прижал девушку к себе.

— Я люблю вас, Мелони, — сказал он. — С того момента, как увидел вас в факс-кабинке.

Их губы соприкоснулись. Его тело пронзил электрический разряд. По его босой ноге прокатился робопылесос.

Отпихнув машину в сторону, он поднял Мелони на руки, не отрываясь от ее губ.

— Я могу забеременеть, — пробормотала она, и звуки ее голоса эхом отдавались у него во рту.

Террол опустил ее на диван.

— О Боже! — воскликнул он, взглянув на часы. — Мы рассыпемся через десять минут.

Он начал расстегивать ее платье.

— Это так неожиданно, — произнесла она, на лице ее была написана страсть. — Я ощущаю себя так... странно. Словно... чужая... в чужом теле.

— Я — это я, а ты — это ты, и мы оба здесь и сейчас, — выдохнул он. Теперь, когда он заканчивал с последней застежкой и срывал ткань с ее тела, в нем проснулся поэт. Осыпая ее пылкими поцелуями, он начал стягивать с себя комбинезон. Провозившись секунд десять с платком, он оставил эту затею и наклонился, чтобы снова ее поцеловать.

В этот момент открылась дверь.

— Эй-эй! — пропел задыхающийся голос. — У меня для вас отличное предложение!

Джаред резко поднялся и увидел налитые зеленые глаза на ядовито-зеленой обрюзгшей физиономии над жирным желеобразным зеленоватым телом. Голым телом. Голым, отвратительным телом.

— Гринбергом меня зовут, всё для факсов там и тут! — сообщил толстяк, заскакивая в комнату. — У меня есть кабинки, есть аксессуары. У меня есть бумага и телесный тонер. У меня такие контракты на обслуживание, что вы просто не поверите. Звоните по телефону 413-672-786-333-8900, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, на любом языке, каком хотите, и наши операторы...

Террол вскочил с воплем разочарования и ярости. Схватив толстяка за ядовито-зеленую шею, он начал его трясти. Толстяк хрипел и дергался. Потом Террол споткнулся о робопылесос и упал. Толстяк зацепился за Террола и растянулся поперек Мелони. Она вскрикнула, задыхаясь под желеобразной ляжкой.

Робопылесос приполз в руки Терролу. Он с трудом встал, размахивая машинкой, как мячом, и опустил ее на голову толстяка. Затем отшвырнул искрящий и скрежещущий робопылесос в угол. Схватив толстяка под мышки, он могучим рывком поднял его. Это было все равно, что бороться с медузой. С медузой, которая размягчается и превращается в порошок прямо в руках.

Террол тупо уставился на свои покрытые пылью пальцы. Мелони слегка вскрикнула, и он посмотрел на нее. Он тяжело дышал, разгоряченный, возбужденный.

— О, Джаред, — произнесла она, находясь в полуобморочном состоянии. — ты такой... такой... красный.

Она простерла к нему руки.

Он нырнул в ее объятия и приник к ее телу губами. Она поместила его голову между грудей и крепко ее держала. Он пытался подняться, пытался перекинуть через нее ноги, занять хорошую позицию. Любую позицию. Но она его не выпускала.

— Прижмись ко мне, — произнесла она. — Я хочу навеки запомнить это мгновение.

И тут он почувствовал, что начинает рассыпаться.

Перевод: В. Малахов

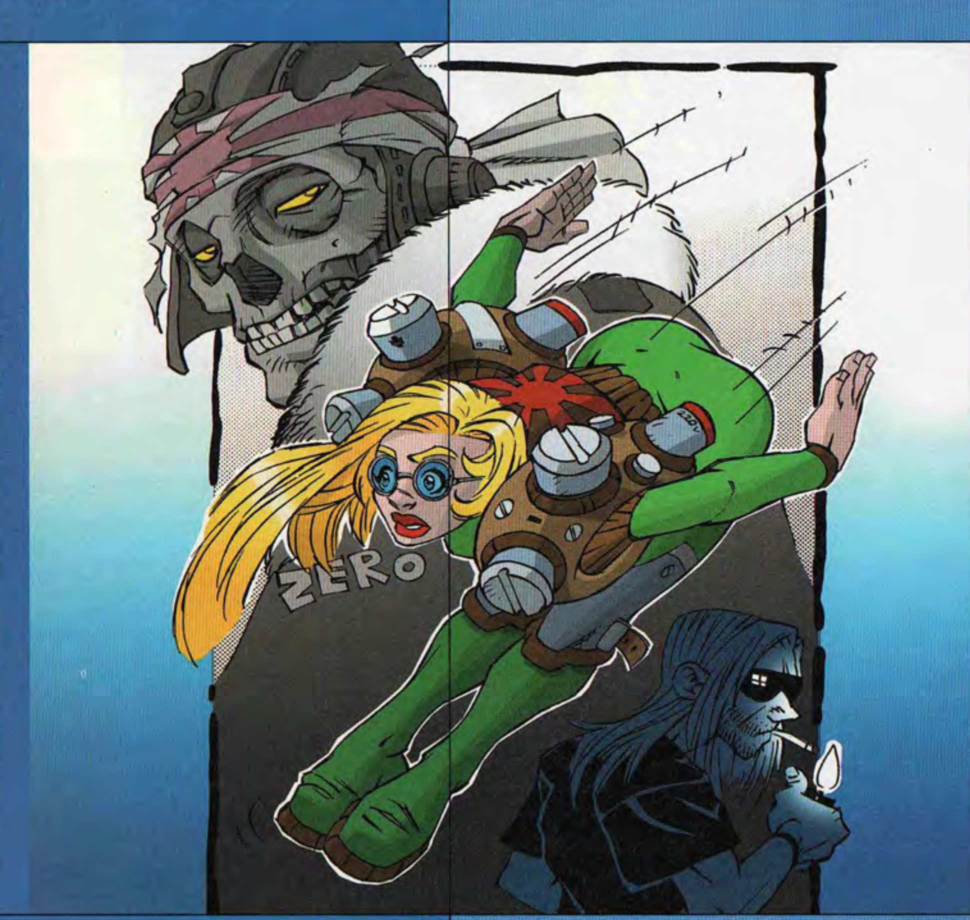
АЛЕКСЕЙ ШВЕДОВ

ЮЛЯ КАМИКАДЗЕ

КАК-ТО РАЗ Я НАШЕЛ В СЕТИ НОВОГО АВТОРА, А ВМЕСТЕ С НИМ И НОВЫЙ ЖАНР В ФАНТАСТИКЕ. БЫСТРЫЙ НА ТЕРМИНЫ СЭР МАКС ФРАЙ ОКРЕСТИЛ ЕГО КИБЕРПАНК-РЕАЛИЗМОМ. В ЭТОМ РАССКАЗЕ НЕ БУДЕТ КРУТОГО МОЧИЛОВА. [КАК-НИБУДЬ В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ]. БУДЕТ ПРОСТО НЕВЕРОЯТНО ЖИВАЯ КАРТИНКА ТЕХНОГЕННОГО БУДУЩЕГО. САМОЕ ЗАБАВНОЕ, ЧТО БУКВАЛЬНО ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ЭТОТ РАССКАЗ ПЕРЕСТАНЕТ БЫТЬ ФАНТАСТИКОЙ. ПОПОМНИ МОИ СЛОВА...

ФАНТОМ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ: БРАТЬЯ КУЗЬМИЧЕВЫ

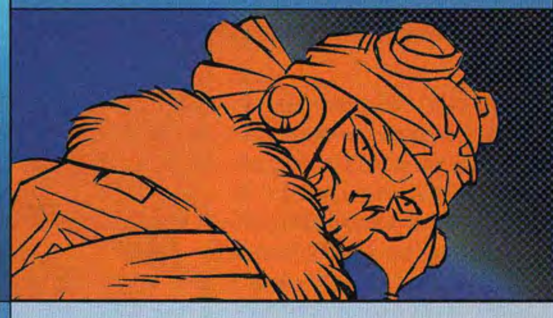

ДО НАСТУПЛЕНИЯ НАШЕГО СТОЛЕТИЯ СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ БЫЛИ СТОЛЬ МЕДЛЕННЫ, ЧТО ПРАКТИЧЕСКИ БЫЛИ НЕЗАМЕТНЫ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА. СЕГОДНЯ ВСЕ ИЗМЕНИЛОСЬ. ТЕМП ПЕРЕМЕН ВОЗРОС НАСТОЛЬКО, ЧТО НАШЕ ВООБРАЖЕНИЕ УЖЕ НЕ УСПЕВАЕТ ЗА НИМ.

Ч. П. СНОУ

ТАК КАК НОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАСТ НОВЫЕ ВИДЫ СПОРТА, МЫ МОЖЕМ ОЖИДАТЬ ОБРАЗОВАНИЯ МНОЖЕСТВА РАЗНООБРАЗНЫХ ИГРОВЫХ КУЛЬТУР.

А. ТОФФЛЕР

Примостившись на табуретке у запотевшего стекла, Юля указательным пальцем рисовала на нем различные кружочки, треугольники и другие геометрические фигуры - преимущественно простые, не особо навороченные, так что какие-либо многогранники на ее чертежах отсутствовали.

Кондиционер в ее ячейке был включен на максимум, поскольку если вы пытались установить регулятор в другое положение, то он почему-то начинал искрить. Вызвать же мастера все никак не получалось... В общем, в комнате было довольно жарко. На улице только что прошел дождь; немногочисленные прохожие либо кутались в плащи, либо прятались под энергозонтами, либо имели при себе и то и другое. Открыв рот, Юля приблизила лицо к стеклу, и теплое дыхание заставило только что нарисованный кружочек вновь запотеть, хотя его очертания все еще проглядывали сквозь термозаплату.

Юля ждала звонка. Было уже пять минут седьмого, а Игорь обещал позвонить в шесть. Так, по крайней мере, они договорились по сети. С другой стороны, они могли запросто обсудить все и по электронной почте, но Юля как-то намекнула, что у нее есть видеофон, и Игорь в следующем письме полюбопытствовал, какой у нее номер... В общем, он написал ей, что позвонит в среду в шесть. А уже начало седьмого. Конечно, это ничего не значит, думала Юля, рисуя на стекле "@". Либо он позвонит с секунды на секунду, либо у него возникли какие-то проблемы со связью, а может быть, еще что-то. В любом случае, рано или поздно - даже если он не свяжется с ней по видео - она выловит его послание в своем компьютере. К слову, к Интернету Юля подключена не была, так как зарплата у нее была маленькая, и она не могла себе позволить регулярно уходить в Матрицу. Да и компьютер у нее был старый, десятилетней давности...

— Пи-пи-пи-пи-пи! — запищал видеофон.

Юля мгновенно соскочила с табурета и бросилась к экрану. Она сама себе удивлялась — влюбиться в человека, которого она видела только на фотографии и который, к тому же, из другого города! М-да...

Лицо Игоря, медленно проявившееся на экране, имело то официальное выражение, которое обычно присуще ведущим новостей. Очевидно, он не знал, кто подойдет к видеофону, но, увидев, что это Юля, он тут же приветливо заулыбался.

— Привет, Джулия! — связь была так себе. — Слушай, я тут не из дома звоню, но, короче, суть такая. У нас тут намечается нечто типа слета камикадзе, если хочешь — тоже прилетай.

— Но..., — забормотала ошарашенно Юля, — но я же не прыгала ни разу, я ведь тебе писала...

— Надо же когда-то начинать! — Игорь на экране вдруг на секунду исчез за жалюзи горизонтальных помех, но тут же вновь вернулся на место. — Короче, соберутся человек сорок, не только местные. Мы для этого вчера даже специально дом один недостроенный захватили — вроде гостиницы будет. Так что ты давай не тормози, бери билет на ракету и двигай к нам. Я тебя встречу. Ну как?

— Ой, это так неожиданно, — забормотала Юля. — Мне... мне надо подумать...

— Да че тут думать? — скривился Игорь. — Заказываешь билет и все дела. Ты, тем более, сейчас в отпуске — сама писала.

Работала Юля учителем биологии, а с Игорем познакомилась через доску объявлений в Фидо два месяца назад (она написала ему первая). Именно от него девушка узнала о существовании такой разновидности экстремально-эзотерического спорта, как "камикадзе", хотя, как позже выяснилось, это молодежное движение в последнее время было распространено достаточно широко. Впрочем, нельзя сказать, что Юля раньше интересовалась подобными вещами — она была обычной скромной преподавательницей и в свои двадцать пять к молодежи себя уже не относила. Подруг и друзей у нее, в общем-то, не было, за исключением коллег по работе, с которыми она иногда пила сухое вино по субботам и, теряя под воздействием алкоголя свойственную ей скрытность, читала им свои стихи. Жила она одна, в небольшой ячейке школьного общежития для учителей, отделившись от матери еще год назад. Ни мужа, ни просто парня у нее не было, хотя, конечно же, Юля мечтала порой о близких отношениях с каким-нибудь мужчиной. Влюблялась Юля довольно часто, но объектам своей любви об этом никогда не сообщала, разве что только в мечтах и стихах. Жертвами ее чувств становились другие учителя (не только

У НАС ТУТ НАМЕЧАЕТСЯ НЕЧТО ТИПА СЛЕТА КАМИКАДЗЕ, ЕСЛИ ХОЧЕШЬ - ТОЖЕ ПРИЛЕТАЙ.

из их школы), а иногда даже и старшеклассники. Сексом она занималась очень редко и все время по пьянке, с одним и тем же партнером — вечно унылым физиком Костей, который два года назад развелся и теперь никак не мог найти себе девушку, что его очень расстраивало. На следующий день Юля обычно сторонилась коллеги, а если им приходилось вдруг встретиться, то девушка сильно смущалась и убегала. Свои интимные отношения оба ни разу вслух не обсуждали.

"А почему бы, и правда, не слетать в Екатеринбург? — подумала Юля. — Отпускные у меня есть..."

— А-а-а, — протянула она. — А-а... Ну, допустим, я возьму билет... Но я не смогу прилететь больше чем на три дня! И как я тебя там найду?

— Классно! — оживился Игорь. — Короче, ты мне все сообщишь письмом, и я тебя встречу.

— А... а что с собой брать?

— Что брать? — недоуменно переспросил Игорь. — Да хрен его знает. Можешь вообще с пустыми руками лететь. Хотя, если на несколько дней... Ну, денег возьми — че еще брать-то? В общем, короче, сегодня среда, а начнется все в субботу. Прилетай или в пятницу вечером, или в субботу утром. Я встречу. А теперь сорри, но я звоню с работы матери и долго говорить не могу. Короче, все. В общем, вроде как договорились. Прилетишь?

— Прилечу! — Юля тут же смущенно опустила взгляд, поскольку сама не ожидала от себя такой быстрой капитуляции. Лететь одной, в незнакомый город... к незнакомому парню... "О Боже, — подумала она, — Кажется, в моей жизни наступают решительные перемены".

В межрегиональной ракете “Кемерово — Екатеринбург” на экранах телевизоров транслировали ОРТ, и вместе с остальными пассажирами (всего их было около двух десятков) Юля вынуждена была смотреть антипиратскую программу Никиты Мухалкова, один из выпусков которой она уже видела. На ее взгляд, подобный подход к голопиратам был необоснованно жестоким. Неужели нельзя бороться с нарушением прав как-то по-другому? Мухалков считал, что нет.

Известный режиссер был стар, очень стар, но благодаря последним медицинским технологиям, все еще держался в седле. Как преподаватель биологии Юля старалась быть в курсе подобных вещей и знала, что многие пожилые люди с достатком выше среднего жили сейчас в основном за счет регулярной пересадки органов, частичной киборгизации, перенастройки иммунных систем и генетической коррекции. По их кровеносной системе плавали взад-вперед миниатюрные телесенсоры, мгновенно реагирующие на любые нездоровые изменения в организме, и, если таковые имели место, то через узловой чип, располагающийся под сердцем, об этом немедленно сообщалось на компьютер медцентра. Почти мгновенно срабатывала обратная связь — и чип впрыскивал в кровь пациента нужное лекарство...

– Он торговал моим последним фильмом “Ласточки Дагестана”, права на тиражирование которого принадлежат компании “ОРТ - Голо”!

Два милиционера ввели в студию парнишку лет восемнадцати, испуганно озирающегося по сторонам. Он знал, что ему грозит, но, тем не менее, все же решился нарушить закон. Что посеешь, то и пожнешь... Грозно шевеля усами, Мухалков сообщил зрителям, что этот юноша торговал пиратской голопродукцией, а взяли его с поличным.

— Я только продавец, — бормотал несчастный, пока его затаскивали на эшафот. — Я ничего такого не сделал...

Мухалков что есть силы ударил его кулаком в промежность. Милиционер, прилаживающий петлю на шею несчастного, вынужден был остановиться, поскольку голопират безвольно обвис в руках его коллеги.

Схватив юношу за волосы, одним сильным рывком Мухалков сбросил его на пол.

— Он торговал моим последним фильмом “Ласточки Дагестана”, права на тиражирование которого принадлежат компании “ОРТ — Голо”!

В зале яростно закричали. На сцену вылетела какая-то рыжая женщина в футболке “Матери против голопиратства” и вцепилась мальчишке в лицо ногтями, а потом принялась пинать его в живот и ниже, сопровождая свои действия смачными плевками. Мухалков и зрители подбадривали ее различными комментариями, а после казни подарили лицензионную дискету с “Ласточками Дагестана”. Счастливая женщина поцеловала Мухалкова в щеку и, сопровождаемая аплодисментами, спустилась в зал. На прощание ведущий вновь толкнул короткую речь о борьбе с пиратством, и на этом передача закончилась. Титры шли поверх болтающегося на виселице трупа.

После просмотра передачи у Юли было такое ощущение, будто ее чем-то огрели по голове. Чувствовала она себя оглушенной и подавленной. “Куда катится мир? — думала она. — И куда катимся мы сами вместе с нашим миром?” Ответа не было.

Потом показали какой-то дурацкий мультфильм про цыплят, затем — рекламу заумной книги Андрея Литвинова “Горизонтальные думающие машины”, и настроение Юли более-менее вошло в норму. Прикрыв глаза, она попыталась представить их первую встречу с Игорем. Наверное, это будет примерно так: вот она сходит с трапа, проходит сквозь таможенный сканер и видит его, стоящего среди других встречающих. Игорь оказывается высоким, и это радует, поскольку она сама ростом метр семьдесят семь, и когда мужчина ниже, это ее немного смущает. Ведь мужчины привыкли во всем ставить себя выше женщин, а если в физическом плане все выходит наоборот, то они ощущают внутренний психологический дискомфорт, ну а Юле обычно очень неудобно за то, что она заставляет людей чувствовать себя не в своей тарелке. Но здесь, слава Богу, иная ситуация. И вот они медленно приближаются друг к другу...

— Уважаемые пассажиры, через десять минут наша ракета прибывает в Екатеринбург! — Юля вздрогнула и открыла глаза. За стеклянной поверхностью экрана, свисающего с потолка перед ее креслом, вместо программ канала ОРТ прятался то ли пилот, то ли еще кто-то, а может, это была и видеозапись. — Прошу всех пристегнуть ремни.

Девушка послушно пристегнулась и уставилась в окно. Внизу со страшной скоростью мелькали леса. У мамы глаза на лоб вылезли, когда Юля сказала ей, что собирается на днях в Екатеринбург. Ей тут же захотелось знать, для чего дочери нужно туда лететь и когда та вернется... Ах, мама, я сама не своя, я словно на автопилоте — этого Юля ей, конечно, говорить не стала, потому что мать тут же начала бы читать ей мораль, а она и так прекрасно понимала, что к чему. “Полагаешь, я не знаю, чем все это может кончиться? — думала девушка, мысленно обращаясь к матери. — Знаю, знаю. Этот визит в Екатеринбург полностью изменит меня, потому

что впервые за последние несколько лет я буду делать то, что хочу, а не то, чего хотят от меня окружающие. Мне никогда не было интересно с этими тупыми учителями, которые только и знают, что бухать и сплетничать, а дети им, по большому счету, безразличны, так как работают они только из-за зарплаты".

Конечно, Юле было немного страшновато окунаться с головой в ту среду, о которой она столько слышала, но с представителями которой в близкий контакт никогда не вступала. Тем не менее, девушка была уверена, что все будет хорошо. Юля специально распустила волосы (на работу она укладывала их в пучок) и надела старые потертые джинсы, надеясь, что этого будет достаточно для того, чтобы незнакомые люди не приняли ее за забитую провинциальную учительницу. С собой она взяла около двух сотен наличными, а также карманный сборник Есенина, творчество которого очень любила, и блокнотик-черновик, куда порой записывала интересные мысли и наброски стихов. Обратный билет Юля, естественно, пока покупать не стала.

Ракета пошла на снижение. Юля давно уже не бывала в больших городах, даже в Новосибирске — и туда она в последний раз ездила больше года назад на конференцию по биологии. А в ее родной Казначеевке было

всего около двадцати тысяч населения, и все городские новшества доходили до них с опозданием месяцев на пять, хотя порой этот процесс занимал и годы. Наверняка она узнает много интересного...

Выпустив шасси, ракета помчалась по посадочной полосе. В Екатеринбурге было четыре часа дня.

Проснувшись в начале двенадцатого, Киловатт быстренько перекусил и понесся на остановку, поскольку вчера он обещал остальным прибыть в их сквот к одиннадцати. Нервничая, он бродил взад-вперед по посадочной платформе, мрачным взглядом осматривая остальных ожидающих, которые были похожи скорее на зомби, чем на обычных живых людей. Наконец подлетела "пятерка", Киловатт залез в нее и встал у заднего стекла, лицом к салону.

Их новый временный сквот, который они тут же обозвали "гостиницей", располагался на краю города и представлял собой недостроенный небоскреб, насчитывающий в настоящее время семнадцать этажей. Строительство по непонятным причинам забросили еще прошлой осенью и до сих пор не возобновили, что позволило без особых проблем проникнуть на никем не охраняемую территорию и обосноваться там в качестве жильцов. Менты их пока не трогали. Недалеко от дома находился высоковольтный столб, что было еще одним огромным плюсом, и сегодня они как раз собирались подцепить к нему магнитную катушку. "Хоть бы дождя завтра не было", — думал Киловатт.

Несколько пассажиров на него странно посматривали, очевидно, недовольные его внешним видом. Что самое смешное, к новым веяниям моды типа открытых гениталий обыватели адаптировались довольно быстро, тогда как простые широкие шорты, черная футболка, длинные волосы и татуировки на руках все еще вызывали у них непонятную неприязнь. Ах да, еще и серьга в ухе. Киловатт хмыкнул и отвернулся к окну. И чего пялятся, спрашивается?

Возле сквота разгуливал одинокий Марат.

— Так Стив индуктор еще не привез? — поинтересовался у него Игорь.

Тот помотал головой. Из кармана его брюк торчал обмотанный изолентой сотовый.

— У него колесо спустило. Идиотизм. Теперь вот жди, пока достанет новое — не арендовать же грузовик.

— Нужно иметь запаску.

Внутри сквота играла какая-то музыка. Значит, все были там.

— Костян из Челябинска прилетел, — сказал Марат. — У него сорок пять прыжков уже.

— Круто! — оценил Киловатт, который прыгал на магнит всего-то семь раз.

— А твоя подружка когда прибудет?

— Подружка! — Игорь фыркнул. — Сегодня в четыре.

— Засадишь ей сразу, поди? — прищурился Марат.

— Ну, а куда она денется? — Игорь усмехнулся. — Впрочем, может, и не сразу, но вообще, в планах такое есть. В планах такое есть...

Ленивой походкой к ним приближались пять широкоплечих малолеток в синтезаторских шмотках. Все бритые и с тупыми лицами. Марат и Игорь переглянулись.

— А че это вы тут делаете? — растягивая слова, поинтересовался один из них, с серебряной голо-паутиной на лысом черепе.

— Смотри, с сережкой! — заметил еще один.

— Смотри, с сережкой! — передразнил его Марат. — Еще какие вопросы?

Что касается Марата, то несмотря на довольно невзрачный внешний вид, он прилично владел карате. У Игоря же в карманах шорт на такой случай всегда болтался шокер.

Малолетки переглянулись.

— Да ладно ты, — сказал тот, кто был с паутиной, Марату. — Мы просто подошли узнать. Смотрим, вы тут что-то в доме делаете, и вроде как у вас что-то намечается. А мы вроде как патруль, что ли. Следим за порядком в районе, — он усмехнулся. — Мы видели, некоторые из вас с рюкзаками разными. Вроде как не местные.

— И что дальше? — спросил Марат.

— Да не заводись ты, мужик, — сказал с паутиной. Киловатт усмехнулся: Марату, как и ему, было всего двадцать четыре (хотя выглядел он чуть старше), но пацаны, в основном лет по шестнадцати, уже принадлежали к другой возрастной категории, к другому поколению. — Если бы вы тут ВСЕ были волосатые и с сережками, то базар был бы другой, конечно, но мы видим, что среди вас и действительно взрослые мужики есть, поэтому мы и спрашиваем: че вы тут делаете?

— Собираемся прыгать, — сказал Марат.

— А, вы эти! — оживился один из пацанов. — Смертники, да?

— Ну.

С паутиной закусил губу.

— Я ни разу еще не прыгал, — признался он.

— Приходи завтра — прыгнешь.

— Серьезно? — его глаза заблестели.

— Вполне.

— Я — Тарантул, — пацан протянул Марату руку.

— Марат.

— Жека, — со шрамом на щеке.

— Макс.

— Леха.

Комментарий Жеки: "Шлеха!"

Комментарий Лехи: "Да пошел ты!"

— Игорь.

— Денис.

Таким образом они все перезнакомились. Киловатт расслабился — в ситуации больше не чувствовалось напряжения.

— Если кто-то до вас доебется, — сказал Тарантул, — можете упомянуть меня. У меня брат — авторитет, меня тут все знают. Помочь, кстати, ничем не надо?

— Да вроде нет, — Марат пожал плечами.

— Ну тогда мы пошли.

Малолетки удалились.

— Ментов так и не было? — уточнил Киловатт.

— Еще нагрянут, куда они денутся...

— Это точно...

Из сквота выбежали Илья, Руслан и Хиросима, которого Игорь терпеть не мог.

— Че, они уже ушли, да, все?

— Ну а что, вас должны дожидаться? — Марат усмехнулся.

— Наезжали?

— Да нет. Просто поговорили.

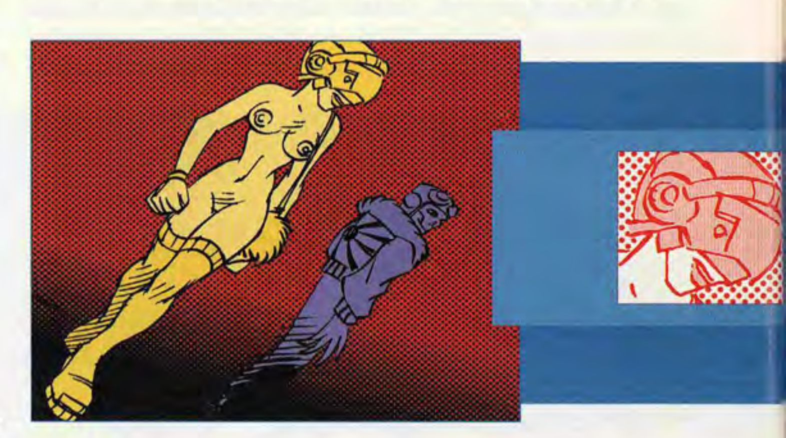
— А нам показалось — наезжали...

Они все поперлись в дом. На портоплитке девчонки готовили какую-то еду. Туда-сюда слонялось несколько незнакомых приезжих и прилетных. Их имен и кличек Киловатт пока не запомнил. Колобок, сидя на окне, читала ксерокопию "Аюрведы для анархистов" Елены Антоновой. Стены в помещении, выбранном ими под гостиную, уже были в разных надписях, в основном антисистемного содержания. Из переносного аудиодискетника играли "Отторгнутые", американские бунтари-постанархисты. Практически все группы, поступающие с Запада, пропускались сейчас через транскриберы, и в итоге исполняли свои песни на чистом (или почти чистом) русском: особой разницы в тональности и тембре голоса вокалистов не чувствовалось, разве что перевод иногда хромал. Еще года четыре назад Киловатт принципиально не слушал адаптированные для русского слушателя западные дискеты, но со временем все же сломался, так как английский знал довольно паршиво, а понимать тексты разных англоязычных коллективов ему все же хотелось. Сейчас транскрибер-софты продавались чуть ли не в каждом магазине.

Марат ушел куда-то в другую квартиру. К Игорю приблизился Слава Хлебников, которого за глаза называли Нахлебниковым. Как всегда, на его лице была печать тревоги.

— По-моему, ничего у нас завтра не выйдет, — забубнил он. — А если даже Стив колесо все-таки найдет, то завтра дождь будет...

— Или литосфера сдвинется, — пробормотал Киловатт.

Нахлебников порядочно всех доставал своими мрачными прогнозами. Выглядел он соответствующе: маленький, тощий, вечно в черном. Когда он прыгал, то это выглядело, как прыжок самого настоящего камикадзе, смертника, самоубийцы; по крайней мере, на лице у Славы при этом было всегда такое выражение, словно он знал, что сегодня-то обязательно разобьется в лепешку.

— Я серьезно, — сказал Слава.

— Я тоже, — буркнул Игорь и направился к сидящему у стены гостю из Челябинска. До этого они виделись всего лишь один раз, в Ижевске, но сейчас Киловатт сразу его узнал.

Среди встречающих Игоря не было. Растерянная Юля минут десять потолкалась возле таможни, а потом потащилась в аэропорт через длинный, выложенный из стеклопластика тоннель. Взлетали и садились самолеты и ракеты, навстречу ей и обгоняя ее, двигались люди с чемоданами и без... Возле самого входа в аэропорт, прислонившись к стене, курила девчонка лет пятнадцати, держа в руках какой-то белый прямоугольник. Скорее всего, это был чей-то снимок, и она сверяла изображенное там лицо с прибывшими на 467-й ракете пассажирами. Увидев Юлю, она отлепилась от стены и рванула ей наперерез.

— Ты — Юля, да? Я — Белка. Игорь не смог тебя встретить, они там заняты сейчас...

Девушка была ниже Юли на голову и имела вызывающую по стандартам Казначеевки внешность. Ее левую щеку покрывал узор татуировки, а одета она была в розовые бриджи и черную майку-сеточку. Автоматически Юля сравнила Белку с Люсей Манохиной из десятого "а", но только волосы у той были подлиннее. "Ах,— подумала Юля, — я по-прежнему продолжаю считать себя учительницей... Забудь об этом, Юля, сейчас ты в отпуске... сейчас ты не учительница... "

Белка схватила ее за запястье и потащила сквозь аэропорт к авиамобильной стоянке (стоянка автомобилей находилась где-то в другом месте), на ходу вываливая на Юлю кучу разной нужной и ненужной информации.

— Короче, они там сейчас заняты, надо магнит к столбу подключать — это будет рядом с нашим сквотом, мы прямо с него и будем прыгать. А у Стива колесо спустило, так что они его там все ждут... Слава Богу, ментов пока не было. У меня "Сатурн" свой — ты не боишься летать без шлема? А по хую — один хер, у меня шлемов нет. Можешь свою сумочку на голову надеть, если хочешь, — Белка захихикала. Энергия из нее так и перла. — Только вряд ли это тебе поможет, если мы грохнемся. У меня даже прав нет, но я вожу хорошо, ты не волнуйся. Ты не волнуешься ведь?

— Да нет, — соврала Юля, внутренне уже вся съежившаяся от мыслей о предстоящем полете без касок на двухместной авиетке. — А что такое сквот?

Работая совершенно бесшумно, "Сатурн" с двумя девушками на спине стремительно мчался на высоте примерно восьми метров от земли. Предел высоты у этого чуда техники был двенадцать метров — Юля определила это по приборам. Ловко манипулируя джойстиками, Белка нарушала все возможные правила воздушного движения, периодически показывая возмущенным ее поведением водителям средний палец и огрызаясь. Юля сидела сзади, ни жива ни мертва; вцепившиеся в страховочные крепления пальцы рук аж побелели от напряжения и страха. Но Белка действительно неплохо управлялась со своей авиеткой, и в конце концов Юля понемногу начала успокаиваться.

Порой "Сатурн" нырял с уровня на уровень так резко, что захватывало дух. Неожиданно Белка пошла на посадку и, повернувшись к Юле, пояснила:

— Мне сигареты купить надо. Я тут все время покупаю, они здесь без смол. Ты куришь?

Юля помотала головой.

— А я вот курю, — "Сатурн" завис над асфальтом; выключать магнитную подушку Белка не стала. — Ладно, ты посиди здесь немного, а я сейчас! — и она убежала.

Они находились на какой-то крупной улице — видимо, это был центр. В витринах огромного магазина напротив бродили обнаженные юноши и девушки с потрясающим загаром, вероятно, таким образом завлекающие покупателей. В Юлином поселке подобная реклама отсутствовала. Здесь же все вокруг было ярким, кричащим. Жизнь кипела; люди хаотично сновали туда-сюда, город смешивал их голоса в коктейль и выплескивал его на потрясенную Юлю. Мимо пролетела реклама, выкрикивая текст объявления... Один мужчина выстрелил в другого, убегающего через дорогу, из иглопистолета, но попал вместо него в невинного велосипедиста... Прошли две совершенно голые (но в чулках и кроссовках) девочки-подростка с аудиоплейерами вокруг головы... Юля почувствовала слабость, на лбу выступила испарина. Голова закружилась. Отовсюду раздавался какой-то странный писк, а иногда и звон. "Как же так? — думала Юля. — Как же так?" Ее состояние было близким к обмороку. Масла в огонь подлил остановившийся рядом мужчина с залысинами и в терминальных очках.

— Не желаете застраховать свой интеллект? — поинтересовался он.

Это было уже слишком. Юля упала в обморок. Уже в следующее мгновение она вела урок биологии в пятом "б". Действие разворачивалось в допотопном наземном автобусе на берегу реки — для каждого класса был свой учебный автобус.

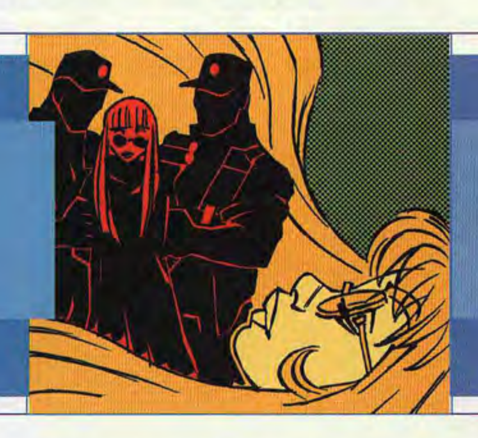
— А теперь, дети, скажите мне, что такое "таксономическая единица".

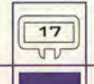
Ответа никто почему-то не знал. Это немного обидело Юлю, потому что она на прошлом занятии все им подробно объяснила. Чем они, черт возьми, слушали? Чтобы както наказать детей, она села на место водителя и медленно поехала вниз по берегу учебной реки к воде. "Будут знать, как не учить уроки!" — думала девушка возмущенно.

Автобус въехал в реку. Она была мелкой, и Юля не боялась, что с детьми может случиться что-то плохое. Заведя автобус на середину и развернув его по течению, обиженная девушка зафиксировала намертво газ

Юлю допрашивали милиционеры, также в помещении находилось пять мокрых выживших детей. Остальные восемнадцать утонули.

и, выпрыгнув в окно, поплыла к берегу. Она надеялась, что теперь-то дети, наконец, возьмутся за ум.

Сев на песок, Юля принялась с интересом наблюдать за развитием событий. Вася Трофимов влез за руль, чтобы вывести автобус на берег, но в это время на реке неожиданно поднялись волны, и течение заметно ускорилось. Вода хлынула в открытые окна... "Что же я наделала?" — в ужасе подумала Юля. Вскочив, она побежала вдоль русла, крича и плача. Автобус захлебывался.

Затем действие переместилось на несколько часов вперед. Юлю допрашивали милиционеры, также в помещении находилось пять мокрых выживших детей. Остальные восемнадцать утонули.

— Я не хотела! — бормотала Юля, рыдая. — Я просто пыталась их немного наказать, потому что они не выучили урок! Пожалеешь палку — испортишь ребенка! Они бы все равно не утонули! Кто же знал, что начнется шторм? Дети, скажите им, что я не виновата, что я не хотела!

Но дети молчали. Лица их были суровыми. Возможно, они и понимали, что их учительница сотворила зло ненамеренно, но теперь своим молчанием уже они наказывали ее. Юля, осознав это, заплакала еще сильнее.

— Я не хотела, я не хотела, — продолжала бормотать она.

— Че ты не хотела? — уточнил один из милиционеров почему-то женским голосом.

— Я не хотела!

Милиционер ударил ее по щеке. Юля открыла глаза. Она лежала возле "Сатурна", а рядом сидела озабоченная Белка и тот мужик с залысиной. Вокруг по-прежнему был Екатеринбург. Фуу, так, значит, это ей только приснилось... Значит, дети не утонули...

Юля присела.

— Извините, — сказала она. — Боже, я в обморок упала, да?

— Или просто отдохнуть решила, устала, наверное, в дороге, — с серьезным лицом закивала Белка. — Ну че ты пялишься, дядя? — обратилась она к мужику. — Все, свободен!

Наконец Юля пришла в норму. Крещение состоялось — город принял ее. Они снова залезли на "Сатурн".

— Сейчас еще домой ко мне залетим быстро, и все, — сообщила Белка. — Мне дочку надо покормить.

И авиетка взмыла вверх.

Обычно они подцеплялись к столбам непосредственно перед началом прыжков — чтобы менты не успели ничего предпринять, но в этом случае речь шла не о местном фестивале, а об общероссийском, пускай и не особо крупного масштаба, поэтому ко всему нужно было подготовиться заранее во избежание ненужных обломов. На случай, если прикопаются менты, у них было нечто вроде разрешения от молодежного спортивного комитета при мэрии, которое могло удовлетворить доблестных представителей внутренних органов, но с юридической точки зрения это была обычная фальшивка. Впрочем, по-настоящему, менты могли обвинить их лишь в незаконном захвате недостроенного здания, и на этот случай у сквотеров никакой отмазки не было.

Стив так еще и не приехал. Было уже два часа. Если бы этот чертов магнит (индуктор, ускоритель) не был таким огромным и весил бы поменьше, можно было бы воспользоваться и флаером, но... он был таким, каким он был. Во многих других городах, насколько знал Киловатт, камикадзе давно уже использовали мини-установки размером с небольшой чемоданчик, которые генерировали магнитное поле куда более сильное, чем их ускоритель. Просто в свое время тот достался им практически нахаляву, и никто не хотел скидываться на более современную модель, стоящую, к тому же, ой-ей-ей сколько. В баксах — около четырехсот, не меньше. Но зато ее можно было носить в руке, а питание осуществлялось от миниатюрных топливных ячеек.

Списанный ускоритель элементарных частиц, позже переделанный в обычный супермагнит, они купили в институте теплофизики, где тот пылился на складе уже лет двадцать. Раздобыли они его прошлой весной — как раз тогда, когда и начало зарождаться движение, всего за какие-то несколько месяцев охватившее весь мир (впервые прыгать на магнит додумались какие-то студенты из Австралии). Обошелся им этот ускоритель всего в двести пятьдесят рублей и бутылку водки, поскольку в том институте работал отец Стаса, который, кстати, сейчас тоже был камикадзе. При помощи его коллег тороидальная катушка ускорителя была заметно усовершенствована и несколько видоизменена при помощи новых сверхпроводниковых технологий; к ней был изготовлен специальный пульт, регулирующий напряженность магнитного поля, и электрожилет. Все эти типы из института плюс куча других смертников — из тех, что не тусовались по разным сквотам — должны были появиться здесь завтра.

Стив прибыл в начале четвертого, с ним были Адам и Наташка Андреева. В кузове его доисторической наземной "Волги" лежал магнит. Киловатт уже собирался было идти на остановку (скоро прилетит Джулия), но калейдоскоп реальности перемешал его планы. Впятером они выгрузили магнит на землю в четырех метрах от здания, и, поскольку Игорь работал электриком, именно ему и предстояло цеплять провода к столбу. Он подумал, а не отложить ли сие занятие хотя бы на часок, но потом понял, что нет, не стоит, учитывая то, что все и так порядком изнервничались, дожидаясь Стива. Да и вообще, необходимо успеть все сделать часов до восьми. Нет, он нужен здесь...

Почти все сквотеры вышли из дома на улицу и теперь сновали вокруг магнита словно муравьи. Киловатт ухватил за руку бродящую неподалеку Иру Белку и подтянул ее к себе.

— Белочка, ты на подушке?

— А что?

— Слушай, ты не можешь в аэропорт смотаться, а? Должна девчонка одна прилететь... Я обещал ее встретить, но сама видишь...

— А что мне за это будет?

— Ни хрена тебе за это не будет! — вырвалось у Киловатта. — Че вы все такие? — он махнул рукой.

— Да ладно ты, разнервничался! — скривилась Белка.

ЧТО КАСАЕТСЯ САМОЙ ВОЙНЫ, ТО НАЧАЛАСЬ ОНА ТРИ МЕСЯЦА НАЗАД, А ШЛА МЕЖДУ СОНИ И МАЙКРОСОФТОМ ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО МАЙКРОСОФТЫ ВРОДЕ КАК УКРАЛИ У СОНИ КАКОЙ-ТО НОВЫЙ ПАКЕТ ПРОГРАММ.

— Встречу я твою подружку — че, мне трудно? Какая ракета?

— 467-я, "Кемерово — Екатеринбург", прибывает в пять минут пятого.

— А как я ее узнаю?

Игорь растерялся.

— А хрен его знает. У меня в компьютере есть ее фото, но ведь компьютер-то дома.

— У Джонни с собой портативка.

— А он здесь? Он же должен быть на войне.

— Здесь и воюет.

— Пошли!

Бросив Марату со Стивом "Я щас, секунду!", Киловатт вместе с Белкой направился к зданию. В одной из комнат на полу действительно сидел Джонни с разложенным на коленях листом "Хитачи" и обручем монитора на голове. Пальцы в сенсорных перчатках порхали в воздухе. Возле стены стоял его велосипед.

— Эй, Джонни, — сказал Игорь.

Тот нехотя отключился и приподнял ставни монитора.

— А, привет. Мудак ты, Киловатт. Мы как раз в атаку шли. А если меня расстреляют за дезертирство?

— У тебя ведь принтер здесь есть?

— Ну, есть.

— Нужно зайти ко мне и распечатать один снимок.

Джонни устало вздохнул и принялся что-то бормотать про то, что в его "Хитачи" вмещается всего-то семь листов бумаги, и если он будет тратить ее на каждого... Еще два года назад его экскоммуницировали за взлом царского приват-сервера (ему было всего четырнадцать, но уже и тогда его уровень был куда выше среднего), но в связи с военным положением в глубине Матрицы официальный запрет на доступ Джонни к Интернету был снят, с тем условием, что с девяти утра до шести вечера (конечно, с перерывом на обед) он обязуется сражаться на стороне концерна "Сони". Многие другие хакеры так же, как и он, были в принудительном порядке призваны на электронную войну, а некоторые даже завербовались наемниками, ибо платили за это очень даже хорошо. Отказаться Джонни не мог, ведь с киберпространством была связана вся его жизнь, и пятилетнюю экскоммуникацию он бы не вынес. (Уже более десяти лет доступ в Интернет осуществлялся по отпечаткам пальцев, и никакой хакер ни за что не смог бы обмануть сторожевые программы, если уж его экскоммуницировали.) Что касается самой войны, то началась она три месяца назад, а шла между "Сони" и "Майкрософтом" из-за того, что майкрософты вроде как украли у "Сони" какой-то новый пакет программ. Обычные пользователи теперь заходили в Интернет, настороженно озираясь, но в верхних слоях им, в общем-то, ничего не угрожало, разве что осколки взорванной в глубине Матрицы вирусной бомбы, но это случалось крайне редко. Хотя иногда бывало, что из-за своей близости к зоне военных действий подвисали мирные серверы или снижалась скорость передачи данных.

— Адрес, пароль? — вопросительно пробурчал наконец Джонни.

Киловатт назвал. Джонни опустил ставни и вновь нырнул в виртуальную вселенную.

— Файл?

— Джулия.

— Ага.

"Хитачи" зажужжал и из щели принтера выполз листок с цветным изображением худощавой девушки с очень серьезным выражением лица и романтическим блеском в голубых глазах.

— Все? — спросил Джонни, протягивая снимок Киловатту. Действовал он вслепую.

— Спасибо, — поблагодарил его Игорь, протягивая фото в свою очередь Белке. Придирчиво изучив, та сунула его в карман бриджей.

— А вот я тебя и поймал! — пробормотал Джонни. — Вот ты где пряталась, радость моя! — его руки словно выжимали невидимую тряпку.

Оставив его наедине с компьютером, Белка и Игорь удалились.

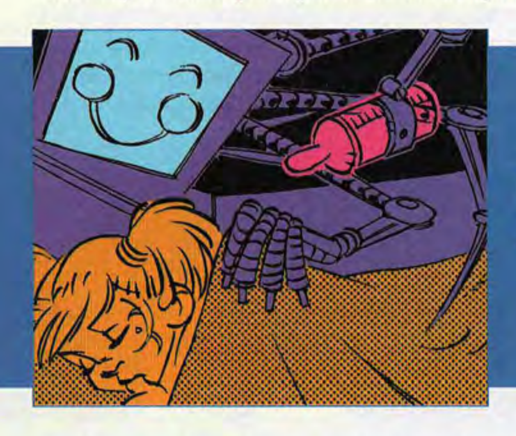
— Пойдешь со мной или здесь подождешь?

— А... а у тебя в туалет можно будет сходить?

— Можно даже и душ принять, и поисть, если хочешь, — Белка слезла с "Сатурна" и ключом открыла дверь балкона.

Жила она на четвертом этаже и авиетку ставила прямо на балкон, хотя это и было связано со многими трудностями. Но Белка проявляла воистину выдающиеся способности в области "ювелирного" пилотажа, поэтому успешно с ними справлялась.

— Только если отец дома (не Анькин, а мой), то могут возникнуть некоторые проблемы. Но могут и не возникнуть,

— НА ТЕБЯ ПОХОЖА! — ЗАМЕТИЛА ЮЛЯ.
— КЛОН, — ГОРДО КИВНУЛА БЕЛКА.

— поспешила она успокоить нахмурившуюся Юлю. — Заходи.

Они вошли в квартиру. Судя по всему, это была гостиная. На диване спал какой-то мужчина в майке, трусах и татуировках. В воздухе пахло перегаром.

— Явился! — прошипела Белка. — Идем на цыпочках.

Они прокрались в другую комнату, где в маленькой кроватке спала девочка примерно лет трех. В изголовье была вмонтирована самопальная киберсистема с древним монитором на жидких кристаллах, очевидно, исполняющая функции няни. По периметру кроватки торчали разные датчики.

— Это Джонни делал, — пояснила Белка, стаскивая маечку. — Я ее грудью до сих пор кормлю — это дешевле, чем продукты на двоих покупать. Ну, Анька, просыпайся! — она потрепала дочку по волосам. Та открыла глаза и со счастливой улыбкой на пухлом личике потянулась руками к маме. Вытащив из кроватки, Белка усадила ее себе на колени, и, нацепив на сосок фильтр, сунула его дочке в рот. (Одноразовые фильтры "Коника" уничтожают все вредные вещества, судя по рекламе. Вы можете пить, курить, употреблять наркотики и эротические химикаты и вместе с тем кормить грудью ребенка. Стоимость 2 руба 99 копов.)

— На тебя похожа! — заметила Юля.

— Клон, — гордо кивнула Белка.

Юля принялась осматривать комнату, хотя особо осматривать было нечего.

— А где у тебя туалет?

— Там! — Белка махнула рукой в сторону двери. — Только отца не разбуди.

Сходив в туалет, Юля скользнула в ванную, где быстро приняла душ и почувствовала себя гораздо лучше. Все, она акклиматизировалась. Одевшись, она вернулась в комнату Белки. Та вновь укладывала дочку в кровать.

— Она у тебя что, все время спит? — удивилась Юля.

— Ну а че ей еще делать? — удивилась в ответ Белка. — У меня еще молоко осталось, ты не хочешь? Я специальные добавки пью, с витаминами.

— Мама, мама, хочу сказку! — вмешалась дочка; одновременно с этим Юля помотала головой.

— Вот мы сейчас уйдем, а ты включишь Машу и будет тебе сказка. Не хочешь — как хочешь! — это относилось уже к Юле.

Сняв и скомкав использованный фильтр, Белка выбросила его в форточку и снова натянула майку.

— А чай с печеньем будешь?

— Можно.

— Щас, — Белка вышла.

Ее дочка тут же присела и с интересом уставилась на Юлю.

— Ты кто?

— Я — Юля, — как будто это что-то объясняло.

— Ты сказки какие-нибудь знаешь?

— Ну-у..., — сказок Юля не знала. — Жил-был... ну, допустим, царь. И было у него три сына.

— А у этих трех сыновей было еще по три сына! — подсказала Аня. — У каждого.

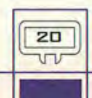
— Кто кому сказку рассказывает? — "сурово" нахмурилась Юля. — Ты — мне или я — тебе?

Девочка задумалась. В это время вернулась Белка с термосом, стаканами и пачкой печенья. Дочка тут же вновь нырнула под одеяльце и начала тихо похрапывать, притворяясь спящей. Юля хихикнула, Белка хмыкнула и принялась разливать чай. Кажется, ей было все же лет семнадцать-восемнадцать, а не пятнадцать, как показалось Юле сначала. Она вдруг задумалась о материнстве — может, тоже родить от себя самой, если у нее нет подходящей кандидатуры на роль отца? Дети — это такая прелесть... Надо будет подумать об этом посерьезней.

— А ты сколько раз прыгала? — поинтересовалась Белка с набитым ртом.

— Ни разу, — призналась Юля. — Я с Игорем в Фидо познакомилась, а до этого я про камикадзе даже не слышала.

— Че, серьезно?! Ба, а я думала, ты тоже смертница... Ну,

ниче, завтра прыгнешь. Лишишься девственности, так сказать. Слушай, а что это у тебя за кофточка такая дурацкая? Сними, не позорься!

— Нормальная кофточка! — смутилась Юля. Все учителя в их школе были от нее просто в восторге.

— А по-моему хуйня какая-то, — безжалостно констатировала Белка. — Щас я у себя поро́юсь и мы тебе что-нибудь подыщем, — она открыла шкаф и принялась там копаться.

В Юлю полетели какие-то маечки, кофточки, футболки.

— Вот. Выбирай. Я их сейчас не ношу.

Юля придирчиво осмотрела предложенные Белкой вещи. Если бы она появилась на работе вот в этой майке — ее бы точно уволили. Стандарты приличия в крупных городах и в поселках типа их Казначеевки различались довольно сильно.

— Я думаю, вот этот комбинезончик будет тебе в самый раз, — Белка ткнула в гибрид майки, купальника и бриджей, к которым она, похоже, была неравнодушна. — Рукавов нет, так что не будет заметно, что он тебе короткий — ты же длинная, как жираф!

Юля принялась вертеть в руках комбинезон. Он был салатового цвета, весь блестел и выглядел очень маленьким. Девушка попробовала его растянуть — да, так и есть, ткань комбинезона имеет очень эластичную структуру. Она вопросительно посмотрела на Белку.

Белка тыкала в него пальцем и что-то объясняла своей пассажирке, одновременно с этим наклоняя джойстик высоты на себя.

— Ну, че сидишь? Скидывай свои шмотки, если понравился. Я его уже два года не таскаю. Лифчик можешь снять — на хрена он тебе нужен?

Наконец Юля натянула на себя комбинезон и завертелась перед зеркалом. Ой, как здорово! И как эротично! Комбинезон обтягивал ее тело как вторая кожа. Теперь-то никто не примет ее за приезжую!

Игорь сидел на столбе, обвив его ногами, обутыми в специальные "кошки", и пытался подключить один из проводов к клеммам общего блока. На руках его были резиновые перчатки, верхняя губа — сосредоточенно закушена. "Конечно, ночевать в сквоте я Джулию не оставлю, — думал он. — Поедем ночевать ко мне... Надеюсь, Белка ее узнает..."

Воздушное движение на краю города, где они обосновались, было не особо оживленным, наземное — тоже, но внезапно увлекшийся работой Киловатт увидел приближающуюся авиетку Белки лишь тогда, когда она была уже метрах в десяти от него. За Белкой сидела какая-то девушка с развевающимися волосами — по всей видимости, это и была Джулия. Он невольно засмотрелся на них. Белка тыкала в него пальцем и что-то объясняла своей пассажирке, одновременно с этим наклоняя джойстик высоты на себя. Авиетка резко пошла вниз, Джулия помахала Игорю рукой. Тот рассеяно махнул в ответ и вновь погрузился в работу.

К шести часам он наконец подключил провода и спустился на землю. Белка с Джулией были где-то в сквоте. Киловатт принялся стягивать с ног "кошки", и в это время рядом появился вездесущий Слава Хлебников. Вид у него по-прежнему был тускло-депрессивный.

— Че, подцепил?

— Подцепил.

Больше им друг другу сказать было нечего, и Киловатт пошел в дом. Все тусовались на третьем этаже. Основной проблемой завтрашнего дня будет отсутствие лифта — всем желающим прыгнуть придется подниматься на семнадцатый этаж пешком...

Джулия и Белка стояли у окна (Белка курила) и беседовали о чем-то с Хиросимой, Вечным Студентом, кочующим из ВУЗа в ВУЗ. Сейчас ему было, вроде бы, двадцать шесть, но он так до сих пор и не имел высшего образования.

Они с Джулией встретились взглядами. Она оказалась выше его примерно на полголовы. Сквозь тонкую ткань комбинезона проступали соски, и взгляд Киловатта тут же невольно зафиксировался на них, но потом вновь скользнул вверх.

— Ну, привет, — сказал он.

— Привет, — сказала Джулия.

— Как долетела?

— Нормально.

— Ракета опоздала, да?

— Да нет, просто мы к Белке домой залетали.

— А-а...

Джулия глядела на него как-то по-особенному. О чем она думает, интересно? Сегодня он ее сделает, это точно! Без базара. Ноу проблем.

— Ну так вот, — продолжал Хиросима. — Засовываешь эту открытку в нано-печь и...

— Че это ты тут рассказываешь? — уточнил Игорь.

— Да начитался тут прессы по новым технологиям... Пока это еще на стадии разработок, но с нашими темпами развития существует вероятность, что к началу следующего года это уже внедрят. Короче, ладно, повторяю еще раз. Ты ведь изучал в школе голографию? Изучал, изучал... В общем, ты знаешь, что по сути своей — именно по сути — голоизображение ничем

не отличается от оригинала, разве что не имеет плотности и не может функционировать самостоятельно. Как сейчас в больницах делают?

— В последний раз я был в больнице в седьмом классе, — вставил Игорь.

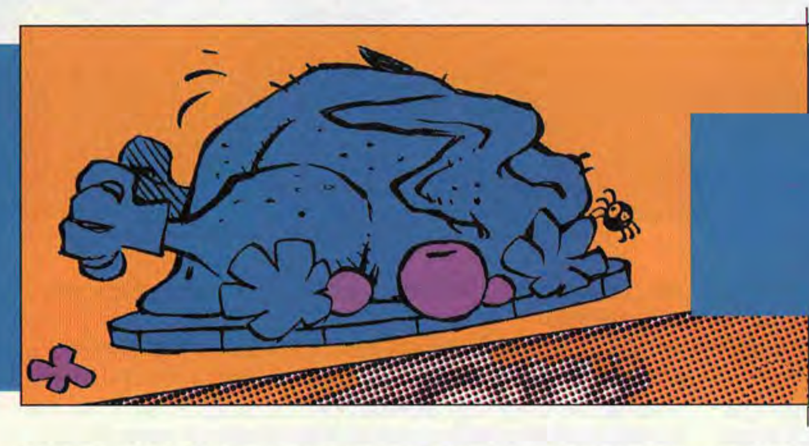
— Они тебя сканируют и делают твой снимок, — продолжал Хиросима. — Потом уже они этот снимок диагностируют, смотрят в разрезах и таким образом выявляют, где сидит болезнь. Психосоматические заболевания лечить проще всего: ты снимаешь свое голо, когда все твои органы и нервная система работают нормально, и почти все время таскаешь его с собой; резонируя с ним, твой настоящий организм... Короче, вероятность чем-нибудь заболеть значительно уменьшается, — у самого Хиросимы его медицинская голограмма болталась на шее, на цепочке.

— Ты меня еще таблице умножения учить начни, — скривился Игорь, косясь на Джулию.

— Про голограммы ты знаешь всего процентов пять, не больше; тем более что в школах дают устаревшие сведения, — Хиросима явно завелся. Новые технологии были его коньком. — Все возможности голографии... В общем, ни хрена мы об этом не знаем. Даже ученые.

— Один ты все знаешь...

— Хорошо хоть, — Хиросима то ли не услышал его комментария, то ли просто проигнорировал, — что по астрономии учебники, наконец, исправили... Но я не об этом. Суть в том, что, кажется, бельгийцы (я уже не помню точно) скоро позволят человечеству совершить еще один технологический, а соответственно и социологический скачок. Они сделали снимок жареной курицы (я имею в виду голоснимок, конечно) и потом вставили его в специальный приемник, который..., — он выдержал эффектную паузу, — преобразует трехмерное изображение в реальную твердую субстанцию. То есть из голограммы жареной курицы они получили настоящую жареную курицу. Вкусовые качества те же, калории тоже.

то есть из голограммы жареной курицы они получили настоящую жареную курицу. вкусовые качества те же, калории тоже.

— Круто! — прошептала Белка.

— Где ты этого бреда начитался? — Игорь поморщился. — Да не, не верю.

— Но, Игорь, в конце того века тоже бы не поверили, что у нас сейчас в больницах все тестируются сперва по голограммам, — вмешалась неожиданно Джулия. — Или взять опыты Джефферсона с выпрямлением полинуклеотидных цепей ДНК, которые еще пятнадцать лет назад все называли чушью. А вспомним историю с Карлом Мюллером-Шмидтом, который...

— Я знаю историю Мюллера-Шмидта, — прищурившись, ответил Киловатт, пораженный таким напором и интеллектом Джулии. — Учили в школе. У нас даже и улица есть, в его честь названная. Но в любом случае, из голограммы курицы нельзя получить настоящую курицу.

— Такие как ты, — сказал Хиросима, — и тормозят прогресс.

— Ты еще скажи, что из твоей медкарты можно еще одного тебя сделать! — Игорь даже и не обратил внимания на его последнюю фразу.

— Слушай, а я об этом и не подумал, — Хиросима нахмурился. — Штамповать свои дубли? Хм, вероятно, будут введены какие-то законы, запрещающие это. Но вообще — интересная мысль, надо будет в какой-нибудь рассказ вставить, — Хиросима писал фантастические рассказы для какого-то местного журнала. — То же клонирование, но уже полностью техногенное; никакой тебе биологии. Хм. Нет, пожалуй, таким образом можно будет получать только неживую, мертвую плоть. Без души, так сказать.

— А ты за техно или за био? — поинтересовалась Джулия.

Игорь недоверчиво фыркнул. Разговорились, надо же! Она к кому прилетела, к тебе, что ли?

— Я за их гармоничное взаимодействие. Читала Стерлинга? Нет? Это еще в том веке фантаст был такой, он еще и публицистику всякую писал. Ну, так вот, на мой взгляд, они там херней всякой маялись — в его книгах.

— Если честно, я — преподаватель биологии в средней школе, — призналась Джулия, и глаза Киловатта расширились — об этом она ему не писала. А ведь у него по биологии одни тройки в школе были...

— Круто! — восхитился Хиросима. — А ты местная?

— Нет.

— Она из Новосибирска, — внес пояснение Игорь.

— Ну, не совсем из Новосибирска, — поправила его Джулия.

— Специально на прыжки прилетела?

— Ну да, в общем-то.

— По-моему, — шепнула Белка Киловатту, — они нашли друг друга. Тебе так не кажется?

— Кажется, — злобно процедил тот сквозь зубы.

Джулия вживую заинтересовала его куда больше, чем на фотографии (хотя и на фотографии она тоже была хороша). Теперь же, когда в его эротические планы вторглась досадная помеха в облачении Вечного Студента, он ощущал в себе нарастающий гнев по отношению к Хиросиме. Объективно,

вины на том, конечно же, не было, ведь парень понятия не имел, что Джулия прилетела к нему, Игорю. Надо же, преподаватель биологии! Ну и пошла она на хрен!

— Можно тебя на пару секунд? — спросил он у Джулии.

Та отвлеклась от разговора (они с Хиросимой уже обсуждали что-то заумное) и немного удивленно посмотрела на него. Потом улыбнулась и кивнула.

Они отошли в сторону. Белка лукаво косилась то на них, то на Хиросиму. Киловатт вдруг задумался над проблемой голокуриц: интересно, их будут делать одноразовыми или многоразовыми? Будет ли изображение автоматически стираться после его приготовления? Вероятно, да, поскольку это выгоднее для бизнеса.

Неожиданно он понял, что совершенно не знает, что сказать Джулии. Никаких копирайтов он на нее, в общем-то, не имел, и она была вправе делать то, что хочет.

Молчание затягивалось...

— Слушай, — сказал он наконец, — ты это... ну, короче... короче, смотри сама.

Джулия — как показалось ему — немного покраснела. Он снова скользнул взглядом по ее телу, коснулся им резинки трусиков. Упускать такую возможность было жалко, да что поделаешь. Можно и Белку попытаться трахнуть — она нормальная баба, хоть и с ребенком. Правда, у них никогда еще ничего не было, кроме легкого петтинга, но, похоже, она

и сама не прочь завязать более глубокие отношения...

Они снова подошли к окну. Пускай сама делает выбор, подумал Киловатт. Хотя, если честно, он до сих пор был на нее обижен. Я ее приглашал К СЕБЕ, так какого же хера она болтает тут с другим? Ох, эти женщины... Никакого постоянства, блин.

В восемь часов начали возникать разговоры о принятии внутрь чего-нибудь эдакого. Пора было, как говорится, надавить на мозги, принять в голову. Алкоголя смертники не употребляли, поскольку на их увлечении, то есть на прыжках, это могло сказаться весьма негативно. Один парень из Москвы как-то прыгнул, будучи с похмелья, и у него в полете отказало сердце. Он умер, даже не долетев до земли. С тех пор отказ от алкоголя стал догмой в негласном кодексе камикадзе, но зато употребление разных психоделиков приветствовалось. Игорь однажды прыгал под PDKL 95 — это было довольно круто. В основном же, смертники употребляли "дюшески" — карамельки, содержащие легкий химический психоделик, по действию слегка напоминающий мескалин.

Наркотиков Юля никогда не пробовала, но если разобраться, ее отрицательное отношение к ним основывалось, прежде всего, на косвенном знакомстве с различными внутривенными препаратами, ибо в последнее время молодежь их поселка все больше и больше углублялась в джунгли искусственного рая; в больших же городах в вену давно никто не кололся, сейчас там вовсю бушевала мода на интерактивные биочипы и какие-то таблетки. Будучи биологом, Юля хорошо понимала механизм воздействия подобных веществ на организм человека и в их употреблении не видела ничего хорошего. О психоделиках же девушка знала очень мало и ни разу их не пробовала, хотя несколько сортов марихуаны свободно продавалось в киосках, и ее курили даже учителя. Но зачем, скажите, вводить свое сознание в какое-то измененное состояние? Юля этого не понимала. Единственное, что ей нравилось из исказителей рассудка — это сухое вино и шампанское. От них становится так легко и так приятно кружится голова... Ей вдруг захотелось выпить чего-нибудь с этим интересным молодым человеком с хрен поймешь какой прической и в очках, представившимся как Хиросима. А что касается Игоря... Ну, честно говоря, она не ожидала, что он окажется ниже ее ростом и коренастым как... как... она никак не могла подобрать нужного эпитета. И вообще, судя по той фотографии и беседе по видео, она даже и предположить не могла, что он такой лохматый, что у него такие длинные волосы — похоже, тогда у него был хвостик... И эти ужасные татуировки на руках, как у бандита... А Хиросима выглядел вполне интеллигентно, его даже не стыдно было бы представить маме. Конечно, Юля была несколько смущена, нет, пожалуй, не смущена, а просто ей было неудобно из-за того, что она приехала в гости к Игорю, а сама ведет себя как, да, как шлюха. Но, кажется, если вначале Игорь был крайне этим оскорблен, то сейчас он уже с этим смирился и постоянно шептался с Белкой. Та заливисто смеялась.

За два часа Юля познакомилась со всеми камикадзе; всего их в сквоте было около двадцати. Впрочем, может, они и не все были камикадзе... Правда, всех кличек и имен она пока не запомнила, и не все они показались ей интересными, но в целом ей здесь нравилось. Тут не нужно было притворяться, не перед кем было лицемерить.

Что касается "дюшесок", то Юля даже не знала, что и делать. Она видела, как один парень с бородой раздает всем какие-то конфеты, и Хиросима пояснил ей, что эта штука делает мир как бы порезче и поинтересней. Отказаться? Или стоит попробовать? Вдруг она станет наркоманкой?

Спустя двадцать минут она уже растворяла сладкую конфету с психоделиком во рту.

Время почему-то двигалось рывками. Юля то проваливалась в него, то выныривала. Промежутки между пиковыми точками исчезали во тьме небытия без каких-либо намеков на свое содержание. Куски реальности смещались и микшировались заново. Ощущения были довольно интересными.

В очередной момент просветления-выныривания Юля обнаружила, что целуется с Хиросимой в одной из многочисленных комнат. Вечный Студент прижимал ее к стене и был довольно настойчив, хотя в то же время и мягок. Она чуть надавила ему на грудь, и тот отстранился. Господи, она видит каждую его ресничку, каждую пору кожи, каждую нитку рубашки...

Он снова наклонился к ней. Юля сопротивляться не стала. Пусть все идет, как идет. Дыхание ее все учащалось, хотя иногда она ловила себя на том, что вообще не дышит. Как странно... Хиросима нащупал ее грудь, потом стал действовать более решительно.

— М-м, — сказала Юля. — Хиросима, НЕТ! Не надо.

— Надо.

— М-м-м. Не здесь.

— А где?

— Я не знаю.

— Тогда здесь.

Будь Юля пьяна, она бы не так сопротивлялась контакту, но под психоделиком все было совсем по-другому. Хиросима тем временем стянул ее комбинезон до пояса.

— Я не могу, — прошептала Юля.

— Можешь.

— Прямо здесь?

— Прямо здесь.

Юля вновь погрузилась в океан беспамятства, но буквально тут же вновь вынырнула на поверхность. Комбинезон и трусики были спущены до колен. Они с Хиросимой ласкали друг друга между ног.

— А у тебя гигсер есть? — смущаясь, спросила девушка.

Хиросима, казалось, растерялся.

— А на хрена?

— Ну-у...

Будь Юля пьяна, она бы не так сопротивлялась контакту, но под психоделиком все было совсем по-другому.

Гигиенические медицинские сертификаты, "гигсеры", были введены еще два года назад, и в чем-то их концепция была близка к страховым полисам. Разве можно быть уверенной в том, что твой партнер здоров? И разве он может быть уверенным, что здорова ты сама? Свой гигсер Юля забыла в сумочке, а сумочка осталась в общей комнате, и ей стало неудобно за свои требования. Насчет случайного зачатия она не беспокоилась — Хиросима на ее глазах проглотил противозачаточную пилюлю, но вдруг он чем-нибудь болен?

Снова провал во времени.

... контакт есть...

Снова провал.

... контакт есть...

Снова провал.

А потом все кончилось. Они оделись, привели себя в порядок, поцеловались и вернулись к остальным. К слову, многие тоже расфасовались по отдельным комнатам, и у Юли было такое ощущение, что весь этот дом — гигантские человеческие соты, состоящие из таких вот комнат, в каждой из которых кто-нибудь занимается сексом (кстати, в одной из них целовались двое парней). А где же Игорь с Белкой? Их что-то нет...

— А сколько времени-то? — спросила Юля у Хиросимы. Она держала его под ручку.

— Без пяти одиннадцать. Может, полетим ко мне? Или ты собираешься ночевать здесь?

— Здесь? — испугалась Юля. — Но ведь здесь ни кроватей, ничего... А я привыкла спать в нормальной обстановке.

— Значит, летим ко мне, — сделал вывод Хиросима.

Их ухода никто и не заметил. Про свою сумочку Юля опять забыла.

Прыгать решили начать с девяти утра, чтобы все успели сделать это до наступления полной темноты. Помимо двадцати постоянных местных смертников в фестивале должно было участвовать еще и около пятнадцати иногородних плюс наверняка окажется не менее десятка "девственников". То есть выходило, приблизительно, человек сорок пять. Каждый прыжок займет, в среднем, пятнадцать-двадцать минут: камикадзе должен подняться на семнадцатый этаж, надеть жилет, прыгнуть и передать жилет следующему. Двадцать умножим на сорок пять — выходит что-то около пятнадцати часов. М-да. Киловатт задумчиво бродил вдоль сквота. Было восемь утра.

Ночью прилетели братья Фурмановы из Питера и какие-то две девчушки из Рязанской области, утром прибыли еще четыре человека из разных городов, а к половине девятого начали стягиваться местные камикадзе. За пультом, как всегда, находился Стив. У Стива была акрофобия, боязнь высоты, и хотя сам он никогда на магнит не прыгал, ему хотелось соприкасаться со своими страхами как можно более тесно. За прошлое лето и осень он здорово поднатаскался в искусстве управления вектором магнитной индукции и регулировки напряженности магнитного поля, вырабатываемого ускорителем, и мог выделывать с пультом такие вещи, какие не снились и московским магнит-диджеям. Его пальцы так и летали по кнопкам, тумблерам и ручкам, изменяя магнитное поле таким образом, что камикадзе мог и мчаться по трамплинообразной гиперболической дуге, и нырять по синусоидальным волнам с постепенно уменьшающейся амплитудой колебаний, и падать по прямой прямо на магнит, в метре от него натыкаясь на поле, и вновь взмывать вверх, и снова падать вниз — и так до тех пор, пока Стив окончательно не снимал напряженность. Естественно, если бы не электрожи-

лет, подобный спорт был бы невозможен. Сие хитрое устройство автоматически меняло полярность в зоне действия магнита, а также отвечало за гашение инерции. Весил жилет почти три килограмма и был напичкан разной электроникой, питающейся энергией от пластины мини-аккумулятора, вшитой в воротник. Сделали его все в том же институте Голубцова, по схеме, присланной Марату одним москвичом (а тот в свою очередь получил ее от австралийского клуба камикадзе). Марат был первым смертником Екатеринбурга, Игорь — где-то восьмым. "Самое хреновое, — думал он, продолжая бродить вдоль сквота, — что зимой о прыжках приходится забывать", — зимы на Урале сейчас были очень суровыми.

Магнит установили в трех метрах от дома, у той его грани, которая состояла из одних лишь пеностальных блоков и не имела ни окон, ни чего-либо другого. Ты подходишь к краю крыши и прыгаешь чуть-чуть вперед... Шанс разбиться — минимальный, ведь радиус действия магнитного поля где-то около шести метров, к тому же, его (поле) можно вытягивать и вообще делать с ним все, что хочешь. Главное — сообщить о своем желании Стиву. Что до Киловатта, то он намерен был сегодня прыгать по синусоиде. Насколько он знал, поле можно растянуть метров до двадцати, сила же инерции к финалу должна совсем погаснуть. Но самое главное во всем этом деле — твое внутреннее состояние, твои эмоции, твои чувства, твои ощущения...

— С чего это ты взяла, что я на тебя так смотрю? — удивился Хиросима.

— Ну, мне так показалось.

— Ладно, одевайся. Позавтракаем и полетим туда.

Из гостиной доносились звуки какой-то передачи. Юля смущенно улыбнулась.

— У тебя уже родители проснулись. Как мне себя с ними вести?

— Поздороваешься — и хватит с них.

Минут за десять они оба посетили туалет и ванную. Юля познакомилась с отцом Хиросимы, и теперь тот призывал ее присоединиться к нему и вместе посмотреть повтор вчерашней секс-борьбы, репортаж из Нового Лондона, штат Калифорния. Девушка присела на диван с ним рядом (мать, очевидно, все еще спала в другой комнате), ведь пока Хиросима возился с завтраком, ей все равно делать было нечего.

Само шоу еще не началось, и репортеры брали интервью у Мэгги О'Нил. Она имела статус суперзвезды: за пять лет, проведенных на ринге, умудрилась до сих пор остаться девственницей. В отличие от обычной жизни, в сфере эротического спорта это не считалось чем-то позорным. Сегодня Мэгги должна была бороться с известным спортсменом Риком Кларком по кличке Манчестерский Дефлоратор, и журналисты докапывались до девушки, не боится ли она потерять сегодня предмет своей гордости. Нет, отвечала им Мэгги, какого черта я должна бояться этого жалкого импотента? Она выглядела очень уверенной и была еще в халате.

Мэгги О'Нил имела статус суперзвезды: за пять лет, проведенных на ринге, умудрилась до сих пор остаться девственницей. В отличие от обычной жизни, в сфере эротического спорта это не считалось чем-то позорным.

— Хороша-а, — протянул отец Хиросимы.

В это время в комнату вышел сам Хиросима.

— Пошли есть, — сказал он.

— А вы здесь позавтракайте, — предложил отец.

Но они все же ушли на кухню.

До места они добрались на воздушном такси. Погода с утра была хорошей, и оставалось надеяться, что таковой она пребудет и до конца дня. Юля была счастлива, Хиросима же вел себя так, как будто ничего не случилось. Интересно, думала девушка, могу ли я остаться в Екатеринбурге? Устроиться здесь на работу?

Народу возле сквота собралось уже порядочно. Человек тридцать-сорок: камикадзе, их знакомые, просто зрители. Штук шесть фигур стояло на крыше. Идентифицировать их Юля не смогла.

— Уже прыгают? — поинтересовался Хиросима у Стива.

— Еще как.

— На меня очередь кто-нибудь забил?

— Понятия не имею.

Хиросиму с Джулией со вчерашнего дня никто не видел — похоже, они умотали к Вечному Студенту. Киловатт был злой на Джулию. Одно слово — женщина. Все они такие. Белка вчера тоже его кинула и улетела домой, так что пришлось несчастному Киловатту тащиться с двумя пересадками к себе, матеря на чем свет стоит весь женский пол.

Проснувшись в семь утра, он сразу полетел к сквоту.

Проснулись Хиросима и Юля в половине десятого. Они проспали.

— Твою мать! — бормотал Хиросима, натягивая трусы. — Вот блин...

— Подумаешь, опоздаем, — пожала обнаженными плечами Юля, лежащая под одеялом. — В любом случае они уже распределили очередность.

— Да, действительно, — Хиросима призадумался. — Если не удастся влезть без очереди, придется прыгать на ночь глядя. Черт!

— Не смотри на меня так, как будто это я виновата в том, что мы проспали.

— А кто имеет?

— Понятия не имею.

— А где Марат? А, понятно: понятия не имеешь.

— Понятия не имею, — Стив усмехнулся.

Они пошли искать Марата, но неожиданно наткнулись на Игоря. Окинув их злобным взглядом, тот поинтересовался:

— Ну, как ночку провели?

Юля не говорила Хиросиме, что прилетела, вообще-то, в гости к Игорю, и теперь тот, вероятно, никак не мог понять, чем объясняется такая плохо замаскированная агрессия.

— Ты что, репортер? — удивился Хиросима.

Кстати, о репортерах. Здесь их уже присутствовало, как минимум, двое. Они бродили среди толпы, вооруженные каждый своей голокамерой: мужчина и девушка. По традиции оба были в специальных масках, не позволяющих видеть их лица. В последнее время репортеров убивали очень часто, поэтому они предпочитали скрывать свою внешность. Особенно это касалось криминальных репортеров.

— Ладно, забыли, — прошипел Игорь.

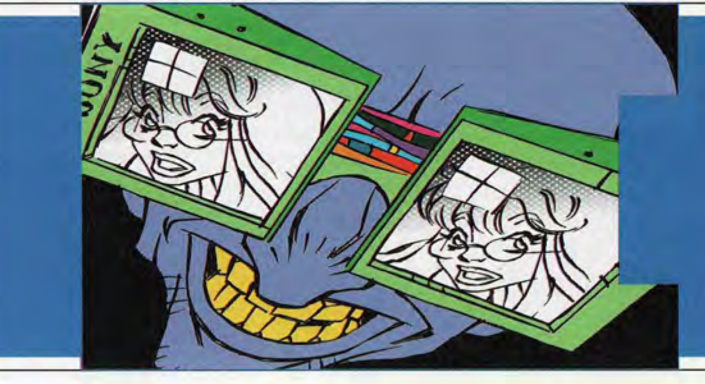
— Ты уже прыгнул? — поинтересовалась у него Юля, пытаясь разрядить обстановку.

— Ну.

— А тут очередь или как?

Юля не успела ничего сделать, а Хиросима уже толкнул Игоря в грудь. Взвыв, тот нанес ему удар в лицо

— Очередь, очередь! — Игорь усмехнулся. — Боюсь, вам придется прыгать часов в десять вечера. Спать нужно ночью, а не сами знаете что делать.

— Слушай, ты чего это тут несешь? — возмутился Хиросима. — Ты че, охуел, Киловатт?

— Щас ты сам у меня охуеешь, очкарик.

Юля не успела ничего сделать, а Хиросима уже толкнул Игоря в грудь. Взвыв, тот нанес ему удар в лицо. Хиросима упал, очки слетели. Юля залепила Игорю пощечину и закричала:

— Ты что это себе позволяешь? Я тебе не принадлежу, ты понял? А после этого я тебя вообще видеть не хочу!

— Эй, вы че? — рядом очутился кто-то со знакомым лицом; его имени Юля не помнила.

Поднялся Хиросима, потирая губу.

— Совсем уже крыша поехала, да? — осведомился он.

— А пошли вы оба на хрен! — ответил Игорь и удалился.

— Что это с ним? — поинтересовался тот, у кого было знакомое лицо.

— Да черт его знает, — пожал плечами Хиросима. — Тестостероны, похоже, бушуют. Блин, губу мне разбил, придурок.

В это время с крыши кто-то прыгнул. Юля никогда еще не видела камикадзе в прыжке и во все глаза уставилась на летящего вниз человека. Это была девушка, она радостно визжала. У Юли внутри все похолодело — ведь она может разбиться! Но примерно в метре над магнитом траектория ее полета вдруг резко изменилась, и она нырнула в сторону, словно скользя по невидимому трамплину. Через десяток метров ее ноги уже ступили на поверхность земли. Радостно улыбаясь, девушка принялась стаскивать с себя жилет, который тут же надел высокий бородатый мужчина интеллигентного вида. Затем он скрылся в подъезде.

— У вас с Киловаттом что, были какие-то отношения? — поинтересовался Хиросима у Юли, когда некто со знакомым лицом, увидев, что опасность миновала, удалился.

Вздохнув, Юля призналась ему во всем.

— Баран, — констатировал Хиросима. — Пошли в дом, что ли? Поищем Марата, узнаем у него насчет этой дурацкой очереди. Блин, надо же было проспать...

— Спать нужно было ночью, а не сам знаешь что делать, — лукаво повторила Юля слова Игоря.

Хиросима криво усмехнулся, и они пошли к скволту. В общей комнате две каких-то девчонки что-то готовили.

— Марата не видели? — спросил у них Хиросима.

Они ответили отрицательно. Юля забрала свою сумочку (все же в ней деньги лежат — нельзя, чтобы такие вещи валялись где попало), после чего они с Хиросимой продолжили свое путешествие по этажам и квартирам, разыскивая Марата. В одной из комнат обнаружился какой-то паренек лет шестнадцати с раскрытым компьютером на коленях. Рядом с ним стояли два мужчины и женщина военно-научного вида и внимательно слушали то, что он им излагал.

— Да вы же имбецилы! Вы что, не понимаете, что я вам говорю? Ну, вы тупые, в натуре! Вы мне медаль должны дать — я вам уже третий сервер заморозил, а вы мне херню какую-то несете!

— Джонни, ты Марата не видел? — осторожно поинтересовался у него Хиросима.

— Да какой тут, на хрен, Марат — меня тут под трибунал подвести пытаются!

— Поймите, да не собираемся мы вас арестовывать, рядовой, — устало заговорила женщина. — Но дело в том, что...

— В натуре, тупые! — развел руками Джонни, обращаясь к Хиросиме с Юлей. Один его глаз подмигнул им. — В первый раз таких тупых милитантов вижу...

— Рядовой, ведите себя прилично, — забубнил один из мужчин.

Хиросима хмыкнул и потащил Юлю из комнаты.

— Марат, кажется, на крыше! — крикнул им вслед Джонни.

— Он, как всегда, в своем репертуаре, — заметил Хиросима. — Но они с ним ничего не могут сделать, потому что он один стоит сотни всех этих военных ламеров. И они прекрасно знают, что ему это известно и поэтому сносят оскорбления спокойно. Они уже в третий раз к нему приходят, но, правда, до этого я знал об их визитах только по его рассказам. Я думал, он как всегда приукрашивает...

— Он что, в войне? — уточнила Юля.

— Ну да, — усмехнулся Хиросима и, пока они поднимались по ступеням, вкратце обрисовал ей ситуацию.

Оказывается, когда Джонни шел в атаку, то вместе с вражескими майкрософтовскими серверами он неизменно замораживал и компьютеры однополчан, находящихся поблизости. Это была своеобразная месть за то, что его насильно заставляют воевать, да и вообще, его бесило, что вокруг всех принудительно призванных хакеров постоянно болталась куча прилипал из военных, и именно их-то регулярно и погружал в лед Джонни. Командующих виртуальными войсками это, конечно, порядком раздражало, но сделать с амбициозным юнцом они ничего не могли, поскольку исключительно благодаря таланту таких вот юнцов и была возможна победа "Сони" над "Майкрософтом". И победа эта была не за горами — японский концерн вот-вот должен был подмять под себя последний оплот национальной гордости американцев.

Марата они действительно нашли на крыше. Хотя "крышей" ее назвать можно было лишь условно.

— МОЖЕТЕ СПРЫГНУТЬ. НО БЕЗ ЖИЛЕТОВ — НА НИХ ОЧЕРЕДЬ.

Увидев приближающуюся парочку, Игорь что-то прошипел и отвернулся. К прыжку готовился физик Козловский. Киловатту было немного стыдно из-за того, что он позволил себе так глупо сорваться и ввязаться в драку с этим чертовым очкариком, но признаваться в этом он никому, естественно, не собирался.

Джулия с Хиросимой подошли к Марату. Тот, как и Игорь, недолюбливал Вечного Студента и в проблему с Джулией был уже посвящен.

— Кто распределяет очередь? — поинтересовался Хиросима.

— Собрался прыгать, что ли? — немного иронично уточнил Марат.

— Нет, просто занимаюсь статистикой, — Хиросима саркастически усмехнулся. — Нужна точная цифра участвующих в этом мероприятии.

— Ах, статистика, — протянул Марат. — Ну, пока записалось человека двадцать два.

— А как бы узнать поточнее? Ты, случайно, не в курсе, кто все это записывает?

Киловатт, присев на краю крыши, фыркнул. Забавный у них диалог...

— Совершенно случайно я в курсе. Все вопросы к Антону.

— А где Антон?

— Где-то внизу, наверное.

— Это что, нам опять вниз спускаться?

— Можете спрыгнуть. Но без жилетов — на них очередь.

— Хрен с тобой, Марат, — сказал Хиросима раздраженно. — Хорошо. Пошли, Юль.

И они снова направились к лестнице. Марат хохотнул; Игорь скорчил рожу, передразнивая Хиросиму, распрямился и вновь приблизился к другу. Тот ободряюще похлопал его по плечу.

— Да плюнь ты на нее!

— Ну, я пошел! — сообщил Козловский и прыгнул вниз.

— Ну давай! — бросил вслед Киловатт.

Что касается его и Марата, то они уже прыгнули в числе первых.

Хиросима оказался настоящим джентльменом.
— Пускай она первой прыгает, — сказал он Антону.

— Не первой, — поправил тот, — а двадцать шестой. А ты у нас будешь двадцать седьмым.

— М-да, — изрек Хиросима.

Антон развел руками. Мол, я тут ни при чем.

— М-да, — глубокомысленно заметил Хиросима еще раз. — Это часов в шесть вечера получается?

— Если не позже.

— Весело.

— Сочувствую.

— Спасибо.

Они с Юлей отошли в сторону. Девушке нравилось здесь, хотя ее и расстроило поведение Игоря. А ведь по Фидо он писал ей такие хорошие письма...

— Привет! — рядом с ними возникла Белка.

— Ой, привет! — обрадовалась Юля.

— Гутен морген, — Хиросима почему-то счел нужным поздороваться по-немецки. Был он мрачен.

Несколько секунд Белка, растерявшись, молчала.

— Гутен морген, — сказала она наконец. — А че это ты на немецкий перешел? О, а почему у тебя губа опухшая? Юлька, это не ты его укусила?

— Ладно, пойду я тут поищу кое-кого, — Хиросима, проигнорировав ее вопросы, добавил: — Если что, я буду где-то здесь, — и удалился.

— Ну что, вы с ним трахнулись? — тут же набросилась на Юлю Белка.

Юля важно кивнула.

— А меня этот твой Киловатт вчера задолбал, — пожаловалась Белка. — Весь вечер приставал, я от него кое-как смылась. Принципиально давать ему не хочу.

- они тебе слона из мухи сделают, если заплатишь, - добавил его друг. - или наоборот. и оно будет уметь говорить на четырех языках и сочинять толстые умные книги.

— Это он ведь Хиросиме стукнул.

— Да ну?! Они уже успели сцепиться?

Юля все ей рассказала.

— Киловатт больной, — сказала Белка. — У него два года назад была подружка, а потом они с ней разбежались, вот он и липнет ко всем подряд. Считает, что все должны его любить и ему давать. Пошел он! А как тебе с Хиросимой? Понравилось?

— Ну, нормально, — Юля немного смутилась, вспомнив кое-что из вчерашнего. — Только мне показалось, он до конца не раскрывается.

— Он такой, — кивнула Белка. — Я с ним тоже однажды спала, но ты не думай — у нас с ним ничего не было!

— А сколько у вас стоят эмбрионы? — сменила тему Юля. — Я имею в виду, клонированные?

— Ну, я покупала за двести. Но это три года назад было, а сейчас они дешевле раза в два.

— Я тоже хотела бы ребенка, — призналась Юля. — Но смешивать гены с каким-то мужчиной... Я не знаю, но мне кажется, что это слишком рискованно.

— Во-во! — подтвердила Белка. — Еще родится хрен поймешь кто. А если от себя, да еще и ДНК-дизайн...

— У вас уже ДНК-дизайн делают? — расширила глаза Юля.

— А у вас что, не делают?

Юля смутилась.

— У нас в поселке даже эмбрионника-то нет. Женщины либо от мужей беременеют, либо в Татарск ездят — там есть небольшой ген-центр. Ой, мне так хочется побывать в настоящем эмбрионнике!

— Можно слетать, — предложила Белка. — А ты правда учительницей биологии работаешь?

Юля кивнула.

— Ниче себе! — недоверчиво протянула Белка. — А я думала, ты тогда пошутила. Ну ладно, пошли к моей технике.

Эмбриональный магазин “Зигота” располагался на третьем этаже какого-то огромного здания, где находилось множество других контор самого различного профиля. В принципе, это был даже не магазин и не лаборатория, а так, что-то вроде офиса. За столом сидел парень лет двадцати, на столе лежал компьютер с видеонаушниками, а на стуле рядом примостился еще один парень. Когда девушки вошли, те вели оживленную философскую дискуссию.

— Говорю тебе, существует такое понятие, как общечеловеческие ценности, — втолковывал сидящий на стуле сидящему за столом. — И если для тебя этого понятия нет, то это не значит, что такие ценности отсутствуют вообще.

— Тс-с, Кольцов! У нас, кажется, клиентки. Здравствуйте, что вам угодно, девушки?

— Так, зашли осмотреться, — сказала Белка.

— Как насчет чашечки кофе? — поинтересовался тот, что сидел на стуле.

Юля с Белкой переглянулись и кивнули; парень тут же извлек из-под стола кофейник и чашки на всех. Девушки сели на кресла для посетителей, Белка закурила.

— Так вы ДНК-дизайном тоже занимаетесь? — уточнила Юля.

— Без проблем, — сказал сидящий за столом.

— Они тебе слона из мухи сделают, если заплатишь, — добавил его друг. — Или наоборот. И оно будет уметь говорить на четырех языках и сочинять толстые умные книги.

— А сколько это у вас стоит?

— Ну, пока очень дорого. От тысячи двухсот до пяти тысяч. По-разному — смотря, что ты хочешь. В стоимость входит и размещение зародыша в матке.

— То есть вы берете от меня клетку и...

— Ну да. Кусочек кожи, каплю крови. Я, конечно, сам этого не делаю, я только заказы принимаю.

В итоге девушки пробыли здесь около получаса. Вначале в разговоре с Ромой и Сашей Юля употребляла кучу биологических терминов, но потом Рома признался, что он ни хрена во всем этом не понимает и напомнил, что он только приемщик заказов. У него даже высшего образования нет.

Когда они вновь очутились на улице, Юля вдруг опять начала слышать тот странный писк с перезвонами, что предшествовал обмороку. Казалось, он доносился со всех сторон одновременно и, более того, находился в постоянном движении, словно его источников было несколько.

— Кажется, — сказала Юля Белке, — сейчас я снова потеряю сознание.

— С чего бы это? — удивилась Белка.

— Пищит что-то в ушах.

— А, так это на самом деле пищит! — рассмеялась Белка. — Это сейчас мода такая — в туфли или вообще в женскую обувь пищалки вставлять. Или колокольчики на ноги вешать. Это привлекает мужчин, — пояснила она и рассмеялась. — Ты же знаешь: мы, женщины, любим, чтобы на нас обращали внимание...

— Фуу! — сказала Юля облегченно. — А я думала, может, это у меня давление поднимается.

Весь день Юля с Белкой мотались по разным магазинам. Юля потратила почти все свои деньги на аккумуляторы для Белкиного "Сатурна" и на штрафы за неправильную парковку. И вот наконец наступил момент, когда она стояла на крыше недостроенного дома и, дрожа, застегивала электрожилет. Хиросима ей помогал. Он, кстати, все же вынужден был прыгать первым, потому что Юля дико боялась, а камикадзе торопились побыстрее все закончить, ведь дело уже близилось к вечеру. Рядом толпилось еще человек восемь. Незадолго до этого в одной из комнат сквота девушка освободила мочевой пузырь от имеющейся в нем жидкости — это посоветовала ей Белка. Мол, в первый раз у всех имеется определенный риск...

— Не бойся, — сказал Хиросима. — С тобой все равно ничего не случится — поле тебя поймает.

— А если ток отключат? — прошептала Юля.

— А если земное притяжение увеличится? — проворчал ошивающийся рядом Игорь. — А если электромагнитное поле исчезнет?

— Черт, да не тяните вы время! — сказал Марат, который весь день торчал наверху. — Уже почти полседьмого, а еще не все прыгнули. А менты сказали, что завтра они нам уже не дадут подключиться.

Юля нерешительно сделала шаг к краю крыши и заглянула вниз. Отпрянула назад. Ой, как высоко! Насколько она знала, Стив должен был поставить для нее "трамплин". Синусоида ей тоже наверняка бы понравилась, но со стороны сей трюк выглядел как-то странно, и Юле было немного неудобно от мысли, что кто-то увидит ее во время выполнения таких пируэтов.

— Пошла! — поторопил ее Марат.

Юля тяжело дышала. Руки-ноги похолодели. И вдруг кто-то толкнул ее в спину! Вскрикнув, Юля начала падать. Время, казалось, встало на паузу — что-то подобное она испытывала вчера под психоделиком... А если, и правда, ток выключат?

Она словно катилась по невидимой горке. Что-то поддерживало ее и направляло — девушка чувствовала эту силу. Земля с каждой секундой делалась все ближе и ближе, и на какой-то миг Юле показалось, что она по-прежнему стоит на крыше и просто смотрит в объектив камеры, быстро увеличивающей панораму. Возможно, она визжала, хотя твердой уверенности в этом у нее не было.

И вдруг кто-то толкнул ее в спину! Вскрикнув, Юля начала падать. Время, казалось, встало на паузу - что-то подобное она испытывала вчера под психоделиком... А если, и правда, ток выключат?

В нескольких метрах (впрочем, ей показалось, что в сантиметрах) от земли угол падения вдруг изменился, и теперь Юля мчалась по горизонтальной магнитной дорожке лежа на спине, ногами вперед. Кажется, существовал какой-то подобный зимний вид спорта. Похожие ощущения Юля переживала на виртуальных американских горках и еще вчера во время оргазма, дома у Хиросимы. Ой, как здорово-то!

Но тут все кончилось. Хватка магнитного поля становилась все слабее (или наоборот, все сильнее?), движение Юли замедлилось, и вот ее туфли уже коснулись земли. Видя, как это делали другие, она — чтобы не оказаться в лежачем положении, что выглядело бы довольно глупо — поспешно встала на ноги, радостно улыбаясь. Ее волосы растрепались, глаза блестели.

— Ну давай, снимай жилетку! — рядом с ней оказалась какая-то интеллигентного вида полная дама.

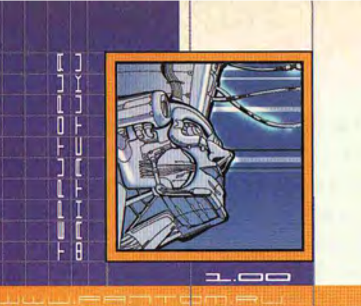
Все еще улыбаясь, Юля принялась расстегивать кнопки. Блин, как классно было...

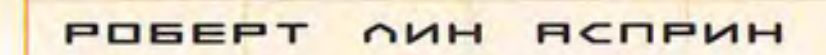
Женщина буквально сдернула с нее жилет и поспешила к дому. По дороге промчалась одинокая машина. Становилось прохладнее — такое впечатление, что ночью мог пойти дождь.

Публикуется с разрешения автора.

ТЫ НИ МНЕ НЕ

ЭТОТ МИЛЫЙ И СЛЕГКА СТАРОМОДНЫЙ РАССКАЗ АСПРИНА Я НАШЕЛ В СБОРНИКЕ "НЕ ЗАБУДЬ СВОЙ КОСМИЧЕСКИЙ КОСТЮМ, МИЛЫЙ..." СБОРНИК ПОСВЯЩАЕТСЯ ВСЕМ МАМАМ. ПОСКОЛЬКУ ВО ВРЕМЯ ПРОЧТЕНИЯ ЭТОГО, ПРЯМО СКАЖЕМ, НЕ ОЧЕНЬ-ТО ДЛИННОГО РАССКАЗА, МОЯ МАМА ТРИЖДЫ ОТВЛЕКАЛА МЕНЯ ПО ОЧЕНЬ ВАЖНЫМ ДОМАШНИМ ВОПРОСАМ, Я РЕШИЛ, ЧТО НАПЕЧАТАТЬ ЭТУ ИСТОРИЮ БУДЕТ ОЧЕНЬ КСТАТИ.

ФАНТОМ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ: А.КОНДАКОВ

Флотилии противников, осторожно маневрируя, опасно сближались. Толпа, затаив дыхание, застыла в напряженном ожидании... Хотя, в сущности, никакой толпы не было... и не так-то просто затаить дыхание в безвоздушной пустоте космоса.

КОГДА ЗВОНИШЬ.

На мостике флагмана Терры в нервном безмолвии выстроилась команда. Командор со стальным взором, волевым подбородком и отличной выправкой так и просился быть запечатленным в блокноте художника. Не разжимая рта, он кивком велел офицеру связи включить главный экран.

Под резкий свист помех на экране появилось изображение неприятеля. На первый несведущий взгляд обывателя, это был всего лишь еще один из представителей расы крупных космических рептилий, но на сей раз в военном мундире. Командор терран не был новичком в космических контактах и безошибочно распознавал индивидуальные черты неземных рас.

— Итак, Золтрон? — резким голосом спросил он. — Ты изменил свои намерения? Это последний шанс избежать кровопролития. Ты не хочешь отказаться от своих претензий на этот сектор и отвести корабли?

Противник ответил лающим смехом.

— Право, Реймонд, я ожидал, что ты знаешь нас, или, на худой конец, знаешь меня. Неужели ты думаешь, что я спасую перед угрозами?

— Командор Стоун готов к действиям в сложившейся обстановке, — резко отчеканил командор флагмана. — Я тоже полагал, что ты лучше меня знаешь, Золтрон. Даю тебе пять минут на отвод твоих кораблей. Или мы откроем огонь.

Глядевший с экрана Золтрон ответил не сразу.

— Мы давние друзья, Реймонд, — наконец тихо промолвил он, и в голосе его прозвучало сожаление.

Командор терран тоже помолчал, вспомнив прошлые годы, счастливые дни их дружбы ... совместные пикники, семейные встречи ... он сам удивлялся своим отношениям с инопланетянином.

Но все это теперь в прошлом.

— Времена изменились, Золтрон, — твердым голосом промолвил Командор. — Мы не первые и не последние друзья, которых политика делает врагами. Помнишь, как мы шутили, представляя себе ситуацию, когда мы оказываемся по разные стороны баррикад? Как видишь, этот час пришел. У тебя в запасе пять минут, дружище.

Короткий прощальный кивок, — и на экране снова картинка двух противостоящих флотилий, словно повисших в неподвижном вакууме космоса.

— Вот так, — сказал про себя Командор, а затем суровым голосом отдал приказ:

— Слушай мою команду! Занять места согласно боевому расписанию. — Есть занять места, сэр!

— Сэр! — перед Командором снова возник офицер связи. — Вас опять вызывают с Терры.

Командор нахмурился, пытаясь спрятать недовольство столь неожиданным вмешательством. Кому, черт возьми, вздумалось звонить ему в этот час? Неужели что-то изменилось в планах командования?

— Переключите разговор сюда, — велел он офицеру, стараясь скрыть свое недовольство. Опять раздался режущий уши свист.

— Командор Стоун на связи, — ответил Командор, зная, что изображения звонившего на экране не будет.

После недолгого молчания раздался чей-то неуверенный голос.

— Рейми? Ты слышишь меня?

Члены экипажа флагмана испуганно переглянулись, и все, как по команде, уставились на Командора. Тот ошеломленно смотрел на коммуникатор. На его лице застыл ужас.

КОМАНДОР ТЕРРАН НЕ БЫЛ НОВИЧКОМ В КОСМИЧЕСКИХ КОНТАКТАХ И БЕЗОШИБОЧНО РАСПОЗНАВАЛ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ НЕЗЕМНЫХ РАС

— Мама? — наконец вымолвил он.

— Ты здесь, Рейми? — В голосе появилось больше уверенности. — Я позвонила, чтобы узнать все ли у тебя в порядке?

— Мама, как это тебе взбрело в голову звонить сюда? — Командор бросил растерянный взгляд на подчиненных. Те сделали вид, будто ничего не видят и не слышат. — Твой звонок обойдется в целое состояние!

— Согласна, это будет недешево, но уж как-нибудь справлюсь. — Огромное расстояние не могло заглушить страдальческих ноток в голосе матери. — Но возможность слышать тебя, сынок, многого стоит, поверь мне.

— Чего ты хочешь, мама? Я в некотором роде занят.

— Я знаю, знаю. Ведь мой сын большая шишка в космических войсках. Я, кажется, состарюсь и умру, так и не дождавшись, когда ты сам позвонишь мне.

— Это верно, я очень занят, — сердито проворчал Командор. — И сейчас момент для разговоров особенно неудачный. Поэтому поскорее говори то, что хотела сказать.

— Я просто хотела узнать, что с тобой все в порядке, сынок, — повторила мать. — Сегодня День матери, а от тебя — ни весточки. Я испугалась, что с тобой что-то случилось.

— Ничего не случилось, мама, — недовольно возразил Командор. — Я в полном порядке, просто очень трудный день ... И с каждой минутой становится все труднее ...

— Я так и знала, что что-то важное произошло, когда ты не поздравил меня с днем моего рождения и не приехал на Рождество. Ведь ты не мог просто так забыть поздравить меня с Днем матери, если бы что-то не произошло? Что-то очень серьезное, когда речь идет о жизни или смерти. Ведь так?

— Да, так оно и есть, мама, сейчас и вправду речь идет о жизни или смерти, — согласился Командор Стоун. — До начала военных действий у нас осталось несколько минут, а мне еще столько надо сделать. Так что, если тебе больше нечего сказать...

— До начала чего? Военных действий?

— Это так, мама. Поэтому ...

— В День матери?

— Перестань, мама, не я это затеял. Так совпало. Пока, мама. Ладно?

— Никаких “пока”. Не смей разговаривать со мной таким тоном, Реймонд!

— Но, мама, ...

— Никаких “но”! А теперь выслушай меня, Реймонд. Я смирилась с тем, что ты пошел служить на флот, где тебя, моего сына, в любой день может разорвать в клочья бомба или кто-то пристрелит, или вы еще что-нибудь сотворите друг с другом. Все это было мне не по душе, но я смирилась. Мать не должна мешать своим детям выбирать судьбу, какой бы горькой потом она ни оказалась ...

— Мама ...

— Теперь ты мне заявляешь, что готовишься к сражению, в котором тебя могут убить, и делаешь это в тот день, в который принято почитать матерей?! Я еще не видела ничего более опрометчивого и бессердечного. Ты хочешь, чтобы я на всю жизнь запомнила материнский праздник, как день, в который был убит мой сын? Я и слышать об этом не хочу!

— Что же в таком случае ты прикажешь мне делать? Отменить сражение? И все только потому, что это может огорчить мою маму?

— Неужели я прошу так уж много? Если доставить радость матери — это в данном случае недостаточная причина, то придумай что-нибудь другое, скажи, что у тебя кончилось горючее или что-то в этом роде. Но обещай мне, что ты отложишь свою войну на один день или, лучше, на неделю.

— Но, мам, ...

— Я не так уж много прошу у тебя, Рейми. Я просто хочу, чтобы ты пообещал мне... Я буду ждать у коммутатора до тех пор, пока ты этого не сделаешь.

— Я ... я попробую что-нибудь сделать, мама ...

— ПОПРОБУЕШЬ?

— ЛАДНО, ЛАДНО. ОБЕЩАЮ!

— Ну, вот и хорошо. Видишь, это не так уж трудно. Теперь я могу спокойно вернуться к своим заботам. Пожелай мне счастливого Дня матери, сынок.

— Счастливого Дня матери, мама!

После строгого материнского внушения лицо Командора в одно мгновение лишилось всякого выражения и оставалось таким еще некоторое время.

Наконец Командор Стоун повернулся к офицеру связи.

— Свяжи меня с Золтроном.

На главном экране появилось изображение противника.

— Не знаю, Командор Золтрон, как объяснить это вам, но...

— Я помогу вам, Командор Стоун, если позволите, — перебил его Золтрон. — Ваша мать взяла с вас обещание отложить наше с вами рандеву хотя бы на один день.

Реймонд, как и вся его команда, застыли в шоке.

— Как ... как ты узнал? — наконец с трудом вымолвил Командор Терран.

— Очень просто, Командор. Я тоже только что разговаривал со своей матерью. Кажется, твоя мать звонила ей, чтобы узнать код твоего корабля... Не буду отнимать у тебя время и скажу короче — моя мать тоже заставила меня дать ей такое же обещание.

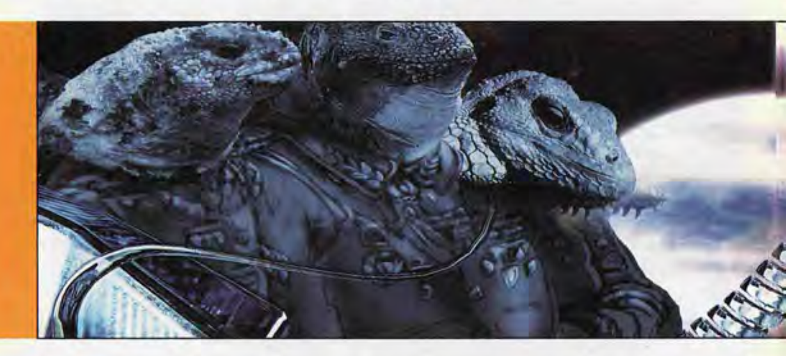
— Неужели? Не знал, что в вашей империи тоже отмечают праздник матери, да еще в один день с нами.

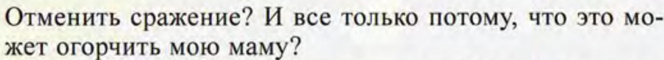
— Такого праздника у нас нет, — лицо Золтрона скривилось в недовольной гримасе. — Видимо, твоя мать объяснила моей причину своего звонка к тебе, а моей маме понравилась сама идея, и она решила присоединиться.

— Черт побери! Сочувствую тебе.

— Могло быть хуже! Боюсь, как бы она не поделилась этой идеей со всеми матерями Империи. Должен тебе сказать, что наши мамы, если захотят, могут оказывать сильное влияние на ход событий.

ЕСЛИ ДОСТАВИТЬ РАДОСТЬ МАТЕРИ - ЭТО В ДАННОМ СЛУЧАЕ НЕДОСТАТОЧНАЯ ПРИЧИНА, ТО ПРИДУМАЙ ЧТО-НИБУДЬ ДРУГОЕ, СКАЖИ, ЧТО У ТЕБЯ КОНЧИЛОСЬ ГОРЮЧЕЕ ИЛИ ЧТО-ТО В ЭТОМ РОДЕ. НО ОБЕЩАЙ МНЕ, ЧТО ТЫ ОТЛОЖИШЬ СВОЮ ВОЙНУ НА ОДИН ДЕНЬ ИЛИ, ЛУЧШЕ, НА НЕДЕЛЮ

— Гмм. Вот, что я тебе скажу, Золли. Есть ли у тебя и твоей команды какие-нибудь планы на ближайшие часы?.. Кроме, конечно, войны?

— Кажется, ничего такого нет. Мы планировали военные действия и поэтому других планов не строили, ведь война могла затянуться.

— Тогда вот что я тебе предлагаю. Совсем недалеко отсюда в нейтральной зоне есть заправочная станция, а рядом с ней — бар, который никогда не закрывается. Что если ты и твоя команда присоединитесь к нам в этом баре?

— Звучит заманчиво. Если ты ручаешься, что все твои ребята, как один, поклянутся, что не будут нарушать перемирия в День матери, я обещаю тебе то же.

— Никаких проблем ... но зачем?

— Видишь ли, я полагаю, что если все остальное будет в порядке, такое обещание хоть как-то убережет нас от личных ссор и стычек, если ребята вдруг переберут лишнего. Нам и без того будет нелегко объяснить начальству, почему мы не воюем сегодня, а представь, что мы скажем нашим мамам, если сами передеремся друг с другом?

— Истинно верно!

Перевод Т. Шинкарь

YOU NEVER CALL by Robert Asprin (c) by Robert Asprin
Публикуется с разрешения редактора Jody Lynn Nye и агентства Александра Корженевского (Россия). Первая публикация в Don't Forget Your Spacesuit, Dear edited by Jody Lynn Nye, Baen Books, 1996.

Д.КУЗЬМИЧЕВ. "СУЩНОСТЬ МИРА"

Майкл Суэнвик, Гарднер Дозуа, Джек Дэнн

Боги Марса

Трое известнейших фантастов собрались вместе, чтобы объясниться в нежных чувствах к любимому автору своего детства. По моему, старик Берроуз должен остаться доволен, если конечно там, где он сейчас находится, его все еще интересуют фантастические рассказы...

Фантом.

Иллюстрации: братья Кузьмичевы

Четырехрукие зеленые великаны, тоуты, зитидары, герои, размахивающие длинными мечами и прекрасные принцессы...

Когда началась буря, они были снаружи и отсоединяли посадочный модуль. Томас отрезал последнее крепление. Джонбой и Вуди, висевшие за его плечами, медленно выпрямились, подняли освободившиеся концы троса.

По команде Томаса они их отпустили. Металлические крепления поплыли прочь, поблескивая в резком солнечном свете, извиваясь раненой змеей, уменьшаясь в размерах по мере удаления от их орбиты. Посадочный модуль свободно парил, связанный с "Плоушером" единственным тонким фалом. Джонбой накинул ключ на крепежный болт верхней стойки посадочной опоры и повернул. Похожая на грациозную паучью лапку, она плавно отделилась от корпуса аппарата. Набросив ключ на следующий болт, Джонбой резко дернул. Но он не закрепился, как следует, и ноги, потеряв опору, начали закручивать его в медленном сальто. Он со смехом развернулся в обратную сторону, к концу своего фала. Ключ плавно заскользил в сторону "Плоушера", ударился о металлическую обшивку и уплыл в космос.

— Вы, пентюхи! — рявкнул Томас по открытому интеркому. Эфир трещал и шипел от статических разрядов, но он слышал, что Вуди и Джонбой смеются. — Завязывайте! Хватит резвиться! Давайте заканчивать!

— У вас там все нормально? — спросил командир Риденбоу, остававшийся в "Плоушере".

В голосе командира слышалось легкое раздражение, и Томас поморщился. Последний раз они втроем выходили за борт, отрабатывая именно этот маневр. Джонбой тогда тоже разыгрался и случайно расколотил упущенной гайкой кожух генерирующего кристалла, оборвав лазерную связь с Землей. Командир тогда надрал им задницы по этому поводу, в НАСА тоже все стояли на ушах, поскольку без лазерной связи они целиком зависели от радио, очень восприимчивого к статическим разрядам в год активного Солнца, каким выдался этот.

Не стоило слишком злиться на ребят, если они слегка подурачатся, оказавшись в открытом космосе после многих месяцев толкотни в замкнутом пространстве "Плоушера", но за то, чтобы все прошло без сучка, без задоринки, отвечал он. Здесь, за бортом, главным считается он. Это заставляло чувствовать себя одиноко и отстраненно, но, в конце концов, именно к этому он и стремился с первых дней полетной подготовки. Группой высадки командовал он, это был его шанс добиться славы, и он никому и ничему не позволит лишить его этого шанса.

— Все нормально, командир, — сказал Томас. — Мы отшвартовали аппарат и почти готовы к старту. До отделения примерно двадцать минут.

Он говорил спокойно и бесстрастно, как того требовали традиции, но в душе он вновь ощущал прилив возбуждения и надеялся, что телеметрия не покажет слишком заметного учащения пульса. Всего через считанные минуты они начнут первую высадку на Марс! Уже через час он будет там, куда мечтал попасть с детства. *На Марсе*.

И командовать будет он. *Как тебе это, папа?* — подумал Томас со вспышкой иронии. *Теперь-то хоть ты доволен? Наконец-то?*

Джонбой подтянулся обратно к "Плоушеру".

— Ну ладно, — сухо сказал Томас. — Если вы готовы, продолжаем работать. Вы с Вуди уберете все лишнее из аппарата. Я останусь здесь и займусь запасами.

— Да, *сэр*, сэр, — откликнулся Джонбой с дружеской иронией, и Томас вздохнул. Джонбой был нормальным, но немного легкомысленным парнем, и время от времени его приходилось придерживать. Вуди и Джонбой начали вытаскивать ящики из спускаемого аппарата: для экономии места в "Плоушере" его использовали как хранилище припасов для обратного полета. По ходу дела они отпускали шуточки насчет того, что неплохо было бы запустить в открытый космос несколько упаковок замороженной бурды, которую в НАСА на полном серьезе именовали аварийным запасом, но в конце концов две фигуры в скафандрах, нагруженные ящиками, втиснулись в шлюз и исчезли внутри.

Томас остался один, паря в космосе.

Ты здесь действительно один, и нет ничего вокруг, кроме зияющей безграничности вселенной, окружающей тебя со всех сторон. Это немного пугало, но в то же время этим можно насладиться после долгих месяцев тесноты в "Плоушере" еще с тремя людьми. На борту корабля чертовски не хватало уединения — здесь же, когда ты один, нет ничего, лишь уединение. Только ты, звезды, пустота... и, конечно, Марс.

МАРС БЫЛ ЗНАКОМ ЕМУ НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ УЛИЦЫ РОДНОГО ГОРОДКА - ДАЖЕ БОЛЕЕ ТОГО, ПОСКОЛЬКУ ЕГО СЕМЬЯ МНОГО ПЕРЕЕЗЖАЛА С МЕСТА НА МЕСТО, КОГДА ОН БЫЛ МАЛЕНЬКИМ. МАРС, ОДНАКО, ОСТАВАЛСЯ НЕИЗМЕННЫМ.

Томас расслабился на конце фала, удобно паря, и наблюдал, как Марс, необъятный и красноватый, поворачивался под ним, подобно громадному, медленно вращающемуся, ржаво-красному волчку. Марс! Он лениво обвел взглядом знакомые ориентиры. Долина древней высохшей реки Касеи Валлис, дно которой испещрено кратерами от метеоритов... красновато-коричневые и серые оттенки дымки и изморози в Ноктис Лабиринтус, Лабиринте Ночи... громадный шрам Валлис Маринерис, самого громадного каньона, протянувшегося на две трети экватора... огромные вулканические отложения Тарсиса... а вон там Котловина Хриса, где они скоро будут ходить.

Марс был знаком ему не хуже, чем улицы родного городка — даже более того, поскольку его семья много переезжала с места на место, когда он был маленьким. Марс, однако, оставался неизменным. Мальчишкой он грезил о космосе и о Марсе в частности... словно всегда почему-то знал, что однажды окажется здесь, бестелесно зависнув, подобно древнему богу, над медленно вращающейся внизу планетой. В школе он написал работу о тектонике марсианских плато. Еще в начальной школе, нескладным мальчишкой лет десяти-одиннадцати, он изучил все доступные карты Марса, выучил названия всех кратеров, долин и горных хребтов.

Воспоминания неторопливо перенесли его еще дальше в прошлое, в тот день на чердаке старого дома в Райтстау-

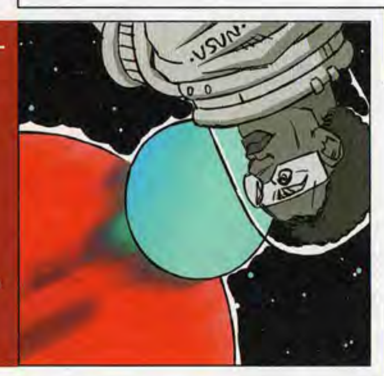
не, неподалеку от базы ВВС Макгуайр: рев взлетающих реактивных самолетов перемешивался с ленивыми звуками субботнего дня — с криками детишек, играющих в бейсбол, лаем собак, жужжанием газонокосилок; в окно вместе с мягким весенним воздухом залетал запах пыльцы; именно тогда он нашел старую книжку с загнутыми уголками — Эдгар Райс Берроуз, "Принцесса Марса".

Он провел там несколько часов над книгой, пока день не прошел незаметно для него, до тех пор, пока не стемнело настолько, что он не мог разглядеть буквы. В ту ночь он тайком читал в кровати, под простынями, с фонарикомручкой. Когда же он наконец заснул, в его снах мелькали четырехрукие зеленые великаны, тоуты, зитидары, герои, размахивающие длинными мечами и прекрасные принцессы... Двойные города Гелиума... поверхность мертвых морей, освещенных переливчатым светом двух стремительных лун... пещеры кочевников тарка, всадников-варваров в убранстве из сверкающих самоцветов и богатых шелковых одеяниях для верховой езды. На мгновение, глядя вниз на Марс, он ощутил детское разочарование из-за того, что на самом деле внизу его не ждет ничего такого, а потом криво усмехнулся самому себе. Нет сомнений, что те детские мечты все же обладали какой-то силой — ведь, в конце концов, именно они привели его сюда.

Как раз в это время разразилась песчаная буря.

Она началась от твердой поверхности пустынь и равнин, и по мере того, как Томас в смятении наблюдал за ней, она медленно поползла по планете, подобно брезентовому навесу над стройплощадкой. Там, внизу, ветры, разгонявшиеся до сотен километров в час, мчались над поверхностью Марса, наполняя небо взвихренными желто-белыми тучами песка. Завеса бури.

Марс, необъятный и красноватый, поворачивался под ним, подобно громадному, медленно вращающемуся, ржаво-красному волчку.

— Вы это видите, Томас? — раздался в наушниках голос командира.

— Да, — угрюмо отозвался Томас. — Вижу.

— Похоже, не на шутку разыгралось.

Буря медленно и неумолимо, прямо у них на глазах, закрыла всю видимую поверхность планеты. Сначала пропали более мелкие детали — уступы, русла и россыпи камней, потом — детали покрупнее. Наступил черед полярных шапок. Наконец исчезла даже вершина горы Олимп — самой высокой в солнечной системе.

— Вот и все, — грустно сказал командир. — Аэродром не принимает. Посадки сегодня не будет.

— Сукин сын! — взорвался Томас, ощущая подрагивание в животе от разочарования и внезапной ярости. Ведь он был так близко.

— Поаккуратней со словами, Томас, — предостерег командир. — Это открытый канал.

Он имел в виду, что им не стоит шокировать Многочисленных Слушателей Дома. О, силы небесные, нет, конечно.

— Если бы она началась хотя бы через пару часиков, мы могли бы уже спуститься туда, вниз...

— Радоваться надо, что именно сейчас, — мягко заметил командир. — А то сидели бы там на четвереньках, по уши в песке. Во время таких бурь ветер достигает ста сорока миль в час. Мне бы очень не понравилось пережидать такую погоду на поверхности. Расслабьтесь, Томас. У нас куча времени. Как только погода улучшится, спуститесь. Это не может длиться вечно.

Через пять недель буря наконец стихла.

Эти недели нелегко достались Томасу, исполненному бесполезной энергии, как тигр в клетке. У него развилась болезненная чувствительность к окружающей обстановке, к терпкому всепроницающему запаху человеческих тел, легкому металлическому привкусу воздуха. Это было все равно, что жить на заводе по производству гимнастических снарядов, когда вокруг изогнутые трубы и узкие загроможденные проходы, окруженные металлическими переборками, на которые постоянно натыкается взгляд. Впервые за многие месяцы экспедиции он начал по-настоящему ощущать клаустрофобию.

Но истинным врагом было время. Томас остро осознавал, что неумолимые часы небесной механики ведут безжалостный счет... что вскоре откроется оптимальное пусковое окно, и тогда им придется направиться к Земле, иначе они никогда не вернутся домой. Уляжется буря или нет, высадятся они на Марс или не высадятся, получит ли Томас, наконец, шанс выказать свою личную доблесть или *нет*, когда откроется окно, им придется улетать.

Уже всего неделю оставалось болтаться на марсианской орбите, а буря не утихала.

Ожидание всем действовало на нервы. Томас обнаружил, что особенно нелегко переносить маниакальную энергию Джонбоя. Он все чаще ловил себя на том, что срывается на Джонбоя во время еды и "тихого часа", пока командир в конце концов не отозвал его в сторону и не велел сбросить пар. Томас пробормотал какие-то извинения, командир окинул его проницательным взглядом и сказал:

— Еще много времени осталось, дружище. Не волнуйся. Мы все равно тебя туда спустим!

Они оба вдруг поняли, что улыбаются друг другу. Командир Риденбоу был хорошим офицером, спокойным, практичным уроженцем Новой Англии, и он, казалось, становился еще более флегматичным и невозмутимым, по мере того, как нарастало напряжение, а нервы у всех были на пределе. Джонбой обычно называл его "капитаном Ахавом". Командиру, похоже, это прозвище пришлось по душе, что было одним из немногих свидетельств того, что где-то под этой непроницаемой физиономией, возможно, таится чувство юмора.

Командир ободряюще пожал запястье Томасу, затем удалился к пульту связи. Томас смотрел ему вслед, прикусив язык, чтобы сдержать внезапно нахлынувшие горькие слова, которые, как он знал, никогда не произнесет... по крайней мере, здесь, где стены в буквальном смысле имели уши. Со времен "Скайлэба" астронавты летали с молчаливым пониманием того, что все сказанное ими на борту корабля прослушивается и оценивается в НАСА. Возможно,

еще до вечера кто-то в Хьюстоне поставит черную метку напротив его имени в психологическом досье лишь потому, что ожидание настолько подействовало ему на нервы, что командиру пришлось с ним об этом беседовать. Но, черт возьми, остальным было проще — на них не лежала ответственность быть символическим для НАСА Небесным Ниггером, когда все эти белые парни дома ждут не дождутся, чтобы увидеть, как ты облажаешься. По пути сюда он чувствовал себя третьим лишним — Вуди и командир без труда могли сами управлять кораблем и даже выполнять большинство плановых экспериментов, — но группа высадки должна находиться под его командой, это должно стать его шансом сделать, наконец, что-нибудь, кроме как быть непременной черной физиономией на официальных снимках Наших Отважных Астронавтов. Он вспомнил, как его требовательный, властный, крутой отец сотни раз говорил ему в отроческие годы: "Там мир белого человека. Если хочешь чего-то добиться, надо показать, что ты *лучше* любого из них. Ты должен им себя навязать, *заставить* их нуждаться в тебе. Тебе надо быть вдвое лучше любого из них..." *Да, папа,* подумал Томас, *уж будь уверен...* Он подумал о том единственном случае, когда видел отца пьяным в доску, вдрызг, в стельку, в тот вечер, когда отцу в третий раз не утвердили представление на бригадного генерала, вынудив его уволиться. Сначала они должны дать тебе шанс, папа, подумал он, снова, как обычно, вспомнив карикатуру Рона Кобба, увиденную в детстве, и которая с тех пор стоя— тут он бросил мрачный взгляд на Джонбоя, у которого хватило такта напустить на себя смущенный вид, — все, пожалуй, было бы нормально, но *без* нее... черт, пройдут дни, пока прием очистится. Может, и *недели.*

Вуди раздраженно щелкнул выключателем, и шипенье разрядов смолкло. Все четверо некоторое время молчали, ощутив внезапно усилившееся одиночество. Много месяцев единственной ниточкой, что связывала их с Землей, был слабый голос по радио, а теперь, вдруг, эта ниточка оборвалась. Из-за этого они ощутили еще большую изолированность и удаленность от дома.

Томас отвернулся от пульта связи и машинально взглянул через большой наблюдательный иллюминатор на Марс. Он не сразу заметил, что вид в чем-то изменился. Потом понял, что однородная грязная желто-белая пелена облаков начала распадаться, на ней появились полоски, превращающие планету в гигантское крапчатое пасхальное яйцо, и при этом открывались манящие виды поверхности.

— Эй! — произнес Томас.

Одновременно с ним завопил Джонбой:

— Ну-ка, ну-ка, смотрите туда! Угадайте, кто вернулся, ребята!

Все столпились вокруг наблюдательного иллюминатора, нетерпеливо толкая друг друга.

Прямо на глазах буря улеглась с внезапностью ловкого фокуса, и снова показалась поверхность. Джонбой издал оглушительный разбойничий вопль. Все ли-

...ЧЕРНОКОЖИЕ В СКАФАНДРАХ НА ЛУНЕ, УБИРАЮЩИЕ ТЕРРИТОРИЮ ВОКРУГ ЛАГЕРЯ АППОЛОН-58...

ла у него перед глазами: на карикатуре изображались чернокожие в скафандрах на Луне, убирающие территорию вокруг лагеря "Апполон-58".

— Мы опять теряем Хьюстон, — сообщил Вуди. — Никак не могу удержать сигнал.

Он повернул ручку, и в отсеке послышался голос Центра Управления Полетом, неразборчивый и почти заглушенный шипением статических разрядов, что напоминало звук при поджаривании нескольких десятков яиц в огромной железной сковороде.

— ...как слышите? ...вас не слышу... "Плоушер"... теряю.

Солнечная активность в последние недели была очень высокой, и всего за несколько часов НАСА предупредило их о невероятной силы вспышке на Солнце, грозившей затопить радиопомехами половину солнечной системы. Даже когда голос еще доносился до них, он был почти не слышен из-за статических разрядов; шипение становилось все громче и громче.

— Ну вот, — сумрачно произнес Вуди, — приехали. Эта солнечная вспышка глушит все. Будь у нас лазерная связь, ковали. Они смеялись, шутили, хлопали друг друга по плечам, а потом один за другим замолчали.

Что-то было не так. Томас ощутил, как мурашки пробежали по спине и рукам, почувствовал, как напрягается живот. Что-то было *не так*. Но что? Что? Он услышал судорожный вздох командира, и в то же самое время озарение промелькнуло у него в сознании. Он почувствовал, как кровь отливает от лица.

Первым заговорил Вуди.

— Но... — произнес Вуди озадаченным, чуть ли не капризным, как у сбитого с толку ребенка, голосом. — *Но... это не Марс*.

Воздух на Марсе был разреженным. Настолько разреженным, что пыль не могла оставаться в нем в подвешенном состоянии, если только ветер не дул со страшной скоростью. Когда ветер стихает, пыль оседает, как галька, быстро и вся сразу.

После пяти недель бури ветер стих. Пыль осела.

Открыв взгляду совершенно не ту планету.

Поверхность сохранила преимущественно грязноватый, красновато-оранжевый оттенок, но теперь появились большие крапчатые пятна зеленого и сероватой охры. Поверхность сейчас казалась мягче, более гладкой, с гораздо менее изломанным рельефом. Через мгновение стало ясно, почему. Кратеры, так похожие на лунные формой и расположением, исчезли, как и большинство гор, уступов и гигантских вулканических отложений. На их месте виднелись десятки тонких, идеально прямых голубых линий. Обрамленные полосками зелени, они раскинулись по всей планете причудливым сетчатым узором, от одной ледяной полярной шапки до другой.

— Не могу ничего *найти*, — раздраженно приговаривал Вуди. — Куда все *подевалось*? Боже праведный, я даже гору Олимп не вижу! Самый здоровенный долбаный вулкан солнечной системы! Где он? И что это за гадские линии?

И снова Томас ощутил в недрах души невероятную вспышку постижения. Он во все глаза смотрел на планету внизу, не в состоянии говорить, не в состоянии отвечать. За него это сделал Джонбой.

Он запнулся и умолк, видя прорехи в этих догадках еще до того, как Джонбой фыркнул и заговорил.

— Очень хорошо, дружище, *очень* хорошо. Но горы Олимп *там нет*, это горы-то, что в три раза выше Эвереста! Даже если представить, что ее занесло песком, тогда на ее месте должна быть какая-нибудь долбаная *песчаная дюна*, в три раза выше Эвереста... Но там, сдается, больше не осталось ни одной здоровенной горы.

— Я знаю, что случилось, — сказал Вуди, прежде чем Томас ответил.

Голос его звучал настолько странно, что все повернулись на него посмотреть. Перед этим он рассматривал поверхность с помощью небольшого телескопа, предназначенного для экспериментов на орбите, но сейчас оперся на штатив и смотрел на них. Взгляд у него был горячечный, бегающий и сверкающий, а глаза — словно ввалились. Он слегка дрожал, а лицо у него стало бледно-восковым.

Он напуган, понял Томас, *он просто до смерти напуган.*

— Такое и раньше бывало, — хрипло произнес Вуди.

— О чем это ты, черт возьми? — спросил Томас.

— Разве вы не читали историю? — в свою очередь

Джонбой наклонялся все ближе к иллюминатору, изумленно разинув рот; его лицо приобрело необычный, мечтательный вид. Когда он заговорил, голос его звучал бесстрастно, почти апатично.

— Это каналы, — произнес он.

— Какие, в задницу, каналы! — рявкнул командир, впервые за время экспедиции потеряв контроль над собой. — На Марсе нет никаких каналов! Эта гипотеза умерла вместе со Скиапарелли и Ловеллом.

Джонбой пожал плечами

— Тогда *это* что? — мягко спросил он, ткнув большим пальцем в сторону планеты, и Томас ощутил, как по спине пробежал холодок.

Беглый осмотр не обнаружил узнаваемых признаков, ни одного из ориентиров, известных им еще со времен фотокарт, составленных по материалам “Маринера-9” и “Викинга”, но Джонбой раздражал командира, указывая на то, что основные каналы, которые Персиваль Ловелл описал и нанес на карту в девятнадцатом веке — Стримон, Харонтис, Эребус, Оркус, Дис — там *были*, как и предсказывал Ловелл.

—Должно быть, это песчаная буря, — сказал Томас, отчаянно цепляясь хоть за какое-то рациональное объяснение. — Ветер перемещал песок с места на место и закрыл, возможно, одни черты местности и в то же время обнажил *другие*...

спросил Вуди.

Он был немногословен, говорил медленно и взвешенно, как и большинство компьютерщиков, но теперь слова лились из него все более ускоряющимся потоком, чуть ли не наталкиваясь в нетерпении друг на друга. Голос его звучал выше, чем обычно, и в нем слышались резковатые истеричные нотки.

— Экспедиция “Маринера-9”, автоматический зонд. В 1971-м. Помните? Как только зонд достиг орбиты Марса, прежде чем он начал передавать хоть какие-то снимки, поднялась гигантская сплошная буря, вроде этой. *Страшенная* буря. Закрыла *все полностью*. Затянула всю планету на несколько недель. Поверхности вообще не было видно. Ученые на Земле рвали волосы. Но когда буря, наконец, закончилась, и снимки начали поступать, все просто пришли в *изумление*. Ничего из деталей Ловелла, никаких каналов, ничего — только кратеры, русла и вулканы, все, что мы ожидали увидеть на *этот раз*.

Он неуверенно усмехнулся.

— Поэтому все просто пожали плечами и сказали, что Ловелл ошибался — плохая видимость, погрешность выборки, он просто *думал*, что видит каналы. Наверное, соединил реальные черты поверхности с воображаемыми линиями. Он видел то, что хотел видеть.

Вуди остановился, облизнул губы и заговорил еще быстрее и визгливее, чем раньше.

— Но ведь это было *неправдой*, верно? Мы-то лучше *знаем*, так, ребята? Мы видим доказательства прямо в иллюминаторе! Мой выживший из ума старый дядя Барри — вот он был прав с самого начала, а все остальные *ошибались*. Он сказал мне, что случилось, но я был слишком глуп, чтобы ему поверить! Это были *космические* люди, инопланетяне! Марсиане! Это *они* увидели приближение того зонда, быстренько устроили бурю, чтобы мы не видели поверхность, а потом все поменяли. Под покровом песчаной бури они изменили всю эту чертову планету, чтобы нас одурачить, чтобы мы не узнали, что *они* там были! Вот вам *доказательство*! Они поменяли все *обратно*! Они там сейчас, эти люди из летающих тарелок! Они там...

— Бред собачий! — перебил командир.

Голос его звучал резко, громко и отрывисто, как удар плети, но больше всего прочего их поразило непривычное в его устах грубое выражение. Все повернулись к нему, а он в это время парил у пульта управления. Даже Вуди, который, казалось, только что был на грани срыва, судорожно вздохнул и умолк.

Убедившись, что привлек всеобщее внимание, командир холодно улыбнулся и сказал:

— Пока вы тут все разыгрывали психодраму, я проводил кое-какие элементарные сравнения. Вот данные телеметрии, и знаете что? *Все* выглядит точно так же, как и до песчаной бури. Абсолютно... так же. Глубокая радиолокация, инфракрасный спектр — все.

Он побарабанил по пульту управления.

— Все точно так же, как всегда — воздух непригоден для дыхания, низкое атмосферное давление, температура ниже нуля, ничего, кроме песка и кучи чертовых красноватых скал. Никакой растительности, никакой воды на поверхности, *никаких каналов*.

Он переключил наружные камеры на монитор в отсеке, и все увидели Марс, знакомый еще по снимкам зондов "Маринера" и "Викинга", — каменистый, скалистый, изрытый кратерами, безжизненный. Никаких каналов.

Все безмолвствовали, завороженные двумя противоречивыми картинами.

— Не знаю, что является причиной этой странной зрительной галлюцинации, которую мы все наблюдаем, — сказал медленно и взвешенно командир, махнув рукой в сторону иллюминатора. — Но я знаю, что это — галлюцинация. Ее не показывают камеры, ее не показывает телеметрия. Этого просто нет на самом деле.

Они перенесли дискуссию в бар. Лось Дуфус — оранжевая надувная игрушка из пожитков Джонбоя — кротко улыбался им сверху вниз. Потягивая из пакетиков концентрированный цитрусовый сок (в НАСА не сомневались, что им нельзя доверять запас алкоголя, а фляжку, которую Вуди контрабандой протащил на борт, давным-давно осушили до капли), они обсасывали все тот же вопрос и никак не могли придти к согласию. "Объяснения" становились все более заумными, пока наконец командир не выдал классическую фразу насчет *массового гипноза*, что тут же вызвало насмешливое фырканье Джонбоя.

Наступила долгая, звенящая пауза. Затем Джонбой, настроение которого изменилось, очень спокойно сказал:

— Все это не имеет значения. Отсюда мы все равно больше ничего не узнаем о том, что там творится.

Он оглядел остальных трезвым взглядом.

— Нам надо принять одно-единственное решение. Мы будем спускаться или нет? Будем садиться?

Вздрогнул даже командир.

— И после всего этого... ты еще хочешь спускаться?

Джонбой пожал плечами.

— А что? Разве мы не для этого сюда столько тащились?

— Слишком опасно. Мы даже не знаем, что здесь происходит.

— Мне казалось, это всего лишь массовый гипноз, — ехидно заметил Джонбой.

— Думаю, так и есть, — решительно сказал командир, пропуская мимо ушей сарказм Джонбоя. — Но даже если это и так, мы все равно не знаем, *почему* у нас эти галлюцинации, верно? Это может быть признаком органических изменений или какой-либо дисфункции. Возможно, там есть какое-то интенсивное электромагнитное поле, не обнаруженное нами, которое нарушает электрические связи нашей нервной системы; может быть, в системе регенерации есть какой-нибудь непредвиденный изъян, приводящий к накоплению токсинов, которые влияют на деятельность мозга... Короче говоря, мы неправильно *функционируем*: видим то, чего там нет!

— Все это не имеет значения, — сказал Джонбой.

Он подался вперед, заговорив напористо и страстно. Его еще ни разу не видели таким серьезным и целеустремленным.

— Мы должны садиться. Независимо от риска. Найти средства на *эту* экспедицию было довольно нелегко. Если мы тут облажаемся, другой попытки может и не быть. НАСА само может отдать концы.

Он обвел взглядом товарищей.

— Как это будет смотреться на *твой* взгляд, Вуди? Мы наталкиваемся на величайшую тайну из всех, с которыми встречалось человечество, и тут же удираем домой, поджав хвосты, даже не пытаясь разобраться? Тебе такое нравится?

Вуди крякнул и покачал головой.

— Конечно нет, дружище, — ответил он, потом обвел всех взглядом и спокойно сказал:

— Давайте *туда* спустимся.

Теперь, когда Вуди, очевидно, уже выбросил из головы мысль о неизбежном вмешательстве космических нарушителей спокойствия на летающих тарелках, в нем читалась решимость сохранять, насколько возможно, хладнокровие и мужество, словно в доказательство того, что он и не был напуган.

Снова наступила тишина, и до Томаса медленно дошло, что все остальные смотрят на него.

Теперь все зависело от него. Решающим будет *его* голос: Томас встретился глазами с Джонбоем, и Джонбой ответил ему твердым взглядом. Вопрос даже не надо было произносить: он висел в воздухе и наполнял напряжением затянувшееся молчание. Томас беспокойно зашевелился под тяжестью этих взглядов. *Что* он чувствовал? Он не мог понять — странно, что теперь, когда он, как никогда, близок к цели, он колебался между страхом и каким-то иным, медленно возникающим чувством, которое он никак не мог определить и не хотел о нем думать. Но в одном он вдруг совершенно перестал сомневаться. Они не собирались отказываться от его участия в экспедиции сейчас, когда он зашел так далеко! У него явно никогда не будет другого шанса попасть в учебники истории. Наверное, и для Джонбоя это было главным побудительным мотивом, а не вся эта болтовня насчет выживания НАСА. Джонбой имел достаточно здравого смысла, чтобы понимать: если они вернутся домой, так и не совершив посадку, то станут всеобщим посмешищем, слизняками, а не героями, а вся слава достанется кому-то *иному* из другой экспедиции в будущем. Самолюбие не позволяло Джонбою упустить такой шанс. И он был прав! Томас имел гораздо больше причин бояться потерять такую возможность, лишиться этого шанса: если ты черный, второй попытки тебе уже никто не даст.

— У нас еще почти три дня до открытия окна отлета, — медленно и взвешенно произнес Томас. — Думаю, надо максимально использовать это время, чтобы спуститься вниз и узнать как можно больше.

Он поднял глаза и посмотрел прямо на командира:

— Будем *высаживаться*.

Командир Риденбоу настоял на докладе в Хьюстон, чтобы там приняли окончательное решение по этому вопросу, но после нескольких часов попыток стало ясно, что ему не удастся связаться с Землей. На этот раз спихнуть ответственность не удалось.

Командир вздохнул и устало провел рукой по волосам. Он ощущал себя старым, утомленным и бесполезным. Он все равно знал, что бы ответил Хьюстон. За исключением самого командира (слишком хорошо известного, чтобы его не назначили), фактически, для этой экспедиции была установка на подбор холостяков, не имеющих за плечами слишком тесных личных или семейных уз. Одно это говорило о многом. *Предполагалось*, что они будут рисковать. Для того они здесь и были. Риск составлял часть их работы.

На рассвете они начали спуск над Крисом.

Как командир группы высадки Томас выходил из спускаемого аппарата первым. Неуклюжий в своем скафандре, он спиной выбрался из люка и спустился по внешнему трапу. Он увидел неровные всполохи марсианского неба, и оно было оранжевым, каким и должно быть. Его первой инстинктивной реакцией было облегчение, за которым последовал острый приступ какого-то извращенного разочарования, удивившего его. Повиснув на трапе, одной ногой почти касаясь грунта, он остановился, чтобы отбарабанить текст, составленный кем-то из отдела по связям с общественностью НАСА.

— От имени всего человечества мы посвящаем Планету Войны миру. Да поможет нам в этом Господь.

Опустив ногу, он посмотрел вниз с трапа, раскачиваясь, чтобы взглянуть, куда становится.

— Боже праведный, — изумленно пробормотал он.

Хоть небо и было оранжевым, но еще здесь была какая-то растительность. Он ступил в плотный упругий покров серовато-охряных растений. Опустившись на колени, он осторожно прикоснулся к ним.

— Похоже на какой-то мох, — сообщил он. — Они сгибаются от прикосновения и медленно выпрямляются. Я могу отрывать их рукой.

Передача с "Плоушера" трещала и шипела от статических разрядов.

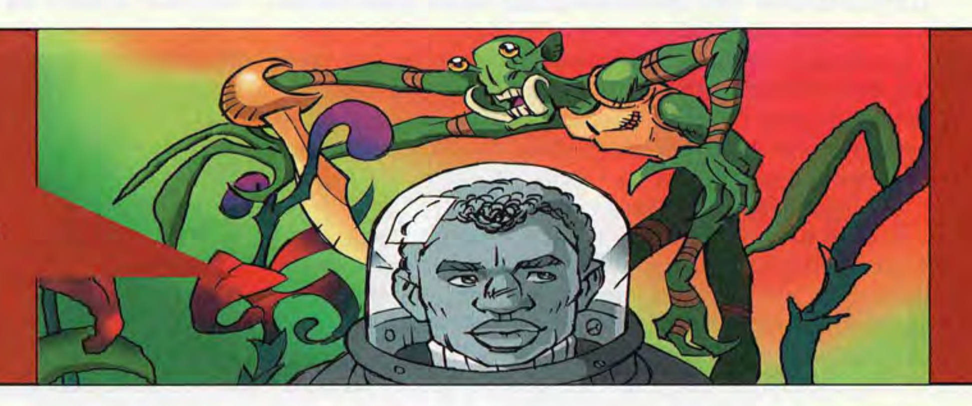
— Томас, — раздался в наушниках голос командира. — О чем ты говоришь? Ты в порядке?

Выпрямившись, Томас впервые медленно, не спеша, огляделся вокруг. Охряный мох простирался до оранжевого горизонта во все стороны, покрывая и равнину вокруг, и цепь невысоких покатых холмов на полпути к северу. То там, то тут среди мха виднелись густые скопления колючего бесформенного кустарника, в основном коричневого, глянцево-черного или грязно-пурпурного цвета, а кое-где даже торчали одинокие деревья. Деревья были темно-красными, высотой футов десять; их стволы отливали цветом свежей, влажной крови, а плоские глянцевитые листья блестели, словно аметистовые. Томас окрестил их огненными деревьями.

Спускаемый аппарат стоял всего в нескольких сотнях ярдов от канала.

Канал был широким, и его спокойная, совершенно прозрачная вода отражала небо — темное, как вино, красное, как кровь. Небольшие желтые цветы свешивали в воду тонкие отростки с боковых стен — старых, искрошенных, пок-

ЭТО ВСЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НАСТОЯЩИМ, ОШЕЛОМЛЕННО ПОДУМАЛ ТОМАС.

рытых резьбой, состоявшей из необычных геометрических узоров в виде спиралей и завитков, которые, вероятно, могли быть рунами.

Это все не может быть настоящим, ошеломленно подумал Томас.

Джонбой и Вуди спускались вниз по трапу, неуклюжие, похожие на троллей в своих громоздких скафандрах, и Томас отошел, чтобы освободить им место.

— Мама родная! — ахнул Вуди, оглядевшись. Его голос выражал нескрываемое удивление. — Ничего себе!

Он положил ладонь в перчатке на плечо Томасу.

— Это мы и видели сверху.

— Но это невозможно, — откликнулся Томас.

Вуди пожал плечами.

— Если это и галлюцинация, то чертовски *красивая*.

Джонбой безмолвно прошел дальше, пока не оказался в нескольких ярдах от корабля; тут он остановился и посмотрел через покрытую мхом равнину на холмы вдалеке.

— Все равно, что заново родиться, — прошептал он.

В наушники снова ворвался искажаемый щелканьем и треском статических разрядов голос командира.

— во всем этом Хьюстон разбирается. Это уже не наша проблема. Вуди, возвращайтесь! Держитесь вместе, черт возьми!

Джонбой так и стоял на месте, словно в трансе, но Вуди шагал к каналу, осматриваясь по сторонам.

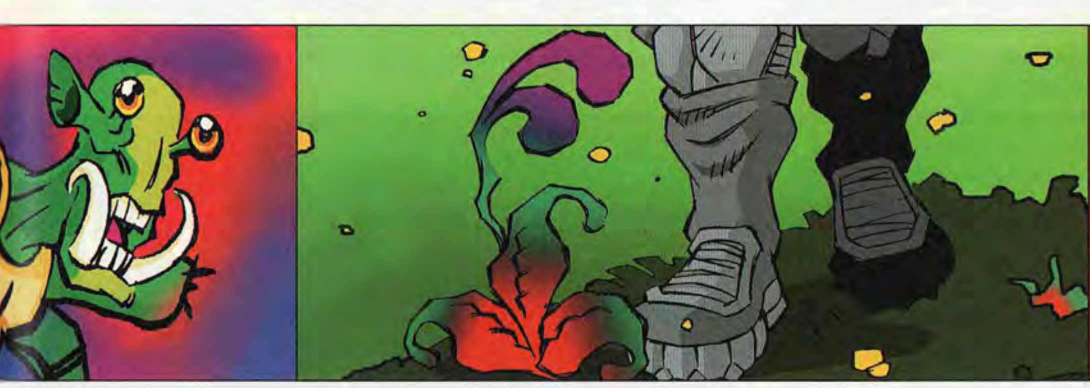
— Послушайте! — заговорил командир. — Я хочу, чтобы все вернулись в спускаемый аппарат прямо сейчас. Я хочу вытащить вас оттуда, пока ни с кем ничего не случилось. Всем возвращаться *сейчас же*. Это приказ! Это прямой приказ!

Вуди неохотно развернулся и медленно побрел к модулю, останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы оглянуться на канал.

Томас вздохнул, не в состоянии разобраться, чувствует ли облегчение, выбираясь отсюда, или досаду оттого, что это произойдет так скоро.

— Хорошо, командир, — сказал Томас. — Мы вас поняли. Будем взлетать. Прямо сейчас.

Он сделал несколько легких, плывущих шагов, стараясь не поддаваться позыву перемещаться кенгуриными прыжками, и легонько похлопал Джонбоя по руке.

— Доложите обстановку! Что у вас там происходит?

Томас покачал головой.

— Командир, я сам хотел бы знать.

Он отсоединил наружную камеру от спускаемого аппарата, установил ее на штатив, снял с объектива крышку.

— Скажите, что вы видите.

— Вижу песок, пыль, скалы... А что еще, *по-вашему*, я должен увидеть?

— Ни каналов? — печально спросил Томас. — Ни деревьев? Ни мха?

— Господи, у вас снова галлюцинации, — откликнулся командир. — Этого я и боялся. Послушайте меня, вы все! Хорошо слушайте! Там внизу нет никаких чертовых каналов. Возможно, в нескольких десятках метров от поверхности есть вода в виде вечной мерзлоты. Но сверху сухо, как на Луне.

— Но здесь повсюду растет какой-то мох, — возразил Томас. — Серовато-охряного цвета, фута полтора высотой. Здесь есть скопления кустарника. Здесь есть даже какие-то *деревья*. Неужели вы ничего этого не видите?

— У вас галлюцинации, — произнес командир. — Поверьте, камера не показывает ничего, кроме песка и камней. Боже милостивый, вы стоите среди чертовой лунной пустыни и лопочете мне что-то про какие-то деревья! С меня хватит. Я хочу, чтобы вы все вернулись, прямо *сейчас*. Первонаперво, я не должен позволить вам меня уболтать. Пусть

— Пойдем. Надо лететь обратно.

Джонбой медленно повернулся.

— Надо? — спросил он. — Неужели и *вправду* надо?

— Приказ, — неловко сказал Томас, чувствуя, как что-то начинает шевелиться и тяжело поворачиваться в глубинных закоулках его души. — Я тоже пока не хочу, но командир прав. Если у нас галлюцинации...

— Не надо меня кормить этим дерьмом! — порывисто перебил его Джонбой. — Какие, в задницу, галлюцинации! Ты ведь *трогал* этот мох? Ты его *ощущал*. Это не галлюцинация, не массовый гипноз или что там еще. Это *мир*, новый мир, и он *наш*!

— Джонбой, сейчас же вернись в посадочный аппарат! — вмешался командир. — Это приказ!

— Плевать я на тебя хотел, Ахав! — сказал Джонбой. — И на твои приказы тоже.

Томас был шокирован — и в то же время ощутил приступ ликования при виде неподчинения, и это чувство удивило его настолько, что он поспешил поскорее от него избавиться и сказал:

— Ты переходишь границы, Джонбой, послушай-ка меня, сейчас...

— Нет, это ты меня слушай, — горячо перебил его Джонбой. — Оглянись вокруг! Я знаю, ты читал Берроуза. Ты *знаешь*, где ты! Дно мертвого моря, покрытое охряным мхом. Пологие холмы. *Канал*.

— Именно поэтому все это не может быть настоящим, — неуверенно возразил Томас.

— Настоящее, если мы *хотим*, чтобы это было настоящим, — сказал Джонбой. — Все это здесь из-за нас. Это сделано *для* нас. Это сделано *из* нас.

— Хватит болтать, сейчас же в посадочный аппарат! — заорал рявкнул командир. — Быстрее! Шевелите задницами!

К ним подошел Вуди.

— Может, нам лучше... — начал он, но его перебил Джонбой:

— Послушайте меня! Я понял, что происходит, в тот момент, когда выглянул и увидел Марс Скиапарелли и Ловелла, *старый* Марс. Вуди, ты говорил, Ловелл видел то, что хотел видеть. Это *верно*, но не в том смысле, что ты имел в виду. Знаешь, другие астрономы смотрели на Марс в то же время, что и Ловелл, с такими же приборами, и не видели никаких каналов вообще. Ты когда-нибудь слышал о согласованной реальности? Поскольку Ловелл хотел это видеть, для него оно существовало! Так же, как оно существует для нас — потому что мы хотим, чтобы это существовало! Мы не обязаны воспринимать здешнюю серую реальность Ахава и всех прочих сереньких людишек из НАСА. Они хотят, чтобы здесь были камни, пыль, мертвечина, тоскливая пустыня: им *нравится*, чтобы так было...

— Ради Бога! — перебил командир. — Кто-нибудь, затащите этого психа в модуль.

— ...Но нам это не нравится! В глубине души мы — ты, Томас, ты, Вуди, — мы не верим в такой Марс. Мы верим в этот — *настоящий*! Поэтому он здесь для нас! Поэтому он именно такой — он сделан из наших грез! Кто знает, что за этими холмами: белоснежные феерические города? Четырехрукие зеленые люди? Прекрасные принцессы? Двойные города Гелия? Там может быть *что угодно*!

— Томас, — рявкнул командир. — *Сейчас же* доставьте Джонбоя в модуль. Силой, если надо, но затащите его туда. Джонбой! Ты потерял контроль над собой. Можешь считать, что ты под домашним арестом!

— Я всю жизнь провел под домашним арестом, — ответил Джонбой. — Теперь я *свободен*.

Он неторопливо поднял руки и отстегнул шлем.

Томас рванулся вперед с нечленораздельным воплем ужаса, пытаясь его остановить, но было слишком поздно. Джонбой уже полностью снял шлем и мотал головой, чтобы освободить спутанные светлые волосы, слегка колыхавшиеся на ветру. Он сделал глубокий вдох, еще один, а потом ухмыльнулся Томасу.

— Воздух пахнет *замечательно*, — сказал он. — И, Бог ты мой, он чистый!

— Джонбой? — неуверенно произнес Томас. — Ты в *порядке*?

— Господи! — бормотал командир. — Господи! Боже мой! Боже праведный!

— Мне хорошо, — ответил Джонбой. — Вообще-то, просто *потрясающе*.

Он ослепительно улыбнулся им, затем понюхал внутренность своего шлема и скривился.

— Тьфу! Воняет, как под мышкой!

Он начал стаскивать скафандр.

— Томас, Вуди, — с трудом проговорил командир. — Погрузите тело Джонбоя в модуль, а потом залезайте сами, и быстро, пока мы еще кого-нибудь не потеряли.

— Но... — вырвалось у Томаса, — с Джонбоем ничего не случилось. Мы с ним разговариваем.

— Черт возьми, *посмотри на показатели жизнедеятельности!*

Томас посмотрел на индикаторную панель на ремне подбородка, отражавшуюся небольшим квадратиком справа на защитном стекле скафандра. На месте индикатора Джонбоя горел маленький красный огонек.

— Господи! — прошептал Томас.

— Он *мертв*, Томас, он *мертв*. Я вижу его тело. Он рухнул, как подкошенный, как только снял шлем и выблевал легкие на песок. *Послушай* меня! Джонни *мертв*: все остальное — галлюцинация!

Джонбой ухмыльнулся, высвобождаясь из скафандра.

— Может, ребята, я и покойник, — насмешливо заметил он, — но, скажу я вам, мертвый я или нет, но сейчас, без этого вшивого скафандра, чувствую себя в сто раз лучше, можете поверить. Воздух чуток прохладный, но воспринимается *чудесно*.

Он вытянул вверх руки и лениво, как кот, потянулся.

— Джонбой... — неуверенно окликнул Вуди.

— *Послушайте*, — бушевал командир. — У вас галлюцинации! Вы разговариваете сами с собой! Быстро в модуль! Это *приказ*.

— Да, *сэр*, сэр, — издевательски отозвался Джонбой, козырнув в небо. — Вы и впрямь собираетесь слушать эту задницу?

Сделав шаг вперед, он взял каждого из них за руку и сердито встряхнул.

— А *на ощупь*, тупицы, я тоже покойник?

Томас ощутил крепко сжавшие его руку пальцы и необычное, глубокое возбуждение охватило его: отчасти это было недоверие, отчасти — сверхъестественный ужас, отчасти — неожиданное, странное ликование.

— Я *ощущаю* его, — удивленно проговорил Вуди, похлопывая Джонбоя ладонью в перчатке. — Он плотный. Он *здесь. Гадом* буду...

— Будешь? — ухмыльнулся Джонбой. — Да ты, дружище, всегда им был.

Вуди рассмеялся.

— *Так* плоско никакая галлюцинация не пошутит, — сказал он Томасу. — Он вполне настоящий.

— Но индикатор... — хотел возразить Томас.

— Явно врет. Наверняка какой-то сбой.

Вуди начал расстегивать шлем.

— Нет! — заорал командир, и в то же мгновение Томас бросился к нему с воплем "Вуди! Остановись!" и попытался его схватить, но Вуди увернулся и прыжками выскочил из зоны досягаемости.

Вуди осторожно снял шлем и подозрительно принюхался. Его поначалу напряженное худое лицо расслабилось, и он заулыбался.

— Вот это да, — благоговейно произнес он.

— Быстро надень шлем! — орал командир, но на индикаторе Вуди уже горел оранжевый огонек, который стал красным еще до того, как умолк командир.

— Слишком поздно, — простонал командир. — О Боже, слишком *поздно*...

Вуди заглянул в свой шлем, посмотрел на свой индикатор. На его лице промелькнуло удивление, и он тут же рассмеялся:

— Значит так, — протяжно заговорил он, — раз уж я теперь официально труп, *это*, пожалуй, мне уже не понадобится.

Он отшвырнул в сторону шлем, который запрыгал и покатился по упругому мху.

— Томас, — сказал Вуди, — *ты* можешь делать, что хочешь, но я столько месяцев был заперт в этой вонючей жестянке и теперь *хочу умыться* в кристально чистой, не регенерированной воде!

Улыбнувшись Томасу, он двинулся в сторону канала.

— Может, даже искупаюсь.

— Томас... — прерывистым голосом заговорил командир. — Не беспокойся насчет тел. *Ни о чем больше* не беспокойся. Просто вернись в модуль. Как только ты в нем окажешься, я запущу команду на взлет.

Джонбой смотрел на него насмешливо, сочувственно, выжидающе.

— Джонбой... — произнес Томас. — Джонбой, как мне узнать, что настоящее?

— Тебе решать, что настоящее, — негромко ответил Джонбой. — Как и всем нам.

— Послушай меня, Томас, — взмолился командир — в его голосе звучали панические нотки. — Ты опять говоришь сам с собой. Что бы ты ни думал о том, что *видишь, слышишь или даже трогаешь,* это не настоящее. Ты знаешь, галлюцинации бывают и осязательные, но это *не настоящее.*

— Старик Ахав там, наверху, тоже сделал свой выбор, — сказал Джонбой. — Для него, в его собственной внутренней вселенной мы с Вуди мертвы. И это тоже настоящее — для него. Но тебе не обязательно выбирать ту реальность. Ты можешь выбрать эту.

— Не знаю, — промямлил Томас. — Просто *не знаю.*

Вуди плюхнулся в воду в облаке брызг. Он сделал несколько гребков, шумно отдуваясь, и перевернулся на спину.

— Давайте сюда, ребята! — крикнул он.

Джонбой улыбнулся и повернулся, чтобы приблизить лицо к шлему Томаса, пристально вглядываясь сквозь защитное стекло. У него все еще был такой же странный, сонный вид, так непохожий на его обычную оживленность, а глаза были ясными, сочувственными и спокойными.

— Это требует поступка веры, Томас. Возможно, именно так начинается любой мир. — Он улыбнулся Томасу. — А я пока тоже искупнусь, пожалуй.

Он зашагал в сторону канала, немного подпрыгивая при каждом шаге.

Томас стоял неподвижно, а на экране в его в шлеме светились два красных огонька.

— Сейчас они оба пошли купаться, — тупо произнес он.

— Томас! Ты меня слышишь?

— Слышу вас, — пробормотал Томас.

Они *веселятся* в своем новом мире — он видел это. Их веселье сродни тому, что испытывают дети... они воспринимают его как данность. Радость открытия всего нового... радость, которая, похоже, теряется в сером однообразии взрослой жизни, все дальше и дальше уходит в прошлое...

— Тебе, Томас, нужно всего лишь мне доверять. *Поверь мне.* Поверь на слово, я знаю, о чем говорю. Ты должен принимать это на веру. А теперь слушай меня. Что бы ты ни думал о происходящем, *не снимай шлем.*

Его отец имел обыкновение читать ему нотации в таком же тоне — требовательном, властном... и в то же время снисходительном. Пренебрежительном. Папа лучше знает. Слушай меня, мальчик, я *знаю*, о чем говорю! Делай, что я тебе *говорю*!

— Ты меня слышишь? Не снимай шлем! Ни при каких обстоятельствах. Это *приказ*.

Томас кивнул, прежде чем остановил себя. Вот он опять стал хорошим мальчиком, маленьким Томми, который снова стоит по струнке, слушает приказы, делает, что ему говорят. *Снова* его обошли. А для чего?

Вдалеке летело какое-то существо, направляясь к холмам.

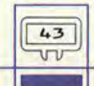
Размером оно было с большую птицу, но напоминало стрекозу и имело шесь длинных, легких и прозрачных крыльев, которыми управляло сложными переплетающимися движениями, словно гребло по воздуху.

— Заходи в модуль, Томас, и задраивай люк.

Никогда не испытывал никакой радости. Приходилось быть в два раза лучше любого из них, рвать задницу...

— Это приказ, Томас!

Тебе приходилось заставлять ублюдков уважать тебя, ты должен был зарабатывать их уважение. Отец говорил об этом миллион раз. И как мало времени потребовалось ему, чтобы зачахнуть и умереть, как

только он перестал стараться, как только понял, что нельзя заслужить то, что никто не хочет отдавать.

Красно-желтая ящерица пробежала по его ботинку стремительно и бесшумно. У нее было шесть ног.

Одну за другой он начал открывать застежки своего шлема.

— Нет! Слушай меня! Если ты снимешь шлем, *умрешь*. Не делай этого! Ради Бога, остановись!

Последняя застежка. Тугая, но он решительно потянул ее.

— Ты убиваешь себя! *Остановись! Пожалуйста. Остановись! Ты, чертов тупой ниггер!* Остановись...

Томас улыбнулся, испытывая в этот момент, как ни странно, большую симпатию к командиру, чем когда бы то ни было.

— Слишком поздно, — бодро сказал Томас.

Он повернул шлем на четверть оборота и снял его с головы.

Когда замигал третий красный огонек, командир Риденбоу лег на пульт и разрыдался. Он плакал открыто и громко, поскольку они были хорошими парнями, а он потерял их всех, даже Томаса, лучшего и самого надежного из них. Он не смог спасти даже самого паршивого из них!

В конце концов он сумел собраться. Он заставил себя снова посмотреть на монитор, на котором виднелись три тела в скафандрах, безжизненно распростертые на красном песке.

Сложив руки и склонив голову, он помолился за души погибших товарищей.

Сложив руки и склонив голову, он помолился за души погибших товарищей. Затем отключил монитор.

Пора подумать о планах. Поскольку "Плоушер" на обратном пути будет загружен куда меньше, чем предполагалось, у него достаточно топлива, чтобы вылететь немного раньше, чем он хотел, а он хотел улететь. Он начал загружать компьютер цифрами, горько улыбаясь иронии судьбы. Вчера он сожалел, что у них осталось так мало времени на орбите Марса. А теперь вдруг он заторопился домой... но, сколько углов он ни срежет, ему предстоит провести в полете несколько долгих, выматывающих месяцев — причем по возвращении его, вполне возможно, ожидает трибунал.

На мгновение даже командиру изменило мужество при мысли об ужасе обратного полета. Но он вскоре смог снова взять себя в руки. Что верно, то верно, путешествие будет тяжелым и неприятным, но решительный человек всегда найдет возможность сделать то, что необходимо.

Даже если придется делать это одному.

Когда включился плазменный двигатель "Плоушера", он загорелся на марсианском небе дневной звездой. Это напоминало обратную съемку падения метеора: сначала наибольшая яркость, а затем он стремительно тускнеет и удаляется.

Томас видел старт. Он стоял, опершись на самодельное копье из огненного дерева с обожженным концом, и наблюдал, как Джонбой готовится снять шкуру с мертвого гиено-леопарда, когда случайно посмотрел вверх.

— Гляди-ка, — сказал он.

Джонбой проследил за направлением взгляда Томаса и увидел то же самое. Он саркастически усмехнулся, поднял обмякшую лапу зверя и изобразил ею прощальный жест.

— Бывай, Ахав, — произнес Джонбой. — Удачи.

Он вновь принялся сдирать шкуру. Гиено-леопард — чуть больше рыси, шестиногий, саблезубый, поросший грязно-пурпурной шерстью с ржаво-оранжевыми пятнами — напал на них неожиданно и бился яростно; потребовались усилия всех троих, чтобы его убить.

Вуди взглянул вверх с того места, где он кусками проволоки из посадочного модуля вязал самодельный плот из огненного дерева.

— Уверен, у него получится, — тихо сказал Вуди.

Томас вздохнул.

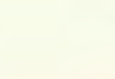
— Да, — откликнулся он, и тут же добавил гораздо живее:

— Давай-ка, помогу с плотом. Если мы его закончим, к утру сможем отплыть.

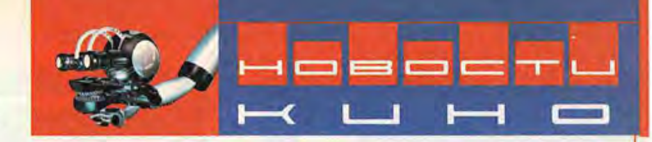
Прошлой ночью, взобравшись на самый высокий из пологих холмов на севере, они увидели огни далекого города, переливавшегося серебристыми, желтыми и оранжевыми огнями на горизонте, отбрасывавшего отсвет далеко по полночному мраку простора мертвого моря, подобно изысканному и затейливому ювелирному украшению, помещенному на фоне черного бархата.

Томас еще сомневался, надеется ли он увидеть там изысканных красных людей, гигантских четырехруких зеленых тарков и прекрасных марсианских принцесс...

Перевод: Владимир Малахов

К 3028 году человечество давно уже вышло в космос и повидало немало представителей других цивилизаций. Технический прогресс землян достиг апогея в виде проекта «Титан»: космического суперкорабля, собравшего на своем борту самые последние достижения цивилизации. Но тут кайф обломали злобные инопланетяне - дреи, у которых, похоже, оказалась на землян устойчивая аллергия. По этому поводу дреи на землян наехали. Наехали профессионально, с мощными передовыми технологиями. В процессе наезда Земля была уничтожена начисто, навсегда исчезнув в красивом душераздирающем взрыве, а немногие уцелевшие люди разбежались по другим планетам и космическим станциям...

TITAN A.E.

Студия: **20th Century Fox**
Режиссер: **Дон Блат**
Премьера: **16 июня 2000**
На видео: **с 10 ноября 2000**

15 лет спустя космический волк Корсо находит молодого пройдоху Кейла, сына главного конструктора «Титана», и делится с ним страшной тайной, что отец Кейла все же успел вывести «Титан» с Земли перед ее уничтожением и спрятать его. Пришло время найти и вернуть суперкорабль. Ходят слухи, что с помощью «Титана» можно снова вернуть человечеству его планету...

Полнометражные анимационные фильмы уже давно занимают свое почетное место на общем фоне кинофантастики. Особо тут конечно отличились японцы, вознеся свой стиль мультипликации в отдельный раздел со своим названием. Но и Голливуд не хочет отставать, регулярно выпуская фантастические полнометражки («Трансформеры: Кино» или недавний «Стальной Гигант»). В этом году Голливуд выдал «Titan A.E.»: «Титан. После гибели Земли» A.E. - это типа новая эра. Раньше эра считалась «От рождества Христова» («A.D». - «Anno Domini»/лат./), а авторы фильма придумали новую летоисчислялку: «После гибели Земли» («A.E.» - «After Earth») Режиссером фильма выступил Дон Блат, человек, чье имя в анимационном искусстве давно и широко известно. В 1996 году студия 20th Century Fox создала свое «анимационное подразделение», где Блат занимает почетное место ведущего режиссера. Ему принадлежат такие шедевры, как «Американский Хвост», «Все собаки попадают в рай» и «Анастасия». Можно сказать, что Блат стоит в первом ряду режиссеров, являющихся прямыми, но еще не очень сильными, конкурентами студии Диснея, которая пока безраздельно царит в жанре анимационных полнометражных мультфильмов. Кстати, ее последний продукт - «Динозавр» - уже и мультфильмом назвать язык не поворачивается, настолько по-другому выглядит компьютерная графика. Пожалуй, пора открывать новый жанр «3D компьютерных мультфильмов». К слову, «Титан», хоть в нем и применены передовые спецэффекты, сочетающие двухмерные рисованные объекты с трехмерными, все же, по большому счету, остается старым добрым мультфильмом. «Титан A.E.» - красиво сделанная, грандиозная космическая одиссея - поражает своей масштабностью. Фильм оценили зрители, восторженно улюлюкающие в зале во время всеуносящего взрыва Земли или гонок с преследованием среди ледяных скал. Его заметили также и критики, обратив, правда, внимание на то, что «взрывы имеют большую индивидуальность, нежели персонажи». Впрочем, исходя из вариации старого анекдота: «если кинокритик говорит «нет», это означает «да»», можно с уверенностью сказать, что обычным людям фильм придется по душе. Кстати, «Титан A.E.» является первым в своем роде кинофильмом, копия которого была оцифрована и передана на тестовый просмотр через средства Интернет. Если дело и дальше пойдет таким образом, у наших видеопиратов появится новая возможность стащить фильм раньше, чем он выйдет на экраны. Надо будет только подбить хакеров на перехват цифровых пакетов с сервера студии, и новый фильм уже в кармане! :)

ИКС-МЕН (ЛЮДИ X, X-MEN)

В логичность сюжета лучше не вдумываться, потому что фильм снят по одноименной серии комиксов, безгранично популярных в Забугорье, и, естественно, не шибко известных у нас. Подразумевается, что зрители уже хотя бы отдаленно догадываются, что за «Люди X такие», откуда они взялись и что им надобно. А если не знают, то я поясню: начали на Земле, вследствие плохой заботы о природе, мутанты разные появляться. Отличает их от обычных людей то, что они какими-нибудь парапсихологическими способностями наделены: кто молнии метает глазами, кто мысли чужие почитывает, кто - еще чего. Разбились они на две шайки, выбрали себе лидеров, и воюют друг с другом, дабы не скучно было. Вот про них-то речь и идет. Самыми зрелищными и поэтому самыми ценными моментами фильма являются сцены разборок хороших мутантов с плохими на фоне людных мест нью-йоркского мегаполиса, которые насыщены крутейшими визуальными эффектами и хорошими драками. Ну а что нам еще надо?!

Официальный сайт: http://www.x-men-the-movie.com/

НЕВИДИМКА (ПОЛЫЙ ЧЕЛОВЕК, HOLLOW MAN)

Секретная правительственная лаборатория после удачно проведенного на животных эксперимента по невидимости готова на следующий шаг. Но ее начальник не хочет ждать. Солгав коллегам о том, что он уже получил разрешение, он предлагает себя в качестве подопытного кролика. Эксперимент проходит удачно, но сделать опять видимым его не удается. Подозревая заговор коллег, он начинает вымещать зло сначала на них, а потом и вовсе вырывается на свободу... Master Верховен веников не вяжет! Каждый его фильм - своего рода шедевр. После «Звездного десанта» он три года не выдавал ничего, и вот, оказывается, почему: создавал римейк уэлсовской классики, набитый спецэффектами по самые титры. Кроме всего прочего, фильм еще порадует своей динамикой и возможностью практического изучения того, как любая власть развращает.

Официальный сайт: http://www.spe.sony.com/movies/hollowman/

ИЭН УОТСОН

РЕК НА КАН

РЕКЛАМА, КОНЕЧНО, ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА. НО КАК ОНА ДОСТАЛА, СОГЛАСИСЬ... И В ЖУРНАЛАХ, И НА УЛИЦЕ, И НА ТВ. А УЖ ЕСЛИ РЕКЛАМНЫЕ РОЛИКИ НАЧИНАЮТ ВСТАВЛЯТЬ ПРЯМО В ТВОИ СНЫ, ТУТ УЖ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НА ПОТОЛОК ПОЛЕЗЕШЬ...

ФАНТОМ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ: ШЕЛЕСТ

С КАКИХ ЭТО ПОР СНЫ ПРЕРЫВАЮТСЯ РЕКЛАМНЫМИ ПАУЗАМИ?

Я всегда считал себя большим любителем снов, но даже я изумился, когда мои сны прервались для рекламы. Я взбирался по веревочной лестнице вдоль стены маяка, чтобы успеть на дирижабль, отправлявшийся с верхней площадки - все это, конечно, было во сне - когда картинка вдруг расплылась, и вокруг меня под веселенькую музыку, в основном под ударные, заплясали банки с едой.

На этикетках изображался какой-то специфический то ли фрукт, то ли овощ, который я поначалу принял за кукурузу, но потом решил, что это больше напоминает волосатые бананы; мгновение спустя крышки банок сами собой открылись, и их содержимое, дымясь, опрокинулось на парящие в воздухе тарелки - так что, это, должно быть, были какие-то саморазогревающиеся банки, но вот только пока еще никто не выбрасывал саморазогревающиеся банки на рынок. Очищенные от волосатой желтой кожуры, эти "фрукты" больше напоминали сосиски.

Хор бестелесных голосов радостно запел: *"Открой банку каллопии!"* И я снова оказался на веревочной лестнице. Сон продолжался...

— Ты когда-нибудь слышала о тропическом фрукте, который называется "каллопия"? - спросил я у Филлис, когда на следующее утро пришел в школу. Филлис преподает географию.

- Любые импортные товары можно найти в торговом центре "Третий мир", — ответила она. — Окра, ямс, плоды хлебного дерева. Возможно, ты и это там разыщешь, что бы это ни было.

— Но ты о таком когда-нибудь слышала?

— Нет, — призналась она. — А они какие? Откуда?

Ну, уж не из "Третьего мира", подумал я, а всего лишь из мира моих снов. Но с каких это пор сны прерываются рекламными паузами?

Я задумался об этом. Так случилось, что на прошлой неделе коммерческие телесети отключились из-за забастовок; и хотя я едва ли считал себя телеманом настолько, чтобы мучиться симптомами воздержания, возможно, *я был им,* не подозревая об этом. Разве наше сознание не сформировано рекламой в большей или меньшей степени? Разве можно отрицать тот прискорбный факт, что рекламные ролики часто сделаны лучше, чем сами программы? Следовательно, мое подсознание взяло на себя обязанность предложить замену...

Надо признать, что гипотеза была весьма умозрительной, но она наводила на мысль, что если у меня, довольно разборчивого телезрителя, во время снов появляются галлюцинации в виде рекламы, то насколько сильнее это проявляется у школьников (которые все, как один, телеманы)?

В тот день моим вторым уроком были "Текущие события", и поэтому я решил, что мы должны обсудить роль средств массовой информации. Как знать, может, я первым из взрослых заметил это необычное явление — рекламные сны?

Через какое-то время я спросил у класса:

— Видел ли кто-нибудь из вас *сны* о телевидении? Например, прошлой ночью? Подумайте!

Увы, никто ничего не вспомнил. Тем не менее, ничего необычного в этом не было. Поэтому я дал классу простое задание: держать рядом с кроватью карандаш и бумагу и записать первую же мысль, что придет в голову после пробуждения. Поскольку это безотказный способ вспоминать сны. Какой бы нелепой или случайной и в высшей степени незапоминающейся ни казалась эта первая мысль, все-таки попытайтесь поймать ее и удержать, и, подобно гирлянде шелковых шарфов, извлекаемых из рукава мастерством иллюзиониста, сны, следуя друг за другом, изольются из беспамятства на свет дня.

КУЗЕЛИ ИЛИ КАЛЛОПИИ? ТЕХ, КОМУ ЭТО СНИТСЯ, ПРОШУ ОТВЕТИТЬ ЧЕРЕЗ ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК 17. КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ГАРАНТИРУЕТСЯ

В ту ночь мои сны снова прервались. Когда я лежал в постели своей холостяцкой квартирки, наслаждаясь какой-то по-византийски изощренной шпионской историей, придуманной моим подсознанием, неожиданно появился рекламный ролик *кузелей* — которые, очевидно, являлись дивной на вкус хрустящей закуской.

Наутро я должен был вести в том же классе занятие по истории Французской революции, но сначала проверил задание.

Примерно половина класса сделала то, о чем я просил, возможно, из-за ощущения новизны, и тогда я поинтересовался:

— А видел ли кто-нибудь из вас сон, прерываемый какой-нибудь рекламой — вроде рекламного ролика по телевидению?

И красавица группы, соблазнительная пятнадцатилетняя Митци Хейс, подняла руку. Одна-единственная.

— Какой-то голос пытался продать мне что-то хрустящее и вкусное.

— Как это называлось, Митци?

— Лапша.

Наступило всеобщее веселье: все остальные думали, что она меня разыгрывает.

— Подумай, Митци.

— Нет, кузель: вот что это было!

— Кто-нибудь еще?

— Больше никто.

И я быстро переключился на рассказ о Робеспьере, решив обойти подстерегающую учителя ловушку: пригласить после занятий юную Митци в кафе, чтобы обсудить особенности ее поведения во сне...

Вместо этого я поместил в местной газете небольшое объявление: *"Кузели или каллопии? Тех, кому это снится, прошу ответить через почтовый ящик 17. Конфиденциальность гарантируется"*.

Для верности, забравшись в свой карман поглубже, я разместил такие же небольшие объявления в четырех общенациональных газетах.

В течение недели мне ответили одиннадцать человек. Примечательно, что большинство из них были из самого Эпплби и никто не жил от городка дальше двадцати миль.

Итак, в количестве двенадцати человек — Митци я благоразумно исключил — однажды вечером на следующей неделе мы собрались у меня на квартире.

Среди нас были: дантист-пенсионер, торговец антикварными книгами, парикмахерша, мясник, повар закусочной, продавщица, секретарь, безработный сантехник, автомеханик, дама-медиум среднего возраста, почтальон и учитель (я сам). Мы учредили "Круглый стол канала снов" под моим председательством и попытались найти объяснение происходящему и выяснить, кому жаловаться.

Макс Эдмундс был нашим дантистом, и, по его мнению, некая научно-исследовательская лаборатория получила большие средства от одного из рекламных агентств, чтобы соорудить в нашем очень среднем — и потому идеальном для этих целей — городке Эпплби прототип передатчика снов, который мог бы подключаться к волнам, излучаемым мозгом спящих людей, и делать вставки. Он указал на ограниченный радиус полученных мною ответов как на подтверждение местного происхождения источника. В настоящее время, (уверял он), в качестве испытания транслируется лишь имитация рекламы воображаемых продуктов, но вскоре это станет делом реальным — и опасно агрессивным.

Кстати, до этого времени в наших ночных фантазиях перед нами прошло еще с полдюжины продуктов, не считая повторов *каллопии* и *кузелей*, и были это продукты экзотические и невероятные, такие как *калакико*, порошок, который, если им посыпать кусок хлеба, быстро прорастал ароматными коричневыми грибами; *хумбиш*, маслянистая жидкость, превращавшая пинту воды в омара в желе и *ампетуза*, игристое золотистое вино в самоохлаждающихся сосудах... Но стоит ли продолжать? Споры насчет телевидения к тому времени уже закончились; насчет рекламы во сне — еще нет.

Мэри Галлахер, наш медиум, поначалу придерживалась мнения о том, что рекламные ролики были посланиями озорных духов "с другой стороны". Но когда Элси Левин, наш повар из нового "Мак-Дональдса", предположила: "Может, это на *самом деле* и не реклама? Может, это дело рук правительства? Может, это эксперимент по контролю над разумом!", Мэри подлила масла в огонь, сказав: "А, может, *один из нас*, на самом деле — *один из них*? Если этим занимаются люди, а не духи, то тогда, мистер Пек, они так же, как и мы, могли прочитать ваши объявления".

После этого мы битых полчаса пытались доказать друг другу свою добропорядочность, и в конце концов обратно в колею нас вернула Гленда Скотт, наша парикмахерша.

— Может, и нет никакого передатчика снов, — сказала она. — Даже не в Эпплби, а в нашем мире. А что если вместе с нашим существует другой мир — тот, в котором люди действительно питаются такими вещами? Что если они умеют транслировать сны в качестве развлечения — с рекламными вставками на разных каналах снов? А мы каким-то образом на них настроились. Один наш фен перехватывал пейджинговые сообщения из больницы. "Доктор Мухаммед, в реанимацию!"

Макс Эдмундс кивнул.

— Зубная пломба иногда принимает радиопередачи.

Гленда просияла при этом подтверждении ее слов.

— Значит, мы перехватываем трансляцию снов из другого мира. Но не вашего другого мира, — добавила она специально для Мэри.

— Так где же он? — спросил Том Пимм, наш мясник. — Я его не вижу.

— Конечно, не видите. А как же иначе? Вы бодрствуете и находитесь в своем мире.

Макс щелкнул пальцами.

— Ага, может, в этом как раз что-то есть! Известно, что если человека заставить бодрствовать достаточно долго, у него начинаются галлюцинации. Люди должны видеть сны, а если не имеют возможности для этого спать, то начинают видеть их в состоянии бодрствования. Я бы предложил кому-нибудь из нас добровольно согласиться не поспать несколько дней — а остальные будут дежурить по графику, чтобы *поддерживать* его в таком состоянии. Тогда посмотрим, что получится.

Джон Рис Джонс, наш безработный сантехник, поднял руку.

— Пожалуй, добровольцем лучше быть мне. Все равно нечего делать. Да и жена уехала к матери.

— Ваше слово, Брайан, — обратился ко мне Макс как к председателю. — Для начала нам нужен всего один дежурный, но через несколько дней лучше пусть дежурит уже не один.

Я поставил предложение на голосование, но все уже были согласны, и я тут же, на месте составил график дежурств.

— Комната плывет, — промямлил Джон пять дней спустя, когда Гленда и Рог (наш почтальон) водили его по гостиной его дома. — Не могу стоять.

Тогда они подвели его к дивану, где Макс проверил у него пульс; затем рядом с ним села Гленда, напоминавшая очаровательного следователя: время от времени она отвешивала ему пощечины, чередуя это щипками и потряхиванием.

Это происходило поздним субботним вечером. Кроме Гленды, Рога и Макса, там находился я, а также Мэри Галлахер и Том Пимм. По ковру были разбросаны банки из-под пива, хотя нашему добровольцу мы не позволяли потреблять алкоголь, чтобы он не вырубил-

ся. Работал телевизор, а по радио на кухне играла эстрадная музыка. Все, чтобы нас ободрить. В двенадцать часов должна была появиться ночная смена.

И всю эту неделю нас продолжали одолевать рекламные ролики во снах — всех, кроме Джона — самым последним были настойчивые требования пользоваться склешем, кувшином с фиолетовой пастой, которую надо было размазывать по каллопиям в качестве приправы.

Это случилось в половине двенадцатого.

Вдруг засветилась часть потолка — и словно открылся рог изобилия. Словно игральный автомат, на котором выпал джекпот, решил рассчитаться настоящими фруктами. Из ниоткуда посыпались банки, жестянки, кувшинчики, флакончики. Что-то попало Мэри по ноге, и она взвизгнула. Мы все на какое-то время прижались к стенам, подтащив к себе и Джона.

На деле дождь продуктов изливался меньше минуты, но к тому времени в центре комнаты было по щиколотку каллопий и склеша, калакико и хумбиша — всего этого хватило бы наполнить полдюжины больших корзин. Как только поток иссяк, Макс бросился вперед, схватил банку каллопий и открыл ее. Тут же, слегка вскрикнув, он снова поставил ее на пол и подул на пальцы. Затем он поспешил на кухню и вернулся с тарелками и вилками. Вскоре мы все закусывали шипящими сосискообразными фруктами — все, кроме бедолаги Джона, который доковылял до своего дивана и

ли измученными и измотанными, когда весь наш Круглый стол канала снов к концу четвертой недели собрался для инвентаризации. Кроме того, назревало несколько семейных кризисов из-за того времени, на которое члены Круглого стола таинственным образом исчезали из дому. Но рекламные ролики во сне продолжались, маня нас еще более сказочными наслаждениями.

Мэри подавила зевок.

— Должен же быть способ получше! Я уже себя не чую от этих дежурств.

— Но как еще мы можем сделать, чтобы все это материализовалось? — поинтересовался Рог.

Мэри обвела взглядом наш кружок; большинство из нас сидели на полу.

— Нас двенадцать, — задумчиво заметила она. — Вот если бы нас было тринадцать.

— Несчастливое число, — возразила Элси.

— Почему тринадцать? — спросил Том.

— Число ведьм на шабаше, — сказал Дон Туэйт. — Ведь вы к этому клоните?

Он тонко усмехнулся.

— Но я, к сожалению, не ведьма.

— А я ведьма, что ли! — вознегодовала Мэри. — Медиум — это вам не ведьма.

— А могла бы ею стать, — заметил Макс. — В Средние века.

— Что до меня, — сказал Дон, — медиум вообще ни-

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В ПОЛОВИНЕ ДВЕНАДЦАТОГО. ВДРУГ ЗАСВЕТИЛАСЬ ЧАСТЬ ПОТОЛКА - И СЛОВНО ОТКРЫЛСЯ РОГ ИЗОБИЛИЯ.

крепко уснул. Бог ты мой, каллопии и сами по себе были довольно вкусными, но намазанные склешем они были просто наслаждением.

— Надо отдать им должное, — признал Том Пимм, облизывая пальцы. — Первый класс. Лучше любых сосисок, что я делал.

А Гленда подмигнула Мэри.

— Наша первая посылка из другого мира, да?

И только тогда в дверь позвонили. Прибыла ночная смена, как раз, чтобы присоединиться к застолью. Но и потом еще много осталось.

Дежурства, впрочем, отнимали немало времени, и лишь немногие из нас могли потратить на добровольную бессонницу несколько дней подряд. Следующим был книготорговец Дон Туэйт; потом — Гленда, взявшая в своем салоне недельный отпуск; затем — Мэри Галлахер. К тому времени немалый запас продуктов уже скопился у меня на квартире, куда мы решили свозить все, а все последующие "волны" поставить под мой строгий учет. Но все мы бы-

го не значит. Мэри явно не наколдовала эти продукты, и состоят они вовсе не из эманации. Сомневаюсь, что они появились из сказочной страны... *или* из Преисподней.

— Я хочу сказать лишь то, — заговорила Мэри, — что мы уже опробовали одну необычную идею — предложение мистера Эдмундса, — и она сработала. Но это не значит, что это единственный или лучший способ. Должно быть нечто, связанное с числом "тринадцать".

Немного поколебавшись, я признался:

— Собственно говоря, нас и *есть* тринадцать. У меня в школе есть одна девушка, которая тоже принимает рекламу.

— Так почему же вы раньше не сказали? — возмутился Том Пимм. — Бог ты мой, если б только был способ попроще все это получать!

— Мне казалось, она слишком молода, чтобы ее привлекать.

— А сколько ей?

— Пятнадцать.

— Как раз тот возраст, — глубокомысленно заметил Дон Туэйт, — когда, как считается, дети способны производить

эффект полтергейста. Благодаря всем тяготам созревания и разогреву вулкана сексуальности...

— Пожалуй, вам лучше привлечь ее сейчас, — заявил Том.

— И это наше общее мнение, — кивнул Рог, у которого были темные круги под глазами.

— Но я не могу! Я ее учитель. Как можно приглашать ученицу на собрание, похожее на шабаш?

— Очень просто, — сказала Гленда, поигрывая кувшинчиком со склешем. — Ей это польстит.

— Отказываюсь. Слишком рискованно.

Однако, Круглый стол преодолел мой отказ голосованием.

— Это Митци, — сказал я, в следующую субботу введя ее в мою заполненную народом квартиру.

Я старался пригласить ее как можно ненавязчивей, одновременно попросив никому ничего не говорить, и подчеркнул, что речь идет о встрече с моими друзьями, которых интересуют ее сны. Но Митци появилась у моей двери в коротенькой юбчонке, просвечивающей блузке, с забранными в игривый хвостик волосами и чуть-чуть надушенной.

Даже если она и испытала разочарование при виде Круглого стола в полном составе, от него не осталось и следа, как только она попробовала каллопии со склешем и похрустела кузелями — а я в это время объяснял ей, что происходило последние несколько недель.

— И что мне делать? — спросила она, стоя посреди комнаты.

— Кажется, это то, что нужно, — заметила Мэри. — По-моему, нам надо взяться за руки и закрыть глаза.

— Если она должна быть чем-то вроде ведьмы-девственницы, — сказал Рог, с надеждой разглядывая Митци, — то тогда нам, наверное, нужен алтарь — пойдет и стол, — а еще подсвечники и курица. А раздеваться ей разве не надо?

— И так сойдет, — сурово отрезал я. — Опробуем предложение Мэри. И все будем петь "Открой банку каллопии" и прочие песни.

Вскоре мы, ощущая себя несколько нелепо, словно вернулись к детским играм, шаркали хороводом, распевая рекламные куплеты. Вряд ли это напоминало шабаш чародеев-грабителей. Но прошло немного времени, и нам стало казаться, что нас охватывает нечто дикарское и первобытное, смывая остатки смущения, и мы действительно начали проникаться духом всего происходящего...

И засветилась часть потолка.

Однако оттуда не излились ни каллопии, ни кузели.

Вместо этого опустился предмет, который я могу назвать лишь "лестницей из света". Ее поручни и перекладины были флюоресцирующими трубками, но без стекла.

— Ой, — выдохнула Элси Левин. — Ой.

Мгновение казалось, что лучше из нас никто не скажет, но потом подала голос Мэри:

— Ступенек *тринадцать*, считайте.

Так мы и сделали: она была права.

— Так что ж это такое, лестница Иакова? — удивленно спросил Джон Рис Джонс.

— Что-то ангелов не видать, — заметил Дон Туэйт.

— Раз уж сверху ничего не спускается, может, тогда кто-то из нас залезет наверх и посмотрит? — предложил Томм Пимм.

Все взгляды устремились на него. Но он уклончиво заерзал.

— Ну, я вроде как чуток тяжеловат. Для меня хлипковато выглядит. — Он профессиональным взглядом взвесил Митци. — Девушка легче всех.

— Ведь это *моя* лестница, верно? — сказала Митци и, не обращая внимания на возможный ожог или удар током, она ухватилась за перекладину и быстро вскарабкалась наверх, остановившись лишь раз, чтобы разгладить юбку, прикрывавшую не слишком много, и растворилась в свечении.

Минуту спустя она высунула руку, чтобы опереться, и показалось ее лицо. Она разглядывала нас вверх ногами.

— Эй, тут нас ждет настоящий пир! Давайте все сюда!

А среди прочих были: Омар Шариф, Грета Гарбо, София Лорен...

Она снова исчезла из виду.

— Не знаю, как насчет *всех*, — призадумался Джон Рис Джонс. — Понимаете, я читал одну книгу о загадочных исчезновениях... Пожалуй, кому-то из нас следует остаться внизу. Если Том волнуется из-за своего веса...

Однако, у Тома на лице появилось голодное выражение. В конце концов внизу остались наша продавщица Сандра — застенчивое существо — и механик Боб.

Как председатель, первым за Митци последовал я. Мгновение спустя я уже вылезал из такого же свечения в полу простого открытого сооружения: расположенные по кругу белые колонны, на которые опирался купол. Ступени вели на лужайку, а в нескольких сотнях ярдов виднелся лесок. Струи воды били из двойных фонтанов и падали обратно, в алебастровые резервуары. Птичье пение наполняло воздух, хотя я не заметил никаких птиц. А вот что я увидел, так это кружащийся вихрем калейдоскоп многоцветья между фонтанами. Поначалу я принял это за обычную радугу среди водяной пыли, поскольку ярко светило солнце, но этот калейдоскоп был слишком беспокоен и подвижен. В воздухе разносился аромат лилий и жимолости, хотя и цветов я тоже не заметил, лишь аккуратную лужайку.

Иные соблазнительные запахи исходили от длинного стола под открытым небом, заставленного изысканными блюдами, которые Митци уже пробовала.

Как вскоре и мы все.

— Но где мы? — поинтересовалась Гленда, поклевывая вафлю, намазанную хумбишем.

Том Пимм величаво взмахнул открытой бутылкой ампетузы, собираясь, по-видимому, поделиться своим мнением, как вдруг по поляне разнесся колокольный звон. Примерно в сотне ярдов от нас воздух начал светиться, и откуда ни возьмись, подобно проявляющемуся снимку на "Полароиде", материализовалось подобие дворца Алладина — неч-

то среднее между Тадж-Махалом и китайской пагодой. Оттуда высыпала группа босых людей в скудных туниках, которые радостно направились в сторону нашей ротонды, где их ожидал пир. Заметив нас, они остановились вразброд.

Лишь один мужчина и одна молодая женщина продолжали движение. Она представляла собой образ молодой Брижит Бардо, он же был Кэри Грантом средних лет.

А среди прочих были: Омар Шариф, Грета Гарбо, София Лорен — все в своем самом лучшем виде... Я остановился.

— Ни фига себе! — воскликнула Митци. Она была единственной среди нас, одетой вроде них. Должно быть, именно поэтому Бардо поначалу обратилась к ней.

— Как сюда попали?

— Мы забрались по этой лестнице из квартиры мистера Пека... — начала Митци.

— Квартиры?

— Неподвижные жилища в кучах, — пояснил Кэри Грант. — Двадцатый, двадцать первый. Любимая эпоха. Доисторическое время. Самое причудливое.

— На потолке было свечение. И там оно тоже есть.

Митци показала на ротонду.

Бардо отбежала в сторону и поднялась по ступеням. Тем временем я начал рассказывать Кэри Гранту про наши сны с каллопиями и кузелями, но Бардо вернулась до окончания моего рассказа.

— Правда. Заглянула вниз. Сюрприз для двоих внизу.

— Вы что, так и говорите, как в кроссвордах пишут? — пробурчал Дон Туэйт.

— Кроссвордах? — Бардо имела слегка озадаченный вид. — Нет, нет сердиться. Выявлен слабый психофизический участок. Возможно, избыточная деформация реальности?

Кэри Грант слегка пихнул ее локтем.

— Путешественники во времени соблазниться Пищей снов. Большое одобрение!

— Не знаю, сплю я или нет, — заметила Митци.

Кэри Грант коснулся ладонью ее лба, как бы проверяя, нет ли у нее температуры.

— Уровень фрустрации — семь, — сообщил он Бардо. — Уровень желания — двенадцать! Уровень фантазии — десять.

— Дыра во времени, — сказала Бардо. — Хлопотно.

— Чепуха. Безвредно. Представить сбор больших человеческих существ до Сновидений. Из эры сна и твердой реальности. Спиршек, например. "Воображение воплощает очертания неведомых вещей, придает им форму, дает эфирному небытию местное прибежище", верно? Потом память стереть. Безопасно.

— Напоминать тебе: нельзя стирать подсознательную память. Кроме того, гораздо вероятней собрать черных сновидцев, а не белых. Колдуны, ведьмы, нечисть. Вспомни: число тринадцать.

— Так какое отношение число тринадцать *имеет* ко всему этому? — перебил я их.

— Просто, — ответила Бардо. — Тринадцатигранные резонансные кристаллы имплантированы сюда, — она коснулась своего лба. — Помогать нам выкачивать Сила. Из Потока Реальности. Энергия — в материю; материя — в энергию. Вся вселенная в любой момент колебаться в реальность и из реальность, как будто все — лишь сон космического разума. Так что лови это на лету; меняй частицы, если хочешь. Меняй свою форму. Готовь пищу снов, словно иначе не может быть. Все это дело, конечно, в высшей степени коммерческое. Большой компьютерный мозг координирует все разумы через кристаллы. Модели сновидений запатентованы и лицензированы. Иначе анархия.

— Вы хотите сказать, что можете менять реальность по своему желанию? Можете делать реальными воображаемые вещи?

Бардо кивнула.

— Весь мир — сновидение. Поэтому наука об этом...

И она объясняла, но я не мог понять ни слова из ее объяснений. Она просто перешла к экономической стороне дела — силы ментального рынка, психофизические поставки и потребности, — и тогда Кэри Грант сжалился. Он хлопнул меня по плечу.

— Есть, пить, веселиться.

Он помахал остальным, превратившимся в кинозвезд нашей эры.

— Минутку, — сказал Макс Эдмундс. — Если это мир снов, ставший реальностью, тогда как мир выглядит в *реальности*?

— Внизу? Под слоями сновидений? Как спрессованные геологические слои? — Кэри Грант пожал плечами. — Кто знает? Возможно, окаменелость. Мертвый камень.

Но Гарбо с компанией уже устремились к накрытому столу, увлекая нас за собой.

Том Пимм похлопал себя по животу.

— Больше не лезет, — объявил он захмелевшим голосом.

— Тогда время для афро, — сказала Бардо.

— Афра? Да я больше ни крошки не смогу впихнуть.

— *Афро*. Афродизиак.

Она просвистела несколько нот, и из круговерти калейдоскопа между фонтанов заклубились облака пьянящего пара.

Я должен набросить покров скромности на то, что происходило на лужайке потом. Достаточно сказать, что мы были совершенно измотаны к тому времени, когда люди из будущего проводили нас обратно в ротонду, к свечению.

Проводили? Чуть ли не *отконвоировали*.

— Какой, кстати, сейчас век? — хотел спросить Макс Эдмундс, когда нас спихивали вниз, в дыру, но Бардо лишь похлопала его по голове и столкнула вниз, с глаз долой.

Том Пимм облизал губы.

— Вы всегда так заканчиваете трапезу? — спросил он.

Бардо подмигнула, и он тоже отправился вниз.

Следующей была Митци, но Кэри Грант сначала потрогал ей лоб.

— Уровень фрустрации — ноль. Уровень желания — один, — сообщил он Бардо.

Она рассмеялась.

— Лучше спускаться последней. Дыра может закрыться раньше.

Одного за другим нас торопливо пропихивали сквозь свечение. Внизу, в моей квартире, выяснилось, что Боб и застенчивая Сандра торопливо и несколько смущенно натягивают на себя одежду, повернувшись к нам спиной. Должно быть, возбуждающий газ проник и сюда...

Последней появилась Митци. Как только она ступила на ковер, лестница начала таять, а потолок потемнел. Вскоре вверху осталась лишь крашеная штукатурка.

Том Пимм потер руки.

— Отлично! Ну что, все собираемся в следующую субботу?

Но на следующей неделе мне не снилось ничего примечательного, и в субботу я выяснил, что с остальными было то же самое.

Мы все, тринадцать собравшихся, все-таки взялись за руки, водили хоровод по комнате и пели рекламные куплеты. Еда не посыпалась. Лестница не спустилась. В конце концов мы остановились.

— Это Митци виновата, — объявила Мэри Галлахер. — Ей надо было сохранить чистоту. Остаться девственной. Как это говорил мистер Эдмундс некоторое время тому назад... Как это ее там назвали? Сексус, вроде?

— Нексус. Связующая сила, — авторитетно кивнул Макс Эдмундс. — Все дело в подростковом либидо и психической энергии. Она была паранормальным каналом в наши сновидения, в Мир сновидений будущего. Она была вулканом сексуальности, а теперь она — отработанный пар.

— А *это* чья вина? — Том осуждающе уставился на меня. — Я видел вас вместе с ней после еды.

Я защищался. Горячо. Не в последнюю очередь потому, что прошла неделя, и нормы поведения снова вступили в свои права.

— Меня не в чем винить! Это Бардо специально устроила — устранить слабое звено!

— И теперь нам больше никогда не удастся так поесть. И все из-за вас. Больше никто из нас не трогал Митци.

Том пылал благородным негодованием.

— Вы были слишком заняты с Гретой Гарбо, — заметил я.

Но, похоже, мои позиции были слабыми. Поскольку обвинительной речью разразилась Гленда.

— Что бы это значило: "уровень желания — двенадцать" до того и "уровень желания — один" после? Как же вы все испортили. Но чего можно ждать от закоренелого холостяка? Как бы вы всю жизнь бедной девочке не поломали.

Я повернулся к Митци, но она смотрела в окно. Мне хотелось спросить, почему на ней бесформенный свитер и старые джинсы, но сейчас это явно было совершенно некстати.

— Лучше поделить, что есть, — сказал Том, словно председателем был он, и никто не возражал. Тогда он направился к моей кладовке, чтобы ее обшарить.

— Может, испробуем другой подход? — предложил я.

Джон Рис Джонс посмотрел на меня честным взглядом.

— Все кончено, малыш. Разве сам не видишь?

На "малыша" я особенно обиделся.

Но не все было кончено. Два месяца спустя Митци обнаружила, что беременна. Мне она, впрочем, не сказала. Я об этом узнал, когда ко мне заявились двое полицейских. Потому что Митци, была, естественно, несовершеннолетней с точки зрения сексуальных отношений. С ее стороны даже был легкий намек на то, что это случилось против ее воли. Попахивает скорее изнасилованием, чем соблазнением. Но мне кажется, что полиция просто хотела добиться от меня более серьезного признания, чтобы улучшить свою статистику.

Конечно, я объяснил, какие события привели нас к столь нежелательному исходу, и назвал полицейским имена Гленды, Дона, Макса и прочих, чтобы они подтвердили сказанное. Увы, к тому моменту у меня уже не осталось еды из сновидений, а пустую тару я выбросил. Но я заверил полицейских, что банки, тюбики и бутылочки можно откопать на мусорке за городом. Возможно, они даже еще лежат сверху. Их вполне можно найти...

— Итак, — произнес полицейский номер один, игнорируя столь ценный совет и продолжая что-то писать в блокноте, — вы добровольно сознаетесь в том, что имели сексуальную связь с Митци Хейс здесь, в вашей квартире.

— Нет-нет, там, наверху, — показал я.

— На *потолке*? Как муха?

— Выше.

— На ч*ердаке*?

— Нет, в будущем... Именно это все испортило.

— Так и есть, — угрюмо согласился номер два.

Тем не менее, они оставались вполне официальными и учтивыми, всего лишь арестовав меня и пообещав сверить мой рассказ с остальными — и с Митци, которая, очевидно, ничего про это не говорила, когда с ней беседовали. Что ж, это можно понять.

Еще для верности я отослал их к тем объявлениям, которые давал несколько месяцев тому назад. Зачем же мне было это делать, если все неправда? Они обещали проверить и это.

Хотите верьте, хотите нет, но ни один из бывших членов Круглого стола канала сновидений не подтвердил мою историю. Кто-то признался, что имел со мной шапочное знакомство; остальные же твердо стояли на том, что никогда в жизни меня не видели.

Когда меня выпустили под залог до суда по делу о растлении мною несовершеннолетней — и отстранили от работы до окончания процесса, — как-то вечером ко мне в квартиру незаметно проскользнул Джон Рис Джонс.

— Нам чертовски жаль, малыш, — была суть им сказанного. — Ты же понимаешь, у нас у всех семьи, о них

нам надо думать. И семейный бизнес, мясная лавка, например. Я в том смысле, что будет, если представить наше участие в оргии! Слава Богу, юной Митци хватило ума довериться такому опытному человеку как Том.

Вот и все.

Истинная ирония судьбы в том, что я мог бы отделаться несколькими месяцами тюрьмы или даже условным приговором. Но если бы я ничего не рассказывал. Из-за этого меня послали на психиатрическое обследование.

Раньше я читал о делах, подобных моему. Человек совершает пустяковое преступление, а потом бедолагу держат неопределенно долго под присмотром переутомленных тюремных психиатров, на их усмотрение. Поскольку его считают "невменяемым", он может провести в заключении лет пять. Или десять.

Быстренько смирив гордыню, я поклялся, что врал.

И никто мне не поверил.

Из-за газетных объявлений. Что особенно обидно — лучше бы я о них не говорил.

оргии, которая за этим последовала.

А потом я избрал двенадцать учеников, чтобы они водили со мной хоровод и распевали:

"Знают даже карапузы, что такое ампетуза!" или "Хумбиш любишь?!"

Здесь, конечно, нет Митци. Женщин держат от нас отдельно. Но подумайте сами: троим из моей группы еще нет двадцати. Это Моррис, Мартин и Пол. Моррис попал сюда за то, что обнажался перед маленькими девочками. Мартин занимался подглядыванием. Пол воровал женское белье в прачечной. Каждый из них в своем роде — вулкан сексуальности, обреченный, вдобавок, на девственность.

И все наши сновидения прерываются — после того, как я убедил своих учеников выплевывать вечерние дозы ларгактила и хлорпромазина, лишь только отвернутся санитары.

Прерываются: но это еще не совсем рекламные ролики каллопий и кузелей. Но если я буду настойчиво вести пропаганду и, если тюремная кухня будет по-прежнему кормить нас такой разваренной капустой, это неизбежно.

- Это Митци виновата,
- объявила Мэри Галлахер.
- Ей надо было сохранить чистоту. Остаться девственной.

Вдобавок, мне пришлось объяснять, как собрался Круглый стол канала сновидений.

Вдобавок, оказалось, что его никогда и не было, если верить остальным — имена которых, как они предположили, я взял из телефонного справочника или книги адресов.

Небольшим утешением было лишь одно. Меня не сочли буйно помешанным. Поэтому меня не отправили в строго охраняемое узилище для чокнутых преступников в какое-нибудь глухое место на болоте, открытое всем ветрам. Вместо этого меня определили в заведение общего режима для мелких правонарушителей, где мы можем плести корзины, выращивать капусту для губернатора и заниматься другими полезными и интеллектуальными формами терапии.

Прошло уже шесть месяцев, и, как я и опасался, мое дело не отправлено на пересмотр.

Тюремная пища отвратительна, особенно, если вы уже отведали каллопий со склешем. Вареная капуста, картофельное пюре, жилистое мясо; этого достаточно, чтобы свести с ума уважающего себя гурмана.

Но я делаю успехи.

Поскольку моя группа считается неопасной, санитары иногда оставляют нас в мастерской без присмотра. И я пользуюсь возможностью рассказать сотоварищам истории про пищу сновидений из будущего. Не забывая и об

Подумайте: уровень фрустрации — десять, уровень желания — десять. Уровень фантазии — десять!

Кроме того, сегодня после обеда у нас это почти получилось.

Мы в количестве тринадцати человек водили хоровод по мастерской посреди забытых корзинок. Моррис потел не только от усердия. Пол буквально истекал слюной. Мартин вытаращил глаза.

Засветился небольшой кружок на потолке. Это был не просто солнечный зайчик. Это было Свечение.

— Не останавливаться! — крикнул я. — Открой банку каллопий! Открой банку, открой банку! Хумбиш любишь?

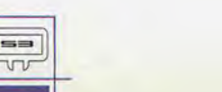
В этот момент выставленный мною для наблюдения в замочную скважину алкоголик Спарки Джонс заметил быстро приближавшегося по коридору санитара Тэрнера. Увы, нам пришлось разойтись. Свечение тут же прекратилось.

Но завтра мы этого добьемся. Или через неделю. Теперь, когда Круглый стол канала снов вновь собрался на заседание.

Пища будущего, как я тоскую по тебе!

Перевод: Владимир Малахов

АГЕНТ Z

СЕКРЕТНЫЕ ФАЙЛЫ
КОТОРЫЕ ВАМ НЕОБХОДИМО ЗНАТЬ

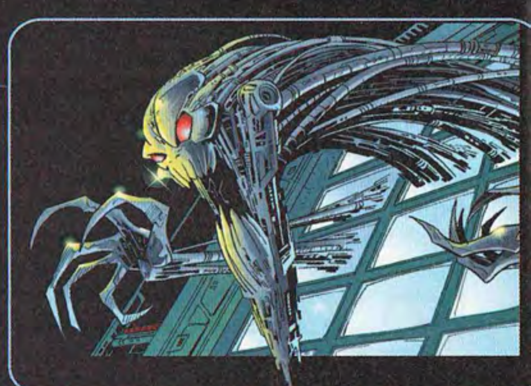
АГЕНТ Z

Сотрудник элитного спецподразделения "ALFAVIT", самого засекреченного отдела Интергалактической полиции. Данные о его дате и месте рождения, прошлом и родных никому не известны, так как в целях безопасности они на время работы в секретной службе стираются из памяти агентов и хранятся в самом безопасном в мире хранилище. 26 агентов в составе "ALFAVIT" прошли невероятно жесткий отбор и долгий курс универсальных тренировок. Агенты не знакомы друг с другом и работают в одиночку, выполняя самые сложные и ответственные задания.

КАРЛ ГАРТАК (КЛЫК)

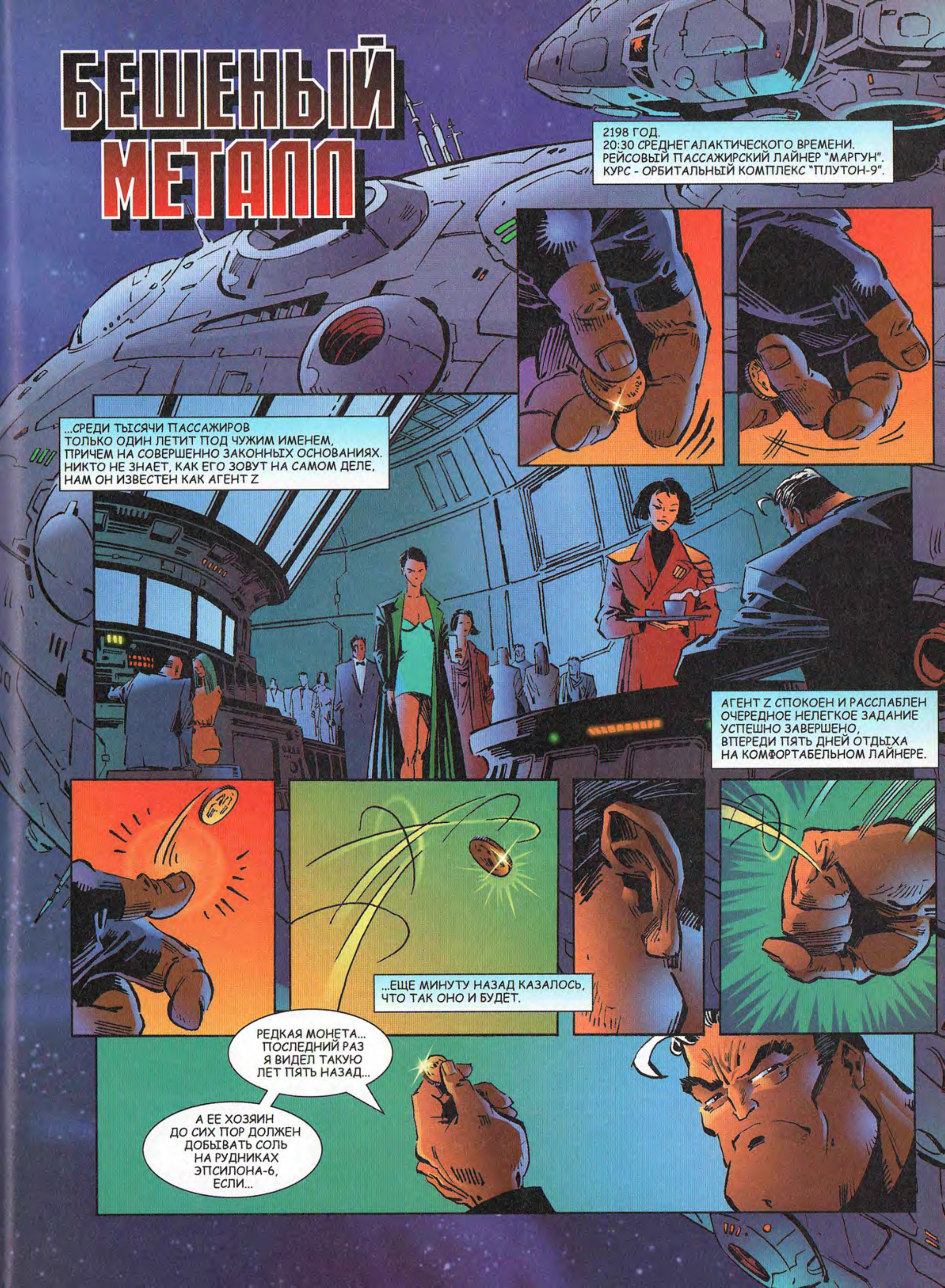
Один из самых известных межпланетных контрабандистов. Специализируется на поставках оружия нелегальным организациям и правительствам с сомнительной репутацией. Несколько лет назад ему удалось сбыть крупную партию бракованного оружия сразу двум противоборствующим сторонам, участвующим в локальном военном конфликте. После чего за голову"Клыка" была назначена крупная награда, и по его следу пущено несколько профессиональных киллеров. От смерти его, сам того не ведая, спас Агент Z, арестовавший "Клыка"в ходе масштабной операции, проводимой ИнтерГалактПолом. Впрочем, Карл Гартак до сих пор считает главным виновником своих бед Агента Z...

Т-ВИРУС (T-VIRUS ИЛИ TECHNOVIRUS)

В 2132 году в результате природного катаклизма была разрушена секретная лаборатория корпорации "Найротек", где шли многолетние эксперименты по слиянию искуственного интеллекта и нанотехнологий нового поколения. В результате незапланированных мутаций появился Т-Вирус, способный изменять природу материалов на молекулярном уровне. Он стал чудовищным гибридом компьютерного разума и колоний микророботов, способным одинаково легко поражать как людей, так и компьютеры, превращая их в итоге в смертоносных техноорганических монстров, покорных единому нечеловеческому разуму. Несмотря на то, что очаг заражения был уничтожен, Т-Вирус унес сотни тысяч человеческих жизней. Окончательно же победить его удалось только с помощью специальной программы-кода, разрушающей базовое программирование нанороботов. Код был разработан учеными ИнтерГалактПола и с тех пор входит в обязательный комплект программного обеспечения, которым комплектуются агенты "ALFAVIT".

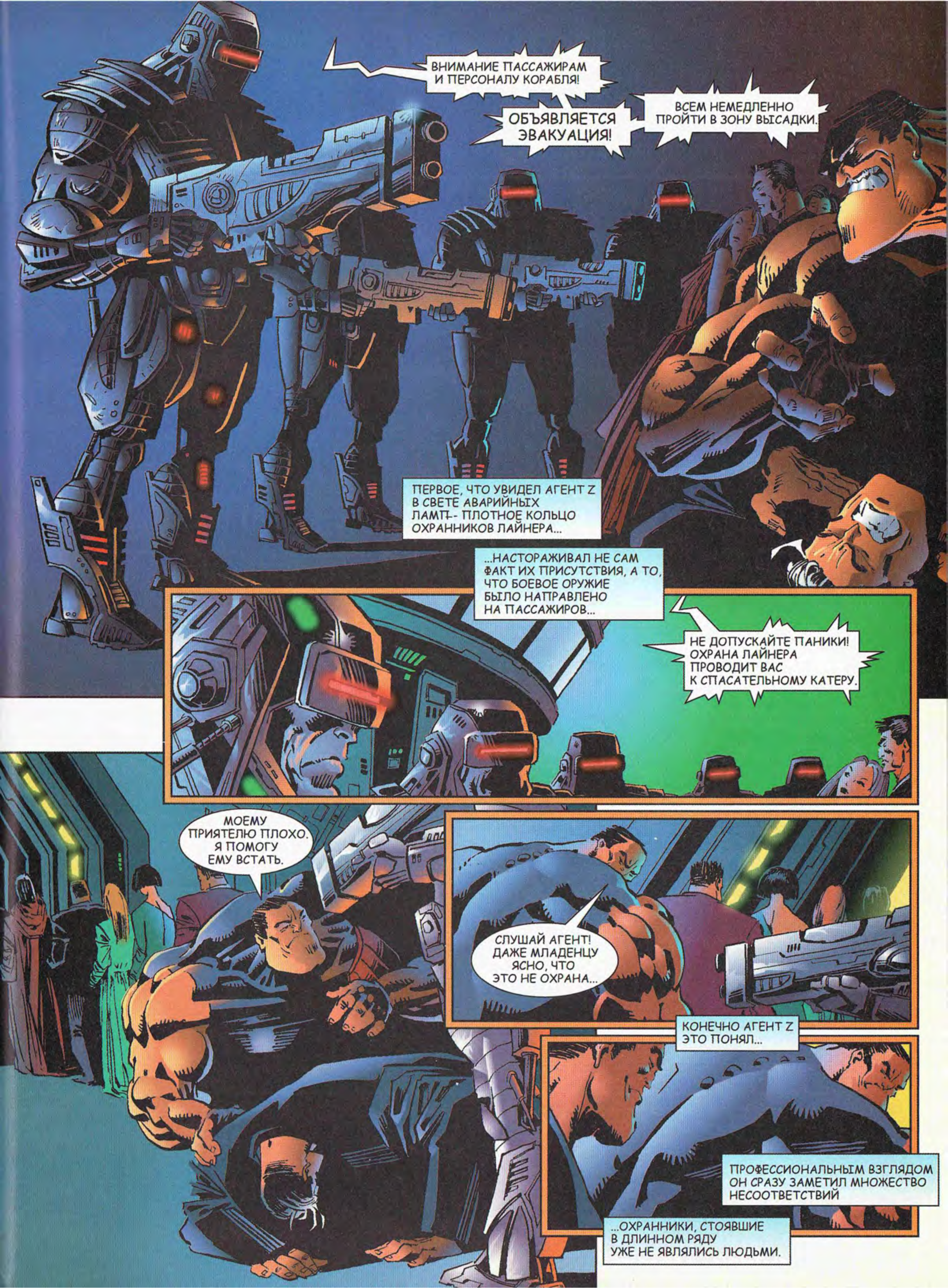
Авторы: С. Пучковский, К. Комардин
Художник: К. Комардин

БЕШЕНЫЙ МЕТАЛЛ
2198 ГОД.
20:30 СРЕДНЕГАЛАКТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ.
РЕЙСОВЫЙ ПАССАЖИРСКИЙ ЛАЙНЕР "МАРГУН".
КУРС - ОРБИТАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС "ПЛУТОН-9".
...СРЕДИ ТЫСЯЧИ ПАССАЖИРОВ ТОЛЬКО ОДИН ЛЕТИТ ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ, ПРИЧЕМ НА СОВЕРШЕННО ЗАКОННЫХ ОСНОВАНИЯХ. НИКТО НЕ ЗНАЕТ, КАК ЕГО ЗОВУТ НА САМОМ ДЕЛЕ, НАМ ОН ИЗВЕСТЕН КАК АГЕНТ Z
АГЕНТ Z СПОКОЕН И РАССЛАБЛЕН ОЧЕРЕДНОЕ НЕЛЕГКОЕ ЗАДАНИЕ УСПЕШНО ЗАВЕРШЕНО, ВПЕРЕДИ ПЯТЬ ДНЕЙ ОТДЫХА НА КОМФОРТАБЕЛЬНОМ ЛАЙНЕРЕ.
...ЕЩЕ МИНУТУ НАЗАД КАЗАЛОСЬ, ЧТО ТАК ОНО И БУДЕТ.
РЕДКАЯ МОНЕТА... ПОСЛЕДНИЙ РАЗ Я ВИДЕЛ ТАКУЮ ЛЕТ ПЯТЬ НАЗАД...
А ЕЕ ХОЗЯИН ДО СИХ ПОР ДОЛЖЕН ДОБЫВАТЬ СОЛЬ НА РУДНИКАХ ЭПСИЛОНА-6, ЕСЛИ...

...ЕСЛИ ЕГО НЕ ВЫПУСТИЛИ ЗА ХОРОШЕЕ ПОВЕДЕНИЕ!
...И ТЕПЕРЬ ТЫ ИСПРАВИЛСЯ И ТОРГУЕШЬ МОРОЖЕНЫМ...
КАРЛ ГАРТАК.
СРЕДИ ГАЛАКТИЧЕСКИХ МОШЕННИКОВ ИЗВЕСТЕН КАК "КЛЫК".
ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД БЫЛ АРЕСТОВАН АГЕНТОМ Z ЗА КОНТРАБАНДУ ОРУЖИЯ.
ПО МОИМ ПРИКИДКАМ ТЫ ЕЩЕ ДОЛЖЕН ПОТРУДИТЬСЯ НА БЛАГО ОБЩЕСТВА.
Я БЫЛ ПАЙ МАЛЬЧИКОМ, Я НИКОГО НЕ БИЛ, Я ЗАНИМАЛСЯ СПОРТОМ, Я ПИЛ ТОЛЬКО МОЛОКО...
... И ДУМАЛ О ВСТРЕЧЕ С ТОБОЙ.
ОСТЫНЬ!
В ЭТОМ НЕ БЫЛО НИЧЕГО ЛИЧН...
ТЕПЕРЬ ЕСТЬ ПОВОД ДЛЯ ПРАЗДНИКА!!!
КРАК!
БУХХХ!!!

ХХХ!
ТЫ ИСПОРТИЛ МНЕ НАСТРОЕНИЕ.
ЗРЯ!
ААРГХ!
-ТЕПЕРЬ-
ШШШАКК!!!
ЙДАР!
-ПЕНЯЙ-
КРАНГ!!!
-НА СЕБЯ-
НЕПЛОХО ДЛЯ ЗАУРЯДНОГО АГЕНТА.
А ТЕПЕРЬ ДАДИМ СЛОВО ПРОФЕССИОНАЛАМ.
Я ТЕБЕ НАВРАЛ! В КОЛОНИИ Я ИЗБИЛ КУЧУ НАРОДА!
ЗАДОХЛИКОВ ВЫБИРАЛ?

ДА, СЛАБАКОВ ВРОДЕ ТЕБЯ ХВАТАЛО!
КРАМП!!!
АГЕНТУ Z ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО ЕГО СБИЛ ЛОКОМОТИВ
ОСТАНОВИТЕ ИХ!
ПОЗОВИТЕ ОХРАНУ!
Я ЗНАЛ, ЧТО ТЕБЯ НАДОЛГО НЕ ХВАТИТ...
АРГХХХХХХХ...
СЛОВНО СТАЛЬНЫЕ ТИСКИ СЖАЛИ ГОРЛО АГЕНТА-Z. НО РАЗУМ ЕГО ОСТАВАЛСЯ ХОЛОДНЫМ И ЯСНЫМ. МЫШЦЫ НАПРЯГЛИСЬ ДЛЯ ОТВЕТНОГО УДАРА...
...ВНЕЗАПНО ПОГАС СВЕТ.
ХВАТКА КЛЫКА ОСЛАБЛА...
...И ТУТ АГЕНТ Z ОЩУТИЛ ЧУВСТВО РЕАЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ, ПО СРАВНЕНИЮ С КОТОРОЙ НЫНЕШНИЕ ПРОБЛЕМЫ КАЗАЛИСЬ ЧИСТЫМ РАЗВЛЕЧЕНИЕМ.
НЕСМОТРЯ НА СВОЙ БЕШЕНЫЙ НРАВ, КЛЫК ОСТАНОВИЛСЯ. ИНСТИНКТ ХИЩНИКА ПОДСКАЗАЛ ЕМУ ПРИСУТСТВИЕ НОВОЙ, НЕЗНАКОМОЙ УГРОЗЫ...
...ОТ КОТОРОЙ ХОЛОДОК ПРОБЕЖАЛ У НЕГО ПО СПИНЕ.

ВНИМАНИЕ ПАССАЖИРАМ И ПЕРСОНАЛУ КОРАБЛЯ!
ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ЭВАКУАЦИЯ!
ВСЕМ НЕМЕДЛЕННО ПРОЙТИ В ЗОНУ ВЫСАДКИ.
ПЕРВОЕ, ЧТО УВИДЕЛ АГЕНТ Z В СВЕТЕ АВАРИЙНЫХ ЛАМП - ПЛОТНОЕ КОЛЬЦО ОХРАННИКОВ ЛАЙНЕРА...
...НАСТОРАЖИВАЛ НЕ САМ ФАКТ ИХ ПРИСУТСТВИЯ, А ТО, ЧТО БОЕВОЕ ОРУЖИЕ БЫЛО НАПРАВЛЕНО НА ПАССАЖИРОВ...
НЕ ДОПУСКАЙТЕ ПАНИКИ! ОХРАНА ЛАЙНЕРА ПРОВОДИТ ВАС К СПАСАТЕЛЬНОМУ КАТЕРУ.
МОЕМУ ПРИЯТЕЛЮ ПЛОХО. Я ПОМОГУ ЕМУ ВСТАТЬ.
СЛУШАЙ АГЕНТ! ДАЖЕ МЛАДЕНЦУ ЯСНО, ЧТО ЭТО НЕ ОХРАНА...
КОНЕЧНО АГЕНТ Z ЭТО ПОНЯЛ...
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ВЗГЛЯДОМ ОН СРАЗУ ЗАМЕТИЛ МНОЖЕСТВО НЕСООТВЕТСТВИЙ
...ОХРАННИКИ, СТОЯВШИЕ В ДЛИННОМ РЯДУ УЖЕ НЕ ЯВЛЯЛИСЬ ЛЮДЬМИ.

ЗА ВРЕМЯ СВОЕЙ СЛУЖБЫ В ИНТЕРГАЛАКТПОЛЕ АГЕНТ Z НЕ РАЗ СТАЛКИВАЛСЯ С ОТЧЕТАМИ КОЛЛЕГ (ТЕХ, ЧТО СУМЕЛИ ВЫЖИТЬ) О СИМПТОМАХ ЗАРАЖЕНИЯ «ЧУМОЙ XXII ВЕКА» - ТЕХНО-ВИРУСОМ...
НА РАННЕЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ Т-ВИРУС НЕ БЫЛ СПОСОБЕН К ПОЛНОЙ ИМИТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА.
ЭТО ЛОВУШКА.
ДАЛЬШЕ ВСЕХ ЖДЕТ СМЕРТЬ.
У НАС ОДИН ШАНС.
ДЕЙСТВУЕМ НА СЧЕТ ТРИ...
-ОДИН-
-ДВА-
-ТРИ!
КЛАНГ!
КРАШ!

УЖЕ НЕ В СИЛАХ СОХРАНЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОБЛИК, ТЕХНООРГАНИЧЕСКАЯ МАССА С БЕШЕНОЙ СКОРОСТЬЮ ПЕРЕВОПЛОЩАЛАСЬ В МАШИНУ ДЛЯ УБИЙСТВА.
БЕЖИМ!
БЕЗ ОРУЖИЯ У НАС НЕТ ШАНСОВ!
УХ, ДРЯНЬ...
!!!
СПЛАШ

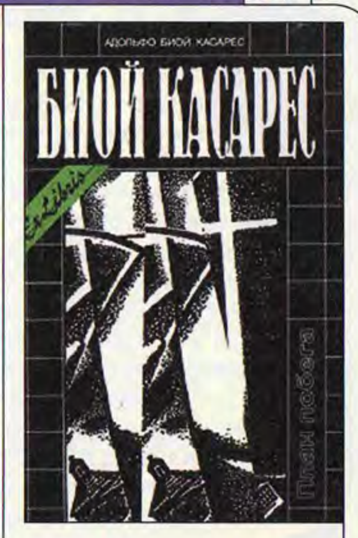

ПУТЬ АГЕНТА Z ЛЕЖАЛ ЧЕРЕЗ НИЖНИЕ ПАЛУБЫ, К БАГАЖНОМУ ОТСЕКУ.
ТАМ, В СПЕЦИАЛЬНОМ ХРАНИЛИЩЕ НАХОДИЛСЯ ЕГО БОЕВОЙ КОМПЛЕКТ.
ВРЕМЕНИ ОСТАВАЛОСЬ МАЛО
С КАЖДОЙ СЕКУНДОЙ Т-ВИРУС ВСЕ ГЛУБЖЕ ПРОНИКАЛ В КОМПЬЮТЕРНУЮ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ СИСТЕМЫ ЛАЙНЕРА...
СКОРО НАЧНУТСЯ НЕОБРАТИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ.
КОРАБЛЬ СТАНЕТ ЕДИНЫМ, ЖИВЫМ ОРГАНИЗМОМ, СМЕРТЕЛЬНО НЕНАВИДЯЩИМ ЛЮДЕЙ, ГИГАНТСКИМ, ТЕХНООРГАНИЧЕСКИМ МОНСТРОМ
КРАШ!
ВРЕМЕНИ ОСТАВАЛОСЬ НЕ ТО ЧТОБЫ МАЛО, ЕГО НЕ БЫЛО СОВСЕМ...

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ НЕОБХОДИМО ДОБРАТЬСЯ ДО ОРУЖИЯ
ПРИЧЕМ ОЧЕНЬ БЫСТРО.
КОНТЕЙНЕР ОТКРЫВАЛС
АНАЛИЗИРУЯ ОТПЕЧАТКИ
ПАЛЬЦЕВ АГЕНТА Z.
АГЕНТ Z НИКОГДА НЕ ЗАМЕЧАЛ, ЧТО ЗАМКИ ЭТОГО ЧЕРТОВА ЯЩИКА ОТКРЫВАЮТСЯ ТАК МЕДЛЕННО...
ОЧЕНЬ МЕДЛЕННО...
НЕВЕРОЯТ
МЕДЛЕНН

БЛАМ! БЛАМ! БЛАМ!
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

АДОЛЬФО БЬОЙ КАСАРЕС. ИЗОБРЕТЕНИЕ МОРЕЛЯ.

Те любители порассуждать о литературе на условиях построчной оплаты, которые упорно пытаются поместить фантастику в своего рода резервацию где-то на окраине "Большого Худла" ("Худл" - художественная литература), должны иметь в виду, что добросовестный исследователь обнаружит в этом искусственно созданном гетто ничуть не меньше "башен из слоновой кости", чем "типовых домов", в которых обитают трудолюбивые ремесленники, и "ветхих лачуг", отведенных для нужд совсем уж пропащих подмастерьев. Адольфо Бьой Касарес, аргентинский писатель-фантаст и литературный персонаж (герой нескольких рассказов Борхеса) - обитатель одной из самых высоких "башен" на этой территории. Роман "Изобретение Мореля", благоразумно изданый отдельным покетбуком - идеальный повод для первого знакомства с этим автором, незнание которого должно было бы караться пожизненным погребением под грудами макулатуры - собственно, примерно так и происходит. Фантастическая история о жизни и смерти беглеца на "обитаемом" необитаемом острове - это еще и чудовищная (точная и безысходная) метафора любой человеческой жизни. Понятно, что все мы приговорены к смерти; ясно также, что, как и герой Касареса, осуждены "несправедливо"; два главных страха определяют наше бытие: страх быть пойманным и страх остаться незамеченным. Подобие среди подобий, "лишний" человек стремительно приближается к смерти, одержимый глупыми мечтами о призрачном будущем, когда окружающие наконец-то впустят его в "райские чертоги своего сознания". Как и беглец Касареса, он шарахается от призрачных страхов, чтобы в конце концов разрушить себя собственными руками; и даже последняя предсмертная просьба, обращенная к вечности, оказывается сентиментальным бредом, не заслуживающим внимания. Традиционный подход к проблеме...

ПАВЕЛ КРУСАНОВ. УКУС АНГЕЛА

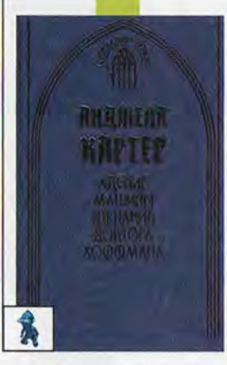
Минувшим летом роман Павла Крусанова "Укус ангела" стал главным литературным событием местного разлива. Одни находят его забавным, другие - провокативным, третьи (но это уже маньяки) воспринимают крусановский текст чуть ли не как новое Учение (именно так, с большой буквы). Уверен, что "Укус ангела" непременно нарекут "культовым романом" (возможно, это уже произошло) - по сговору с издателями, по доброй воле, под влиянием моды, по скудости словарного запаса и просто из благих побуждений. Но если уж на то пошло, слово "культовый" в данном случае следовало бы трактовать иначе: чтение "Укуса ангела" чем-то сродни отправлению религиозного культа; оно больше похоже на участие в красивом, но бессмысленном ритуале, чем на процесс усвоения информации. Впрочем, чтение книги об апокалипсисе и должно быть тождественно присутствию на мессе. Поскольку "здесь и сейчас" романа обретается в поле иной реальности (скорее "перпендикулярной", чем "параллельной"), отпущение грехов читателю не светит. Впрочем, лучше всех о романе Крусанова высказался анонимный гений, с которым я делил купе по дороге из Петербурга в Москву. Он сказал: "ну вот, научились наконец-то и у нас фентези писать!" В связи с этим объявляю всеобщую амнистию: лекции о рождении русского магического реализма на сей раз не будет.

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ. ШЕПЧУЩИЙ ВО ТЬМЕ

Пять причин по которым следует немедленно прочитать трехтомник Лавкрафта от корки до корки: 1. После этого можно больше никогда не тратить деньги на покупку романов ужасов и время на их чтение: ничем они вас уже не удивят и не напугают. Все современные мастера ужаса вышли из лавкрафтовского сюртука: Лавкрафт - это что-то типа Мирового Разума, заведующего отдельно взятым жанром. 2. Однако можно, напротив, войти во вкус и заново открыть для себя сей сладкий жанр - даже если прежде вы его недолюбливали. 3. После этого обычный поход за хлебом в вечернее время (о посещении уборной, в которой перегорела лампочка, уже и не говорю) превратится в увлекательное приключение. 4. Тогда и полночный визит умерших от зависти любителей адреналина, сколь бы ужасающим не оказался покрой их саванов, оставит вас равнодушным: подумаешь, живые мертвецы - мы и не такое видали! 5. И наконец, даже умирая от зубов вампиров в эпицентре ядерного взрыва на темной стороне гибнущей Вселенной, в компании монстра, поработившего ваш разум, и дюжины каннибалов, готовых услужливо доесть ваши останки, вы будете сохранять спокойствие и оптимизм, ибо читавший Говарда Филиппса Лавкрафта в любой стуации склонен полагать, что еще дешево отделался. Наконец, последний аргумент: классику-то надо знать, или где?!

АНДЖЕЛА КАРТЕР. АДСКИЕ МАШИНЫ ЖЕЛАНИЯ ДОКТОРА ХОФФМАНА

Доктор Хоффман покусился на святое: на восприятие. Он наполнил мир призраками, столь достоверными, что реальность небезосновательно усомнилась в собственной достоверности.
Анджела Картер, впрочем, тоже покусилась на святое: она дает понять читателю, что чудеса восприятия чудесами восприятия, а человек склонен оставаться обезьяной, какие бы чудеса не обрушивались на его горемычную глупую голову. Более того, человек приложит все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы сохранить обезьяну в себе: этого требует инстинкт самосохранения.

Все человечество состоит на службе в Полиции Определенности; бойтесь показаться слишком достоверным, ибо слишком достоверно выглядят только иллюзии. Есть только один способ проверить подлинность подозреваемого - испытание огнем: если испытуемый выходит из кремационной камеры живым, это неоспоримо доказывает его нереальность; если же от него остается горстка пепла - что ж, значит он на самом деле был.

Поэтому БУДЬ НЕПОСТИЖИМ, поэтому НЕ ДУМАЙ, СМОТРИ, ведь КОГДА ТЫ НАЧИНАЕШЬ ДУМАТЬ, ТЫ ПРОИГРЫВАЕШЬ.

Да, имейте в виду: роман Анджелы Картер - не только крышесносное, но и непростое чтение. Но кто говорил, что будет легко?!

СЧАСТЛИВАЯ

Как выяснилось, сказки — перевертыши — это любимое развлечение многих фэнтезийных авторов. Можешь смело рассчитывать, что я подберу еще несколько для следующих номеров. Хотя и классической фэнтези будет достаточно, не сомневайся.

Фантом

Иллюстрации: А. Липатов

Где-то далеко какой-то дурак рассказал сказку, и в этой сказке проклятие ведьмы уменьшило принца, превратив его в лягушонка. В конце концов принцесса поцеловала лягушонка, развеяла чары и освободила принца.

Лягушка

Элизабет Мун

В большом пруду на краю леса жила-была лягушка. Его (это был самец) широкая спина была украшена золотистыми и черными пятнышками на блестящем зеленом фоне, а живот был гладким и серебристым. Толчок длинных ног перебрасывал его с берега на лист кувшинки, а с листа кувшинки — далеко в чистые зеленые воды пруда. Большие глаза, похожие на мятую золотую фольгу — зрачки, как черные колодцы — показывали ему мир, как раз подходящий для такого лягушачьего принца: мелких обитателей воздуха, которых он ловил одним движением длинного и проворного языка, мелких обитателей воды, которых он хватал ртом и глотал на плаву. Его миром были широкие листья кувшинок и полузатопленные бревна, на которых он грелся на солнце, тенистые отмели, где лягушка может нежиться в безопасности, выставив только глаза над поверхностью воды. Он выжил, несмотря на все опасности, подстерегавшие его в юности: гибких змей, которые лакомились юными лягушатами; цапель, которые охотились у кромки воды и пронзали его родню жестокими клювами; огромную рыбину, обитавшую на дне пруда, которая хватала лягушек, когда не могла найти своего же брата помельче; ловкую норку и выдру. Теперь, когда он стал большим и невкусным, в вечернем воздухе вибрировала его богато изукрашенная песня. “Сюда, сюда, сюда”, — пел он. — “Красивые лягушки, пятнистые лягушки, сюда, сюда, сюда”.

И вся эта идиллия рухнула в один миг. Где-то далеко какой -то дурак (как сказал бы наш герой) рассказал сказку, и в этой сказке проклятие ведьмы уменьшило принца, превратив его в лягушонка. В конце концов принцесса поцеловала лягушонка, развеяла чары и освободила принца. История исключительной глупости, чего и следовало ожидать от тупиц-людей, ничего не знающих о лягушках, кроме их кваканья в ночи. Нелепая, дурацкая история и (самое главное) совершенно, абсолютно невозможная.

Но никто не спрашивал мнения лягушек. История стала широко известна. В королевстве, где подходящих принцев было мало, а принцесс — много, возникла мода на поиски таких заколдованных смертных. На лягушачью охоту отправлялись со всей роскошью королевского гона: егерем, загонщиками, музыкой, товарищами по охоте, лентами, кружевами и маленькими лягушачьими ножами, оправленными в серебро. Замко́вые пруды вскоре истощились, потому что, понятное дело, если отпустить незаколдованную лягушку, то она же может попасться на следующей охоте. Лягушки, не желавшие расколдовываться, становились лягушачьими лапками, новым и модным блюдом на пирах, которые устраивали после охоты (хотя двумя годами раньше лягушачьи лапки были едой крестьян, слишком грубой, чтобы о ней могла упомянуть знатная особа). Если ты не можешь заполучить настоящего заколдованного принца, целующего тебе ручку, ты можешь хотя бы съесть вероломных (и злополучных) лягушек, которые по глупости не желают превращаться и недостаточно проворны, чтобы не дать себя поймать.

Когда в замковых прудах остались только мелкие, хитрые коричневые лягушки (явно не принцы: никто не станет целовать такую тварь из опасения, что это окажется заколдованный слуга), принцессы перешли к деревенским прудам. Вскоре и там уже не было ни одной большой зеленой или пятнистой лягушки, годной на звание заколдованного принца, и поиски распространились на леса, пастбища и дальние озера.

Первая принцесса обнаружила пруд возле леса жарким летним днем, когда наш герой лежал в затененной воде, с почти закрытыми глазами, лениво размышляя о том, стоит ли подарить комару, парящему перед ним,

На лягушачью охоту отправлялись со всей роскошью королевского гона: егерем, загонщиками, музыкой...

еще день жизни. Громкий шум у подножия холма заставил его насторожиться. Рога трубили, собаки лаяли, и над всем этим гомонили человеческие голоса. Его глаза распахнулись, он заглотнул побольше воздуха, скользнул под воду и поплыл длинными, легкими толчками в заросли камыша. Отсюда, отгородившись дрожащими тенями, он мог смотреть, сам оставаясь невидимым.

Его глазам предстало ужасающее зрелище. Сначала примчались собаки, которые бросились к кромке воды, пуская слюни, плещась и повизгивая от восторга. Потом — егерь, одетый в зеленое, с красным пером на остроконечной шапке, и загонщики в красно-коричневом, с зелеными перьями. Потом подтянулись музыканты на чубарых пони, бьющие в барабаны и дующие в рожки скорее энергично, чем гармонично. И наконец — группа дам на потных лошадях, украшенных лентами, колокольчиками и пряжей, вплетенной в гривы. С ними было и несколько рыцарей в качестве эскорта, включая одного пожилого, мрачного и настороженного — он явно считал всю эту вылазку ошибкой. А позади, пешком, пыхтя и отдуваясь, шли слуги, тащившие принадлежности для пикника.

Все: собаки, лошади, егерь и загонщики, дамы, рыцари и слуги — подошли к воде. Лошади и пони взбили

поросшую травой кромку в месиво грязи — лягушка чуяла этот запах через весь пруд. Слуги погрузили сосуды в воду (на достаточном отдалении от вспененных лошадьми отмелей) — от резкого вкуса меди у лягушки заныло во рту. Егерь и его загонщики опустились на колени, чтобы напиться у кромки пруда, так же как слуги. Дамы и рыцари пили воду из медных сосудов, смешанную с вином в кружках, которые слуги распаковали вместе со всеми атрибутами королевского пикника.

Не лучше волнения воды был шум. Плеск, треск, топот копыт, громкие голоса, звон кружек, ножей и тарелок. Наш герой мигнул, строя предположения о том, чем же все это кончится. Когда они завершили трапезу, неряшливо побросав объедки прямо в пруд, он это узнал.

Некоторые из его многочисленных родственников, почти такие же большие, как он сам, не были пойманы ни змеями, ни цаплями, ни большой рыбиной на дне пруда. Один из них, скорее любопытный, чем мудрый, выскочил на берег едва ли не на длину прыжка, чтобы исследовать хлебную крошку. Дамы завопили: “Лягушка! Больше, чем та, что была в Мельниковом пруду! Даже больше, чем та, что в Яблочном Форте! Это точно принц!” Потом залаяли собаки, егерь дунул в свой свисток, а загонщики закатали красно-коричневые штаны, схватили странные предметы в форме веера и полезли в воду. Его родственник, лягушка помоложе, уже нырнул, направляясь к кувшинкам.

Две шеренги загонщиков вошли в воду. Дамы стояли на сухой траве и махали платочками, чтобы подбодрить их. Загонщики погрузили свои загадочные предметы в пруд, медленно повели ими и подняли быстрым движением запястья — и вот, в одном из них наш герой увидел бьющуюся рыбку, маленькую и серебристую, с красными и желтыми полосками. Он сглотнул: он сам особенно любил маленьких серебристых рыбок с красными и желтыми полосками, и ему невыносимо было зрелище того, как подобный деликатес отправится в чужую глотку. Но загонщик отбросил рыбку в воду и снова провел по воде предметом, который, как наш герой теперь понял, был какой-то ловушкой.

Пока загонщики продвигались по мелководью, какой-то лягушонок впал в панику и выпрыгнул из придонного ила на берег, подняв тучу брызг. Тут же и загонщики, и рыцари на берегу рванулись за ним. Наконец кто-то — наш герой не видел, кто именно, — поймал и поднял бьющегося лягушонка в воздух. “Лягушка, лягушка!” — закричали дамы, — ”Подходящая лягушка! Можно целовать!” А потом они выстроились полумесяцем и пропустили одну даму в середину. Наш герой не заметил в ней ничего особенного, кроме блестящего металлического венчика на голове. Его юный родственник застыл в ужасе в сильных руках, которые держали его в воздухе. Затем эта дама выступила вперед и аккуратно, почти старательно, коснулась губами головы лягушонка.

С точки зрения нашего героя, все дальнейшее было такой же невразумительной бессмыслицей. Дамы взвизгнули, скрытые ухмылки появились на лицах слуг, рыцарей и загонщиков. Гримаса отвращения на лице дамы, которая поцеловала лягушку, сменилась скукой. Она протянула руку. Егерь вытащил из зеленых, как листва, ножен маленький серебряный лягушачий нож. (Наш герой застыл, возмущенный и изумленный: лягушачья охота? Всё это значит охоту? Но только крестьяне охотились на лягушек, и у них никогда не было времени забраться так далеко: в их собственных прудах было достаточно лягушек.) Пока наш герой смотрел, возмущенный и зачарованный одновременно, его юного родственника распростерли на мрачной истоптанной земле и пронзили красивым оружием. Ему оторвали ноги и бросили их в мешок, а остальное швырнули в середину пруда. Пряный запах его изуродованных останков вызвал со дна большую рыбу, чей длинный хвост волновал и волновал воду, пока она всплывала наверх к солнечному свету.

Одного такого события было достаточно, чтобы испортить целый летний месяц. Но на этом неприятности не закончились. Загонщики вернулись к воде, снова бередя пруд своими сетями. Другой юный лягушонок сделал попытку пробиться к безопасным водам, но его погубила грязь, поднятая ногами. Он заблудился, сделал

Пока загонщики продвигались по мелководью, какой-то лягушонок впал в панику и выпрыгнул из придонного ила на берег, подняв тучу брызг. Тут же и загонщики, и рыцари на берегу рванулись за ним.

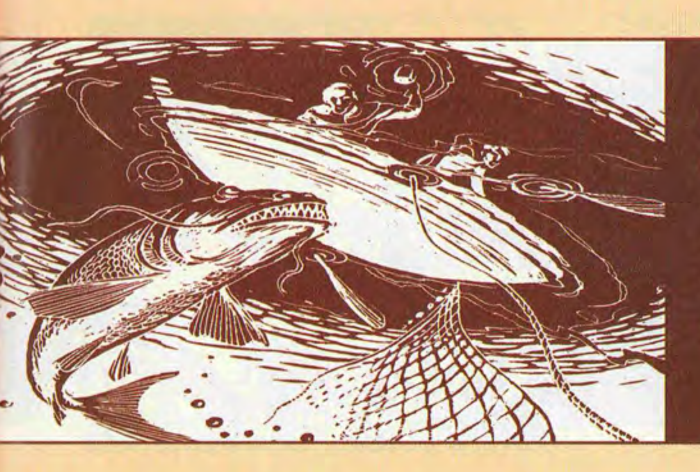

нелепый поворот и поплыл назад, прямо в лапы врагов. Загонщики рванулись за ним со своими сетями. Еще одну рыбку поймали, выбросили. Кто-то наступил на юную черепашку, расколов ей панцирь. А в глубокой середине пруда кружила большая рыбина, встревоженная всей этой суетой.

Наш герой больше не мог терпеть. Он проплыл тремя длинными толчками от камышей к листьям кувшинок, вполз на самый большой из них и КВАКНУЛ. “Стойте!” — закричала принцесса. Загонщики уже и сами остановились, признав это кваканье за то, чем оно и было — кваканьем большой и энергичной лягушки в расцвете сил. “Где?” — спросил егерь. Наш герой квакнул снова и увидел, как все эти бледные и глупые человеческие лица поворачиваются к нему. “Там!” — завопили на разные голоса люди. “Это наверняка принц”, — сказала одна дама. Молодой лягушонок, про которого все забыли, резкими рывками поплыл к кувшинкам и лыли на середину пруда и зависли в воде, так что только глаза таращились как множество плывущих яиц. Их предводитель дал сигнал, и они саркастически заквакали в унисон.

К несчастью, это, похоже, не удивило и не отпугнуло людей. Лягушки лениво смотрели, как те распаковывают принадлежности для пикника, которые на этот раз принесли не в корзинах, а в длинных деревянных ящиках. Они наблюдали за тем, как слуги подтягивают ящики к кромке воды, и за тем, как загонщики, закатив красно-коричневые штаны, заходят в воду с теми же самыми сетями в руках.

А потом ящики столкнули в воду, по два загонщика в каждом, и они заскользили по поверхности, как большие, но очень неповоротливые змеи. Лягушки так удивились, что почти забыли нырнуть, и одна из них попалась в сети. Остальные в панике рассеялись в глубине, чувствуя, как вода волнуется вокруг них в ответ на дви-

В полумраке большая рыбина казалась еще больше, сказочным чудовищем в железной чешуе и с плавниками из стекла и стали.

заполз, задыхаясь, на лист поменьше. “Забудьте про маленькую”, — сказал егерь. — “Нам нужна та, большая.”

Но большую-то как раз поймать было невозможно, потому что листья кувшинок, где сидел наш герой, росли на дальней стороне пруда. Загонщиков и лягушку разделяло много ярдов зеленой воды. Люди заходили в пруд, всё глубже и глубже, пока наконец не поняли, что вброд не перейдут. Вернувшись с проклятьями, они пошли на другую сторону по берегу. У лягушек было достаточно времени, чтобы удалиться на середину, что они и сделали, рискуя попасться большой рыбе (которая разнервничалась и вернулась на дно, чтобы погрузить нос в холодный ил). И хотя егерь кидал в них камни, а его загонщики били по мелководью возле берега, они были спасены. Наконец, когда солнце склонилось к закату, вся компания удалилась: охотники, загонщики, собаки, слуги, дамы, рыцари, пони, лошади — все. Всё кончилось.

Но только до следующего дня. Однако на этот раз наш герой знал чего ждать, когда услышал барабаны, рожки, конские копыта, лай собак и все эти негармоничные человеческие голоса. Все лягушки сразу выпжение и колыхание сетей. Когда они всплыли, затаив дыхание от изумления и ужаса, то увидели, как ящик несет их товарища к той же участи: поцелую, потом смерти, а затем — расчленению. Только сила инстинкта спасла их от не севших в лодки загонщиков, которые подкрались с краев пруда, чтобы наброситься и схватить тех, кто ускользнул. Они ныряли снова, делали несколько безумных рывков и выныривали на поверхность. И снова загонщики в плавучих ящиках погружали сети, и снова жертву вытаскивали из воды, мокрую и несчастную.

Но даже и в этом случае четыре человека на двух маленьких лодчонках не могли тягаться со свободными лягушками, а с полдюжины человек на берегу захватывали только часть мелководья. Теперь, когда лягушки всё поняли, они оставались посередине — там, где слишком глубоко, чтобы зайти вброд, но вне досягаемости лодочников. Люди гребли взад и вперед, и лягушки плыли вверх и вниз, туда и сюда. Они получали некое извращенное удовольствие от этого — увернувшись, проплыть под лодкой, почувствовать давление воды, когда сеть проходит рядом, скользнуть в безопасную тьму, потом подняться (но осторожно, подальше от тени лодки и

от блеска всплывающей большой рыбы), чтобы выставить из воды узкие ноздри и глаза навыкате. Если люди отвернулись — быстро раздуть горло, быстро квакнуть и еще быстрее нырнуть. Не истинное удовольствие, какое получаешь, поймав сочного мотылька или вкусную рыбную муху, но удовольствие.

В конце концов, еще до того, как стемнело, людям надоело это, и они пошли домой. Большая рыбина съела жалкие останки трех лягушат и удалилась в свой прохладный приют. Оставшиеся в живых лягушки лакомились вечерними мушками. Они были спасены.

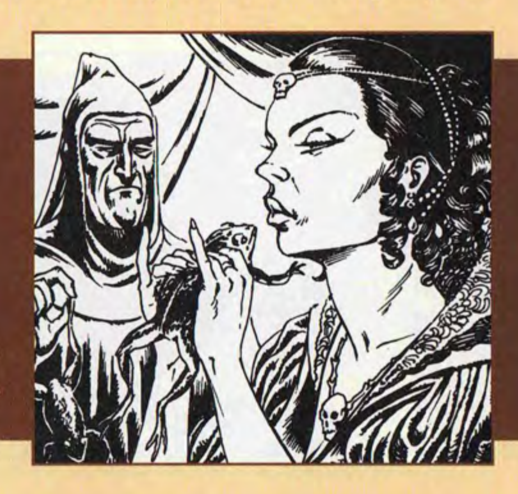
Но этой же ночью люди вновь пришли с факелами, расставив их на железных столбах вокруг всего пруда. Музыканты играли звенящие мелодии, а дамы тем временем располагались на коврах, расстеленных на траве. Лягушки с трудом могли разглядеть все это. Яркий свет переливался над ними, ослепляя даже под водой своим дрожащим, непостоянным мерцанием. Снова появилась лодка — только одна, черная тень, темнее ночного неба — и на этот раз вдоль ее бортов и с шеста перед ней свисали лампы. Лягушки нервно плавали по пруду, они были растеряны. Потом резкий звук, совершенно не лягушачий, заставил их уйти на глубину. Баклан! Минуту за минутой они лежали, став от страха холоднее воды. Но с жаждой кислорода не справишься, и они медленно, один за другим стали подниматься к поверхности. Едва первая партия осторожно вздохнула, почти не показав носы из воды, как черная тень раскинулась над ними — жаждущий добычи зияющий клюв. Одну злосчастную лягушку схватила и вытащила на поверхность пленная птица с кольцом на шее и веревкой, привязанной к тощей ноге. Руки выдернули лягушку из клюва, отдали принцессе ...и ее постигла прежняя участь, за тем исключением, что изувеченные останки были брошены в лодку, чтобы пойти в пищу баклану, когда его ночная работа будет закончена. Тем временем баклан снова нырнул и поймал еще одну лягушку, с которой повторилась та же история.

Чем всё это могло кончиться, никто из них не мог себе представить, но свет и шум привлекли старую рыбину. Она пыла вверх, медленно и легко, колыхаясь, как видение в раздуваемом ветром тумане. Она раскрыла свой огромный зев, ощущая вкус воды, ужас лягушек и присутствие какого-то охотника на территории, которую привыкла считать своей. Нырнув, баклан оцарапал клювом рыбий бок ... и одновременно рыба схватила птицу и нырнула назад, на дно пруда, стиснув челюсти на горячем пернатом призе, каких она не пробовала с тех пор, как утки перестали здесь гнездоваться.

Загонщики потянули птицу за привязь, прерывая спуск старой рыбины; памятуя о прошлых ранах и сражениях, рыбина на время выпустила добычу, а потом поплыла вверх следом за мертвой птицей, выкусывая из нее мясо и перья. Увидев эту загадочную фигуру, поднимающуюся из темноты, и, ударившись в панику, люди замолотили веслами. Рыба завертелась, повернулась под лодкой — ей совсем не нравились лодки — и застыла там, затаившись. Весло ткнуло ее в бок — она рванулась — и лодка покачнулась. Загонщики вскрикнули и уронили сети. Рыба исследовала труп баклана, который теперь соблазнительно маячил у нее перед носом, свисая с лодки. Но крючки... она слишком хорошо помнила крючки, а от баклана пахло железом из-за кольца на шее. Рыба еще раз толкнула лодку, посильнее, а потом схватила ртом свободное крыло баклана и качнула его взад-вперед. Над ней в лодке закричали загонщики.

Когда они всплыли, затаив дыхание от изумления и ужаса, то увидели, как ящик несет их товарища к той же участи: поцелую, потом смерти, а затем - расчленению.

В полумраке большая рыбина казалась еще больше, сказочным чудовищем в железной чешуе и с плавниками из стекла и стали. Один из рыцарей кинул с берега легкое копье, которое оцарапало рыбе хвост. Загонщики снова предостерегающе вскрикнули, но было слишком поздно. Рыба владела этим прудом и не собиралась допустить вторжения людей. И уж точно не такой спокойной ночью, когда она чувствовала себя особенно уверенно. Нырнув и вынырнув, она задела легкую лодку, потом плеснула в нее воды, выскочив позади. Еще один нырок, толчок в борт — и лодка перевернулась, вывалив двух перепуганных людей в воду. Рыба направилась на глубину, погружаясь по спирали к своему любимому месту отдыха, игнорируя хаос наверху. В конце концов

вода успокоилась. К неудовольствию рыбы, утонувшими людьми не пахло. Ей пришлось удовольствоваться кусочками мертвых лягушек, которые выпали, когда лодка перевернулась.

Хотя охотившаяся в ночи компания отбыла, когда два загонщика наконец доплыли до берега, всем было ясно, что люди не сдадутся. Местные водяные змеи переехали вниз по течению “на какое-то время”, как они выразились. “Собаки”, пояснили они расплывчато, собираясь в гармошку, а потом внезапно двинулись. Последняя цапля гневно покачала длинной кривой шеей и улетела. Несколько дней ничего не происходило. Наш герой достаточно расслабился, чтобы посылать в ночь свой гулкий клич: “Сюда, сюда... сюда”. Но никто не приходил, никто из тех, с кем хотелось бы побеседовать. О водоеме разошлась дурная слава. Никто не собирался селиться в этом пруду, по крайней мере до тех пор, пока люди от него не отстанут. Наш — пожарный насос высасывал воду из пруда. Было еще совсем рано, принцесса и ее дамы не успели прибыть. К середине утра все обитатели пруда уже знали, что происходит. Пруд убивали, высасывали: этот ужасный ящик и потные крестьяне, которые работали посменно, без остановки. Дюйм за дюймом вода опускалась, и загонщики заходили все дальше в воду, поднимая еще больше грязи, которая ослепляла всех, у кого были глаза, и душила тех, кто ориентировался по запаху. Уже пять рачьих нор было открыто лучам палящего солнца.

Насос продолжал качать, и его вибрацию ощутила большая рыбина внизу, у источника. Она тонко разбиралась в том, что говорила вода, чувствовала, что давление уменьшается, и знала, что из родника ее прибывает меньше, чем высасывает насос. Но худшее было впереди. Второй насос подвезли к полудню. Пруд ощутимо уменьшился. Нити лягушачьей икры поднялись на свет,

В ярости из-за того, что ее так очевидно соблазнили, так прилюдно одурачили, принцесса попыталась схватить его, полная жажды крови...

герой начал замечать косые взгляды, даже от собственной родни... собственных отпрысков.

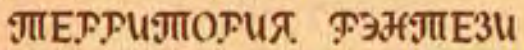
Потом пришла следующая беда, еще хуже, чем кто-либо мог себе представить. Шумная процессия была знакома, но что это там грохочет на колесах? (Они знали, что такое колеса, ведь у мельниц есть колеса.) То, что тянут две дюжие мохноногие лошади? Что-то длинное, похожее на змею (ОГРОМНУЮ змею, нервно заметили лягушки), протянулось к воде пруда. Предмет покороче, тоже похожий на змею, опустился немного ниже по течению. Загонщики стояли у берега с закатанными штанами, с сетями — еще в большем количестве, чем раньше. К ним присоединились два громадных, потеющих крестьянина, которые начали тянуть и толкать палки, торчащие из ящика, вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз.

Ящик издавал ужасный, непристойный шум: плеск, причмокивание и стон одновременно. Но еще хуже было то, что пока он продолжался, вода вокруг таинственной змеи темнела и, по мере того, как грязь, ил и мусор поднимались со дна, вспенивалась и неумолимо тянулась в сторону... шланга. Топ и хлоп, хлюп и шлеп чтобы погибнуть. Головастики оказались пойманы в мелких ямках и были затоптаны загонщиками.

Прохладным вечером принцесса прибыла, чтобы посмотреть, как продвигается дело, прихватив с собой шатер, в котором собиралась провести ночь, если понадобится. К тому времени наш герой уже принял решение. Свобода не стоила потери всего потомства, разрушения дома, в котором провел всю жизнь. Он не хотел умирать, но собирался позволить человеческому существу коснуться губами своих губ, а потом попытаться убежать. Так что когда принцесса подошла к кромке травы, теперь уже в нескольких футах от воды, он поднялся на поверхность и квакнул. Она указала на него. Он подплыл ближе, направляясь прямо к ее ногам. К нему устремилась сеть, но принцесса остановила ловцов своим приказом. Дамы позади нее забормотали в благоговейном трепете. Такая храбрая лягушка... такая большая и красивая (для лягушки)... конечно, такая нелягушачья лягушка не может не быть принцем.

У кромки воды герой прыгнул на вонючую грязь прямо к ее ногам. Посмотрев вверх, он снова квакнул. Принцесса присела на корточки и протянула ему руку. Он

вполз на нее; она подняла его к своему лицу и, сосредоточенно нахмурившись, прикоснулась губами (горячими, сухими, противными губами) к его холодным и скользким.

И, конечно же, он остался тем, кем и был всегда: большой, красивой пятнистой лягушкой, принцем лягушек, но целиком и полностью земноводным. В ярости из-за того, что ее так очевидно соблазнили, так прилюдно одурачили, принцесса попыталась схватить его, полная жажды крови, но он вонзил свои длинные и острые коготки ей в запястье. Вскрикнув, она выпустила жертву из рук, и тот мгновенно прыгнул как можно дальше. Удары ног, палок и сетей так и сыпались вокруг него. Он снова отчаянно прыгнул, не разбирая дороги. Вопли принцессы и других дам, рев и проклятья мужчин оглушали его. Но наконец он перепрыгнул прямо через сеть, высоко и красиво, и плюхнулся прямо в воду, достаточно глубокую, чтобы плыть.

Принцесса бы высушила весь пруд, чтобы убить его, лягушку, которая так ее унизила, но рыцари настояли на своем. Если эта лягушка, самая большая, какую когда-либо видели, не принц, то никакая другая лягушка помельче в этом пруду не может им быть, и она не должна тратить впустую труд стольких крестьян, когда идет страда. “Забудьте глупую тварь”, — говорили рыцари... Один из них напевал вполголоса, поглаживая ее растрепанные волосы. “Нужно вернуть пожарные насосы в замок”, — говорил другой. А раз дело шло к закату, а принцесса вовсе не желала провести ночь здесь, на виду у этой дерзкой лягушки, она позволила себя уговорить. Первыми отъехали дамы, беседуя друг с другом с подчеркнутым весельем, как всегда сопровождаемые рыцарями. Потом загонщики по колено в грязи, украдкой ухмыляясь друг другу. И наконец, крестьяне, тихо проклиная потерянное для сбора урожая время, эти чертовы, вонючие насосы, которые еще придется, надрываясь, тащить туда, откуда их никто бы не позволил забирать, если бы у короля был разум, которым боги наделили — они остановились, несколько раз плюнули в пруд и закончили — лягушек. Чертовы лягушки, и пусть их выпорют, если они еще хоть раз съедят лягушачью лапку.

Зачем-то им нужно поцеловать лягушку. Какая-то ерунда. Он не хотел целовать человека...

К концу лета родник снова наполнил пруд, хотя погибшую икру и головастиков уже было не вернуть. Водяные змеи переехали назад. И всё, казалось, закончилось.

Жарким, сухим, пыльным днем конца лета, когда поверхность пруда присыпала пыльца золотарника, появилась еще одна принцесса. На этот раз никакой процессии, лишь усталый ослик, чье красное седло полиняло от долгого использования и отсутствия смазки. А на ослике — грустная девушка, которую вряд ли можно было назвать благородной дамой ... особенно по сравнению с той знатью, которую наш герой видел этим летом. Ее платье когда-то было зеленым, но солнце и дождь покрыли его коричневыми и тускло-желтыми пятнами. Да, блестящий металлический предмет был и у нее на голове, но никаких украшений, ни лент, ни кружев, ни звенящих колокольчиков... ни драгоценных камней. Никаких слуг, несущих принадлежности для пикника, никакого эскорта рыцарей, ни фрейлин, ни музыкантов, ни ковра с подушками, ни шатра — ничего не было. Лягушки не имеют представления о людской красоте: девушка могла быть уродливой, заурядной или красивой — для нашего героя она была человеком, бледным, огромным, вонючим существом, приносящим беду.

Он прервал свои размышления, когда ослик подошел к воде. Принцесса — если этот блестящий ободок означал принцессу — небрежно улеглась на животе у кромки воды, неподалеку от ослика, и прислонилась щекой к воде, как будто вся горела.

Лягушки оставались на середине пруда. Кто знает, какие фокусы она припасла? Она вздохнула, поднялась, огляделась вокруг и расплакалась. Ослик отошел на несколько шагов назад и закричал. Все еще рыдая (отвратительный звук, — подумал наш герой), она направилась к ослику, расстегнула подпругу красного седла, сняла уздечку. Ослик встряхнулся по-собачьи и отошел прочь в поисках места, где можно поваляться. Девушка вернулась к кромке воды, улеглась в гнездышко из своих поношенных юбок и продолжала плакать.

У страха глаза велики. Когда девушка перестала шевелиться, но по-прежнему всхлипывала, лягушки одна за

другой осторожно вернулись к своим делам. Запоздалые мухи, беспечные мотыльки, бабочки, чьи крылья износились — все они были добычей, лакомством для лягушек, нагуливающих жир перед суровой зимой. Наш герой заполз на лист кувшинки и стал смотреть. Загонщики не подкрадывались из леса, никакой опасности не было. Только девушка, чьи всхлипы постепенно затихли, когда она заснула в последних лучах солнца.

Пыльца сгустилась, и на пруд опустился холодный туман. Наш герой плыл по теплой поверхности воды, все ближе к спящей девушке. Он слышал, как ослик ломится через ягодный кустарник у края леса, слышал осторожные шаги ночных хищников по палой листве, хрустящей, потому что дело шло к осени. И слышал глубокое, тихое дыхание девушки, шорох ее одежды, когда она вздрагивала от холода.

Его ноги уперлись в ил, и он пополз. Ее рука была всего в одном прыжке от него, но на твердой земле. Наш герой задумался. До сих пор она не принесла никаких неприятностей, но опыт говорил не в ее пользу. Помня, что сработало в предыдущий раз, он решил: лучше всего позволить ей быстро прикоснуться к нему губами, а потом уйти. Он был уверен, что легко сбежит от единственного человека. Позади кто-то из его родственников квакнул на пробу. Он раздул свое горло и испустил мощный зов. "Сюда", — говорил он. — "Сюда, сюда, сюда. Лягушка... лягушка, лягушка. Я знаю, что делаю". Он услышал, как девушка вздохнула, просыпаясь в холодной, влажной тьме, на расстоянии вытянутой руки от поющей лягушки-быка, и приготовился прыгнуть, если понадобится.

Он ощутил ее дыхание, не такое вонючее, как у другой принцессы. "Лягушка!" — воскликнула она. В точности, подумал наш герой, как и та, первая. Зачем-то им нужно поцеловать лягушку. Какая-то ерунда. Он не хотел целовать человека... Собственно говоря, лягушки не целуются с лягушками. Но он чувствовал, что теперь знает процедуру. Он квакнул потише и прыгнул вперед. Пока он прыгал, она оставалась на месте, склонив лицо к земле. Было не совсем темно, даже несмотря на туман, потому что окрестности заливал лунный свет. Он видел белое пятно ее лица и легко нашел ее рот благодаря теплому душистому ветерку, который из него дул. И она его заметила, потому что снова сказала: "Лягушка! Большая лягушка! Может быть, это правда... насчет колдовства..." Этого наш герой не понял, но все равно двинулся вперед. Она застыла в ожидании. Он тоже. Прошло несколько томительных секунд. Почему она не ...? С едва заметным намеком на вздох, он немного вытянулся вперед и коснулся ее рта своим, прохладным и влажным.

Нашего героя, который ничего не слышал о колдовстве, это ощущение поразило. Под его губами ее мягкие, теплые, пахнущие человеком губы стали прохладными и тугими. Ее подбородок уменьшился, лицо куда-то отъехало, и перед его глазами появились большие, блестящие зеленые глаза. Она выпрыгнула из клубка не нужной больше одежды, гладкая, зеленая, с черными и золотистыми пятнышками лягушка, чье дыхание было чистым и лягушачьим, чьи длинные ноги сложились и расправились в длинном прыжке, который окончился всплеском.

Она выпрыгнула из клубка не нужной больше одежды, гладкая, зеленая, с черными и золотистыми пятнышками...

Он быстро последовал за ней, и, хотя так никогда и не понял, что всё это значило, они жили долго и счастливо в своем пруду на краю леса.

Что касается менестреля, который так переврал историю, услышанную от наяды, живущей в ведьмином колодце, и тот жил долго и счастливо на свой лад, хотя ни одна из принцесс, которые ходили на лягушачью охоту, ни разу не нашла в пруду принца. Что же такое сделала лягушка, что ее на долгие годы превратили в человеческую принцессу? Это уже совсем другая история.

Перевод Л. Николенко

Эта история – совершенно неожиданная вариация на классическую тему, в которой молодой статистик, работающий в заурядной инвестиционной фирме, придумал странную игру с цифрами и вероятностями, управляющими течением вселенной...

Фантом

Была там Дверь, к которой не нашел ключа я...
Эдвард Фитцжеральд, Рубаи Омара Хайяма

Иллюстрации: А. Липатов

элемент.

Эдвард Д. Шейвер

Дэвид тихонечко вздохнул, когда его губы слегка коснулись шеи женщины. Он не открывал глаз, смакуя постепенно нарастающее желание сквозь дымку сна.

— Дэвид, — прошептала Джена в темноте, — Дэвид, ещё так рано...

Он снова вздохнул, с большей настойчивостью пробираясь рукой всё ниже.

— Дэвид, уже утро, — сказала она мягко и встряхнула головой, чтобы избавиться от зова его разгорячённой кожи, — сегодня понедельник, опять дождь. Она приподнялась на локтях и теперь смотрела на него чуть свысока.

— Понедельник, утро, — Дэвид тяжело вздохнул, подчиняясь неизбежному, — никакая страсть не выстоит против Начала Рабочей Недели.

Джена скатилась с кровати, полоски света пробежали по ее телу.

— Извини, милый, — сказала она, надевая халат. — Но ты же знаешь, будет чертовски трудно добраться до города. И вообще, ты работаешь в этой компании всего пару месяцев. Ты всё ещё пытаешься произвести хорошее впечатление, помнишь?

— Помню, конечно... — Дэвид наконец отважился приоткрыть один глаз. — Но ты была такая вкусненькая сегодня ночью, Джена. Может, стоит посидеть денёк на больничном...

Джена рассмеялась, повернувшись к двери спальни.

— Типично мужская идея... — кивнула она. — По счастью для нас обоих, я — женщина. Кроме того... — Джена улыбнулась, подчеркнуто серьезно затягивая пояс на своем халате. — Наши занятия любовью, кажется, становятся слишком бурными. Возможно, нам следует подумать о браке, чтобы остудить тебя и...

Она покачала пальцем без кольца на левой руке, перед тем как повернуться и исчезнуть в холле. Почти сразу же с кухни раздались знакомые звуки готовящегося завтрака. Дэвид глубоко вздохнул, позволяя запаху кофе выманить его из кровати.

Реальность рванулась вверх холодной волной, когда его нога коснулась пола. Кровать еще хранила запах Джены, и Дэвид на мгновение закрыл глаза, размышляя, не сдаться ли на милость одеяла...

Но в этот момент из угла его мозга, все еще онемевшего ото сна, раздался настойчивый шепот цифр.

Сегодня тот самый день.

Его пульс участился, и на этой волне возбуждения он понесся в ванную. Он торопливо совершал свои ежеутренние ритуалы, обдумывая данные, накопившиеся за последние десять недель.

Вопрос, конечно, состоял в том, *что* можно считать чудом. Дэвид задумался и замер с бритвой в руке.

Возможно, чудо — это то, что откроется только тому, кто одержим красотой математики и музыкой уравнений, определяющих реальность. Должно быть, чудо — это понятие, доступное человеку, живущему на краю этой реальности.

Дэвид пожал плечами своему намыленному отражению в зеркале.

Не имело значения, что там думает весь остальной мир. Триллиона вполне достаточно, чтобы соответствовать его собственным стандартам. И в дождливое утро понедельника его личное чудо собиралось достигнуть вероятностного соотношения триллион к одному.

Предсказания Джены оправдались. Поездка в город быстро стала драгоценностью в короне невзгод утра понедельника. Пока Дэвид дожидался поездов и автобусов, непрерывная морось просачивалась сквозь его зонт и плащ. Когда он достиг вестибюля "Фентон и Фентон", его утренняя газета превратилась в раздувшуюся губку, а туфли стали парой чавкающих

Понедельник, утро — никакая страсть не выстоит против Начала Рабочей Недели.

бассейнов. Но весь дискомфорт был забыт, когда он увидел лифты.

В вестибюле было всего семь лифтов: четыре — справа, три — слева. Почти десять недель назад, впервые появившись здесь, Дэвид начал свою маленькую игру и скоро бы ее забросил, если бы не чудо лифта номер семь.

Это была простая таблица, вопрос элементарной вероятности. При семи лифтах вероятность поехать на любом из них равна одной седьмой. Он начал запоминать свои поездки на лифтах в вестибюле, ведя свой собственный счет, как он делал всегда, бросая монетку или перемешивая колоду карт.

Но в случае с картами и монетами реальность всегда была привязана к закону больших чисел невидимыми веревками. Словно любопытная собака, она сбивалась на случайном промежутке, но всегда возвращалась к предсказанным статистическим кривым. Орел и решка вернутся к соотношению один из двух, а туз пик появится наверху немногим реже, чем в двух случаях из ста. С лифтом номер семь дело обстояло иначе.

Ежедневно поднимаясь на свой этаж и спускаясь обратно, Дэвид никогда не видел лифт номер семь изнутри. Никогда, в то время как по статистике должен ездить на нем так же часто, как и на любом другом лифте в здании.

Было время, когда Дэвид удивлялся, не обнаружил ли кто-нибудь еще это надругательство над законами статистики. Однако он давно уже понял, что лишь немногие люди увлекаются очарованием чисел и вероятностей, которые управляют вселенной.

"Это лишь числа", — вздохнет Джена, когда увидит его подкидывающим монетку. — "Это надписи на листочке бумаги, Дэвид. Но если ты хочешь увидеть кое-что по-настоящему реальное..."

Затем она засмеется, и смех заденет животное, сидящее глубоко внутри. В углу, где обитают только примитивные инстинкты — пища, секс и кровь. Где числа совсем ничего не значат. И этот смех он будет вспоминать каждый раз, пытаясь рассказать кому-нибудь об аномалии лифта номер семь. Так что он хранил этот странный факт для себя и продолжал собирать статистику.

Дэвид хмурился, рассматривая, как индикатор над полированными металлическими дверями номера семь отражает его передвижения тридцатью этажами выше. Лифт быстро двигался вниз в вестибюль, и Дэвид начал тихо паниковать, видя, как его личное чудо развеивается у него на глазах.

"Нет", — шептал он.

И, словно бы отвечая на его мольбы, лифт номер семь замедлился и остановился этажом выше, предлагая другому лифту отметить звонком свое появление в вестибюле.

Толпа офисных служащих двинулась вперед, и Дэвид позволил ей нести себя к лифту.

"Нет..."

Его собственный голос прозвучал тревожным звонком, и что-то неопределенно знакомое шевельнулось в темных глубинах сознания. Он все еще хмурился, когда лифт наконец заполнился, и двери начали закрываться.

— Доброе утро, Дэвид.

Приветствие прозвучало из толпы за его спиной, и раздражение, с которым оно было сказано, ясно давало понять, что его произносят уже не в первый раз.

Он повернулся; из толпы выскользнула рука и использовала его локоть как якорь. Мгновением позже появилась кислая улыбка Уэлсли Марша, а за ней возникло его длинное и угловатое тело, когда он наконец пробрался к дверям.

Марш пришел в компанию "Фентон и Фентон" в тот же день, что и Дэвид, хотя он ни в коем случае не был недавним выпускником колледжа. На самом деле он закончил учебное заведение "Лига Плюща" десятью годами раньше и начал типичную карьеру посредственности, постоянно требовавшей дополнительных вложений от богатой семьи из Бостона. Уэлсли и Дэвид работали в отделе математического моделирования инвестиций и стали товарищами по оружию, несмотря на различие в темпераменте.

— Прекрасное утро, как ты считаешь? — усмехнулся Уэлсли, глядя как вода стекает вниз по его плащу.

— Просто восхитительное, — согласился Дэвид. — Что-нибудь случилось, Уэлсли? Сегодня дождливое утро понедельника, а ты в опасной близости от того, чтобы оказаться на работе вовремя.

— Помочь мне уже невозможно, — резко ответил Уэлсли. — Мне не везло весь уик-энд, и в результате некому было задержать меня в постели. Одно к одному, тоска зеленая. А я всегда утверждал, что пока я в депрессии...

— ...Тебе все равно где находиться, можно даже и в священных залах "Фентон и Фентон"... — закончил Дэвид с важным кивком.

Лифт начал взбираться на двадцатый этаж здания, и Уэлсли завел детальный рассказ о своих любовных неудачах в этот уик-энд, не обращая внимания на растущее неудовольствие немолодой дамы, стоявшей рядом с ними. Но Дэвид лишь кивал в подходящих местах, его выбило из колеи настойчивое эхо собственного голоса.

Нет...

Неожиданно ему стало еще холоднее, чем после дождя, и он вздрогнул, уловив лишь первый проблеск того, что пряталось в тени его личного маленького чуда.

Возможно, чудо - это то, что откроется только тому, кто одержим красотой математики и музыкой уравнений, определяющих реальность. Должно быть, чудо - это понятие, доступное человеку, живущему на краю этой реальности.

Время ланча уже почти наступило, когда Уэлсли с размахом шлепнул по клавише Enter на клавиатуре своего компьютера.

— Ты никогда не удивлялся, Дэвид? — спросил он, откинувшись в своем кресле с задумчивым выражением на

лице. — Ты не задумывался, какие деньги делают с помощью маленьких математических моделей, которые мы создаем? Или, что важнее, какие глобальные финансовые изменения завязаны с маленькими цифрами на мониторе?

Услышав свое имя, Дэвид оторвался от компьютера, но прошло несколько секунд, пока вопрос добрался до того угла мозга, который заведовал ответами.

— Деньги — это еще не все, — наконец произнес он.

— Нет. Но на них можно купить много всего. — Уэлсли ткнул еще в одну клавишу на клавиатуре и выскочил из кресла.

— Пойдем, — Он наклонился над плечом Дэвида. — Что скажешь, если мы сбежим пораньше пожевать что-нибудь? Я слышал о небольшом местечке на Девяносто Первой улице, где все официантки носят форму, сквозь которую видна грудь.

Дэвид продолжал смотреть в экран, загипнотизированный колонкой медленно меняющихся чисел.

— Послушай, Дэвид. Во-первых, кто обращает внимание на лифты? Дверь открывается, ты входишь внутрь в надежде, что там есть симпатичная девица. А во-вторых, какое это имеет значение?

Дэвид вернулся к компьютеру.

Это имеет значение, потому что нарушается теория вероятности, — упрямо произнес он. — Это имеет значение, поскольку что-то, что не должно происходить, происходит, и этому должно быть объяснение.

Уэлсли долго смотрел на своего друга а затем опустился на стул рядом с ним.

— Все в порядке, — неохотно произнес он. — Я знаю, что буду раскаиваться, но расскажи мне об этой загадке.

Дэвид на мгновение поджал губы, дожидаясь, пока пропадет эхо от последнего смеха Джены, а затем нажал несколько клавиш на клавиатуре.

— Это просто обычный расчет вероятности, — на-

— Лифтов? - Уэлсли застыл от удивления. - Я говорю о сиськах, а ты - о лифтах?

— Почему бы тебе не пойти без меня, Уэлсли? — наконец пробормотал он. — Может быть, я подойду попозже...

Выпрямляясь, Уэлсли нетерпеливо прищелкнул:

— Дэвид, над чем ты работаешь? Что может быть важнее ланча и бюстов?

— Это совсем не груди, Уэлсли, — Дэвид поправил его отсутствующим тоном. — Это простые вероятности.

— Вероятности? — Уэлсли начал улыбаться. — Вероятности чего? Того, что меня уложит в постель силиконовая псевдогрудь? Того, что мы получим ланч?

— Лифтов, — ответил Дэвид, никак не отреагировав на его улыбку.

— Лифтов? — Уэлсли застыл от удивления. — Я говорю о сиськах, а ты — о лифтах?

— Я серьезно, — настаивал Дэвид, вращаясь на стуле. — Скажи, ты ездил на каждом из лифтов в нашем здании одинаковое число раз?

— Дэвид... — Уэлсли помотал головой.

— Подумай, — настаивал Дэвид. — Нет ли такого, на котором ты вообще не ездил?

Уэлсли издал болезненный звук.

чал он, когда на экране появился новый ряд чисел. — Ты принимаешь за аксиому, что каждый лифт спускается в вестибюль, когда ты там находишься, с равной вероятностью. И пока лифты работают, эта вероятность сохраняется. Тогда шансы одного из лифтов никогда не появиться, просто равны нулю. Это нарушало бы закон больших чисел.

— Ближе к делу, — отрубил Уэлсли. — Там грудки ждут...

Дэвид прикусил губу и продолжил:

— Ты ведь понимаешь, Уэлсли, насколько это просто. Но числа иногда ведут себя просто ... невозможно. Он тряхнул головой, словно его не устроил собственный выбор слов.

— Я слежу за движением лифтов с первого дня в этом здании. — Дэвид кивнул, указав на экран компьютера. — Сегодня утром был 184-день эксперимента. Это число означает количество ожиданий лифтов за время моей работы здесь. И все 184 попытки один конкретный лифт не появлялся. Получается простое уравнение: вероятность того, что один лифт из семи не приходит, возведенная в 184-ю степень.

Он нажал на еще одну клавишу и откинулся назад, когда на экране появился результат.

-Триллион к одному, Уэлсли.— Дэвид нахмурился и мотнул головой. — Вероятность того, что происходит — один к триллиону.

Наступила небольшая пауза, а затем Уэлсли упал со стула от взрыва искреннего смеха.

— Дэвид, — сказал он, переводя дыхание, — Ты удивителен. Я это допускаю.

— Черт тебя побери, Уэлсли. Я серьезно.

— Я знаю, друг мой. — Уэлсли сделал паузу, чтобы вытереть слезы с глаз. — Но для человека настолько влюбленного в числа, у тебя есть один смертельный изъян. — Смех прорвался снова, и ему потребовалось несколько секунд, чтобы его задушить.

— Что ты хочешь сказать? — наседал Дэвид. — Я сделал ошибку?

— Нет, Дэвид, — ответил Уэлсли. — Я говорю, что ты не умеешь считать. Видишь ли, в этом здании всего *шесть* лифтов...

Джена стояла в конце платформы, когда он наконец вышел из поезда. Дождь решил снова пойти вечером, и вокруг каждого источника света на платформе образовался светящийся туманный ореол.

— Дэвид? — спросила Джена, когда он пошел к ней. — Ты ужасно выглядишь. С тобой все в порядке?

Дэвид закрыл глаза, чувствуя тепло ее руки на своем затылке.

— Просто был трудный день, — ответил он слабым голосом.

— Пойдем, — нахмурилась она. — Давай доберемся домой и съедим что-нибудь. Ты выглядишь, словно увидел привидение.

При этих словах Дэвид вздрогнул, вжимаясь лицом в тепло ее шеи. Его язык двинулся по ее коже, и он вдруг почувствовал острую свежесть синяка, оставшегося после их занятий любовью накануне ночью.

— Дэвид, — прервала его Джена мгновением позже, вытаскивая его лицо на свет. — Мы стоим в центре железнодорожной станции.

Сегодня что-то случилось. Или, точнее... что-то происходит каждый день последние два с половиной месяца.

Дэвид долго стоял в холле двадцатого этажа, как островок среди вечернего потока служащих, спешащих домой. Несколько раз он слышал, как его звали из проходившей мимо толпы, но не настолько громко, чтобы нарушить его медитацию у полированных металлических дверей лифта номер семь.

Как видение может так искусно поймать в свои сети в повседневной жизни? И почему такое? Почему не розовые слоны или всадник без головы?

Потому что оно твое.

Дэвид подпрыгнул, когда в его голове возник ответ. Это, естественно, имело смысл. Он был не таким человеком, чтобы поверить в то, что лежит за пределами вероятности. Не бывает розовых слонов или всадников без головы, но лифты-то бывают...

Он стоял, пока в холлах не воцарилась тишина, пытаясь вычислить тот момент, когда он пересек невидимую границу безумия.

— Нет законов... — начал было Дэвид, но заметил выражение ее глаз и осекся. — Это потому, что я чувствую себя опустошенным. Сегодня что-то случилось. Или, точнее... что-то происходит каждый день последние два с половиной месяца.

— О чем ты говоришь? — Джена пыталась посмотреть ему в глаза. — Что тебя так расстроило? Боже, нет ли у тебя жара..?

Дэвид устало качнул головой, позволив ей взять его за руку и отвести к машине.

— Нет, Джена, — его голос был далеким и равнодушным. — Но я видел призрак.

Джена решила остановиться перед зданием, где не было стоянки. Она наблюдала, как Дэвид смотрит из окна пассажира, долго сжимая ручку двери перед тем, как вылезти.

— Мы не можем припарковаться здесь, — сказал Дэвид не отрываясь от окна.

— Уже за полночь, — ответила Джена, открывая дверь. — Никого это не касается.

Дэвид ждал на тротуаре, пока она обойдет вокруг машины, и на его лице отразилась неуверенность.

— Может быть... — он тряхнул головой, когда взглянул на темные окна здания. — Может, это дурацкая идея? Может быть, мне просто нужен отпуск...

— Нет, Дэвид, — мягко сказала Джена. — Это поселилось у тебя в голове. Тебе, как и мне, это хорошо известно. — Она взяла его за руку и направила ко входу.

Их шаги по влажному тротуару отзывались эхом, отражаясь от здания и возвращаясь обратно, словно марш невидимой толпы. Охранник в дверях поднял взгляд из-за журнала, всего за секунду решив, что они не представляют угрозы.

— Меня зовут Дэвид Тьюринг, — сказал Дэвид, подойдя к столу охраны. — Из "Фентон и Фентон". Мне нужно забрать некоторые бумаги из моего офиса.

Дэвид расписался в гроссбухе и заметил любопытный взгляд, брошенный охранником на Джену.

шепотом. — Я не знаю, насколько это может быть важно. Что это может означать, когда я обогну угол и увижу семь, а ты увидишь шесть? Будет ли это означать, что я сошел с ума?

Джена тряхнула головой и отвернулась, чтобы скрыть шквал эмоций на своем лице.

— Я не знаю, что это означает, Дэвид, — сказала она, сжав пальцы в кулаки. — Но я знаю, что тебе в любом случае надо это увидеть.

Она отвела его за угол, остановившись в середине лифтового холла. Полированные металлические двери тускло сияли при приглушенном свете, отражая размытые образы мужчины и женщины.

Дэвид закрыл глаза, не желая видеть свое искаженное отражение в дверях лифта номер семь.

— Сколько, Дэвид? — медленно спросила Джена. — Открой глаза и скажи мне, сколько лифтов ты видишь?

Дэвид сглотнул и открыл глаза. Отчаяние в ее голосе стало последней соломинкой, и он принял решение.

— Шесть, — спокойно солгал он. — Только шесть.

Моя невеста, — произнес он. — Ей надо расписаться?

Охранник отрицательно покачал головой и вернулся к своему журналу.

Дэвид подошел к Джене, чувствуя себя неуютно от громкого эха от его собственных шагов, звенящих по полу в пустом вестибюле.

— И где эти проклятые лифты? — с напускной храбростью спросила Джена.

— За углом, — кивнул Дэвид, продолжая смотреть на черные прожилки в мраморе у своих ног.

Почувствовав сопротивление, Джена подвинулась ближе, чтобы заглянуть в его глаза.

— Пойдем, Дэвид. Давай закончим с этим, а затем отправимся домой и будем всю ночь заниматься любовью. Ты не можешь позволить, чтобы какая-то галлюцинация захватила власть над тобой.

Неожиданно Дэвид засмеялся, откинув голову.

— Но это точка отсчета, Джена, — Он быстро остановился, оглянувшись на охранника. Затем продолжил

Джена мгновение тяжело смотрела на него, а затем испустила тихий выдох облегчения.

— Благодарение Господу. — Она медленно обернулась кругом, осматривая двери с другой стороны. — Скажи мне, где ты подумал, что видишь седьмой лифт? Выглядит так, что здесь нет места для миража...

Дэвид сжал руку в кулак, ткнув в сторону дверей лифта номер семь.

Джена посмотрела в этом направлении, приблизив лицо к здоровенной плите темно-желтого мрамора, покрывавшей стену.

— Здесь? — спросила она через плечо.

— Здесь, — ответил Дэвид, повернувшись, чтобы увидеть отражение ее лица в дверях воображаемого лифта. Затем его взгляд упал на индикатор над дверьми, и он почувствовал спазм в желудке, словно тот завязали узлом.

Лифт номер семь двигался вниз с пятнадцатого этажа, снижая скорость при приближении к вестибюлю.

После дюжины бешеных ударов сердца Дэвид застыл.

Часть его хотела подождать, чтобы видение появилось, пока с ним Джена. Но другая его часть неожиданно испугалась, словно бы в фокусе оказалась другая сторона ночного кошмара.

Что, если присутствие несуществующего лифта было лишь первым элементом в длинной цепи обстоятельств? Вероятность была привязана к реальности, и у каждого безумия должна быть своя причина...

Дэвид заторопился по вестибюлю, подхватив Джену под руку.

— Пойдем, — резко сказал он. — Мы достаточно увидели.

Он вытащил ее обратно в ночь, все время слыша, как звонок седьмого лифта звенит за спиной. Когда они вышли на улицу под мелкий дождь, Джена высвободилась из его хватки. Она повернулась, подозрительно глядя на него.

— Дэвид ... ты уверен, что с тобой все в порядке? Для меня нет разницы, если ты ... — Она подобрала правильные слова. — Если тебе нужна помощь. Я люблю тебя, Дэвид...

Дэвид наполнил свои легкие тяжелым воздухом и улыбнулся, почувствовав, что с его плеч свалился груз неуверенности. Теперь он знал, что нужно сделать, чтобы положить конец его кошмару. Возможно, он знал это с самого первого дня, и это было лишь вопросом времени.

Что главное в замке без ключа или в никогда не открывающейся двери? Ему надо проехать на лифте номер семь и надо сделать это в одиночку. В этом и заключалась причина всего.

— Дэвид, я люблю тебя...

— Я знаю, Джена, — ответил он тихо. — Но мне не нужно лечения. Я обещаю. Ты — единственное лекарство, которое мне сегодня необходимо.

Была уже середина дня, когда Уэлсли заметил, что Дэвид смотрит в окно компьютерного зала. Наконец вернулось солнце, заставив город сиять, словно только что вымытый автомобиль.

— Где тебя черти носили весь день, Дэвид? — Уэлсли бесцеремонно плюхнулся на ближайший стул.

— Прости, — Дэвид ответил кивком и неохотно отвернулся от окна. — Я полагаю, что сегодня от меня будет немного пользы для "Фентона и Фентона".

Уэлсли засмеялся и положил ноги на край стола.

— Не тревожься об этих ублюдках. — Он понизил голос до театрального шепота. — Знаешь, я слышал, что наша милая пара Фентонов на самом деле — пара восьмидесятилетних стариков, играющих в гольф во Флориде. И во плоти их здесь нет. Его брови двигались с обычной энергией, но глаза сузились, когда он разглядывал собеседника.

— Ты не переволновался после своего столкновения со странным, Дэвид? Я говорю тебе, исходя из собственного опыта, что один пропавший лифт еще не делает человека лунатиком.

Дэвид медленно улыбнулся. Методы Уэлсли своей тонкостью напоминали удар в пах, но его намерения были хорошими.

— Я знаю, что не сошел с ума, — сказал он. — Но я иногда удивляюсь...

— Вот это — ошибка, Дэвид, — серьезно произнес Уэлсли. — Удивление может привести только к ненужным вопросам, а в следующий момент ты обнаружишь, что разговариваешь с Богом ... или еще с кем-нибудь без чувства юмора. — Он вскочил с кресла, словно собираясь уйти.

Дэвид снова улыбнулся и повернулся обратно к окну.

— Но у всего должна быть причина, не так ли, Уэлсли? Я имею в виду, даже у такого явления, как галлюцинация. Это может быть причудой природы, но у всего есть начало ... и есть конец.

— Подожди минуточку... — Уэлсли поднял руки, сдаваясь. — Во-первых, я не понимаю, почему природа не проделывает таких штучек с остальными из нас. Я знаю, у меня тоже должна быть доля. А во-вторых, это ... становится странной дискуссией, Дэвид. Почему ты не хочешь уйти пораньше? Пойдем отсюда и заглянем в несколько баров. Я слышал о местечке на Тридцать третьей, где официантки...

Что, если присутствие несуществующего лифта было лишь первым элементом в длинной цепи обстоятельств? Вероятность была привязана к реальности, и у каждого безумия должна быть своя причина...

— Может завтра, — мягко прервал Дэвид. — Сегодня у меня еще есть несколько дел.

Уэлсли посмотрел на него и пожал плечами.

— В таком случае, — сказал Уэлсли, собирая свой плащ, — Я уйду рано. Если кто-нибудь меня спросит, скажи им... — В тишине он дошел до двери. — По здравому размышлению, я не думаю, что меня хоть кто-то хватится...

— До свидания, Уэлсли.

Дэвид подождал, пока за Уэлсли не закроется дверь, и подошел к телефону. Джена подняла трубку на втором гудке; после того, как она его узнала, в ее голосе послышалось беспокойство.

— Почему ты хочешь сегодня работать допоздна, Дэвид? Я не думаю, что тебе следует быть там в одиночестве...

— Продолжай, малыш, — мягко проворчал Дэвид. — Я думал, что вчера мы все выяснили.

— Неужели? — медленно спросила она. — Скажи мне это, и я больше не буду тревожиться.

— Это так, — ответил он, поворачивая кресло так, чтобы видеть часы на стене.

Без десяти пять.

— Я собираюсь уйти около девяти. Ты не заберешь меня внизу?

После паузы Джена произнесла — Я люблю тебя, Дэвид. Увидимся в девять.

— Я люблю тебя, — эхом повторил Дэвид, осторожно кладя телефонную трубку на рычаг, словно боясь, что громкий звук может проколоть пузырь его решения.

Он откинулся на спинку стула, и его глаза, сфокусировавшись на часах, следили за медленным бегом секундной стрелки. Спустя несколько минут, дневная толпа заполнит все холлы. Дэвид рассчитал, что здание полностью опустеет к девяти часам, и после этого он останется наедине с лифтом номер семь. Может быть, когда они будут одни, он приедет за ним, как накануне ночью.

Это будет вторым элементом в невидимой логической цепи. Одиночество. Дэвид потратил большую часть оставшегося времени, размышляя над тем, каким же будет третий.

Он видел в дверях искаженное отражение своего лица со смятенным выражением на нем. И в этот момент Дэвид понял.

Дэвид долго стоял в полутемном лифтовом холле на двадцатом этаже. Перед ним, словно издеваясь, горела кнопка вызова.

Наконец он сделал шаг вперед, стряхнув пот с ладони, и нажал на нее. Он оглянулся через плечо, глядя на индикаторы остальных лифтов и размышляя о том, сколько настоящих ему придется отослать пустыми до того, как фантом остановится перед ним.

Но сейчас только индикатор лифта номер семь указывал на движение, словно бы у него было специальное соглашение с шестью его отражениями в реальном мире. Дэвид прижал дрожащую руку к дверям седьмого лифта, сдерживая дыхание, когда сквозь холодный металл почувствовал слабый грохот несуществующего механизма.

Он видел в дверях искаженное отражение своего лица со смятенным выражением на нем. И в этот момент Дэвид понял.

Видение предназначалось для него одного, но было необходимо, чтобы он поверил. Есть люди, которые могут поверить в розовых слонов или во всадника без головы, но Дэвид Тьюринг — не из их числа. Билетом для него стал лифт, а приманкой — намек о вероятности один к триллиону. Все было рассчитано таким образом, чтобы привести его сюда, и чтобы он совершил эту поездку в одиночестве, как если бы он был составной частью огромного вывиха на ткани природы.

А не увидит ли он по ту сторону металлических дверей самого Господа? При этой мысли Дэвид рефлекторно помотал головой, мигая, когда индикатор седьмого лифта показал, что тот поднимается с нижних этажей.

Десятый... пятнадцатый... восемнадцатый..., и он замедлился, останавливаясь на двадцатом.

Дэвид закрыл глаза и сжал кулаки, когда из-за дверей донесся приглушенный звук механизма. Затем раздался предупреждающий звонок, прозвеневший в его голове, словно колокол.

Он подавил желание повернуться и убежать и затаил дыхание, когда услышал звук медленно открывающейся двери.

И избавь меня от Лукавого.

Молитва неожиданно выскочила из уголка детских страхов, и слова настолько удивили его, что он открыл глаза.

Перед собой он увидел интерьер обычного лифта, во всем идентичного остальным лифтам в этом здании. Стены были обшиты пластиком под дерево, свет над головой пробивался сквозь пластиковый потолок. Совсем не похоже на видение Небес или Ада.

Дэвид выдохнул воздух, оставшийся у него в легких, и двинулся внутрь.

Справа от входа была панель с обычным комплектом кнопок; та, что указывала на двадцатый этаж, горела ярче остальных.

Сначала было смятение. Он не мог понять, почему чудо произошло только затем, чтобы показать ему внутренности обычного лифта. Но затем Дэвид припомнил свою собственную логику. Присутствие фантома было только первым элементом. Использование фантома будет вторым.

Мгновение он колебался, его глаза сузились, пока в голове проносились вычисления. Дэвид сунул руку в карман, вспоминая дневное соотношение орлов и решек. Шестьдесят три цента сдачи, два листочка бумаги и пластинка жевательной резинки. Он пересчитал содержимое, сунул его в карман и шагнул внутрь лифта.

— Джена. — Дэвид участливо протянул руку, когда увидел, как между ее пальцев течет кровь. — Тебе не следовало меня отталкивать...

Я только что прошел сквозь стену, подумал Дэвид, поворачиваясь, чтобы посмотреть на пустой холл.

Но сердце все еще билось в его груди, и пот все еще тек под его одеждой, сохраняя веру в то, что реальность продолжается.

Он нажал на кнопку главного вестибюля и откинулся на заднюю стенку, ощущая неуловимый комфорт от того, что за его спиной есть что-то твердое. Двери подождали мгновение перед тем, как закрыться, и затем начал работать механизм фантома. При начале движения его желудок сжался, но все быстро вернулось на круги своя, когда чудо повело себя как обычный лифт.

Прижавшись к стене, Дэвид стоял всю недолгую вечность поездки, затаив дыхание в ожидании того, что должно произойти. Но лифт предложил мягкий спуск, а в момент прибытия — небольшой толчок.

Двери открылись, показав ему знакомые тени на мраморе в главном вестибюле фирмы “Фентон и Фентон”.

Дэвид снова заколебался, но теперь неуверенность сопровождалась растущим чувством облегчения. Он перешел порог лифта, получая удовольствие от гладкости мрамора под ногами. Быстро осмотрел вестибюль, отыскивая детали, показывающие его возвращение в норму. Справа на стене был список арендаторов, в одном углу было все то же чахлое дерево в горшке, в другом — пустое ведро.

Все было в порядке, так же как и до того, как он вошел в лифт номер семь на двадцатом этаже. Он затаил дыхание, во второй раз вынул содержимое карманов и снова обнаружил там шестьдесят три цента, два листочка бумаги и пластинку жевательной резинки.

Дэвид прошел несколько шагов по вестибюлю, добравшись до конторки охраны. Тот же охранник отвлекся от журнала, нахмурившись оттого, что его прервали. Когда Дэвид обернулся, лифт номер семь исчез.

Он тяжело вздохнул от такого тихого исчезновения фантома. Откуда-то появилось холодное чувство сомнения, движимое лавиной его собственной логики.

Могло ли все это оказаться бессмысленным? Маленькая дырка в ткани реальности, видимая лишь ему одному?

Дэвид еще раз взглянул на стену, где всегда были двери лифта номер семь. Затем он заторопился через вестибюль, выскочив в прохладу вечера.

Он не понял того, что произошло, и того, почему для этого выбрали именно его. Теперь имело значение только то, что он встретил свой вызов и отправил его обратно в королевство полузабытых снов. Он сыграл со вселенной в игру и ... выиграл.

Дэвид лишь на мгновение заколебался, затем пересек тротуар по направлению к стоявшей на обочине машине Джены.

— Дэвид? — она улыбнулась, когда он тяжело уселся в кресло рядом с ней. — Эй, что это ? — Она засмеялась, когда его руки начали неуклюже бродить спереди по ее платью.

— Это любовь, — выдохнул он, быстро ее целуя. —

Это просто новое рождение... — Он снова поцеловал ее, на этот раз медленно и страстно.

— Дэвид... ты можешь подождать, пока мы не доедем до дома? Что если кто-нибудь пройдет мимо...

Но его губы накрыли ее до того, как девушка успела закончить. Она издала негромкий стон, когда его язык двинулся вниз по шее, а рука погладила бедро, и снова застонала, чувствуя, как зубы прокусывают ее кожу, а затем вскрикнула.

Джена откинулась спиной на дверь машины, изумленно глядя на Дэвида и прижимая руку к ранке на шее.

— Что ты сделал? — ошарашенно спросила она. — Ты по-настоящему меня укусил...

— Джена. — Дэвид участливо протянул руку, когда увидел, как между ее пальцев течет кровь. — Тебе не следовало меня отталкивать...

— Не следовало отталкивать? — Ее голос стал глуше, поскольку боль начала чувствоваться. — Ты ранил меня, Дэвид. Ты намеренно ранил меня...

крылась дверь, и она вывалилась на улицу.

— Отстань от меня, — прошипела она, отползая от машины спиной вперед. — Отстань...

— Джена... — Дэвид пошел за ней в дождь, его зрение было затуманено, и сердце забилось от предчувствия правды.

— Кто-нибудь, помогите! — закричала девушка, но затем ее голова начала клонится на бок. Жизнь вытекала через рану в шее, и сознание покидало ее.

Дэвид неожиданно повернулся, почувствовав чей-то взгляд. Из здания выбежал охранник и увидел сквозь туман тело Джены, съежившееся на блестящем тротуаре.

— Эй, парень. Стой, где стоишь...

Но новый инстинкт уже отдавал приказы. Дэвид побежал, дождь заливал его глаза, сквозь подошвы своих ботинок он чувствовал твердую почву. Он бежал к спасительной темноте. Он бежал, пока голод не ослабил его. Он бежал до того, пока не узнал правду.

Все изменилось. Он нашел дверь в странный новый мир, где кровь женщин и влечение мужчин были по разные стороны баррикад.

— Нет, Джена. — Дэвид тряхнул головой, когда она отпрянула от его руки. Он пробежал языком по острым, как иглы, клыкам. — Мне сейчас нужно лишь немного, малыш. Лишь немного...

— Что тебе нужно, Дэвид? — Джена с недоверием посмотрела на руку, которую отняла от раны. Кисть руки была покрыта теплой жидкостью, и она чувствовала влагу там, где она капала на платье. — Тебе нужна кровь? О Боже...

Она повернула руку другой стороной, закрываясь ей словно распятием.

— Ты сошел с ума, — сказала она. Ее слова звучали глуше, пока она боролась с ручкой двери. — Ты сошел с ума...

Дэвид вздрогнул, когда увидел в ее глазах отвращение. Отвращение там, где должно быть влечение, подобное его собственному. Он все еще чувствовал ее вкус на языке, и сплетение его собственных эмоций сделало его бессловесным.

— Джена, пожалуйста...

Он снова привлек ее, но она закричала с такой силой, что из раны снова выплеснулась кровь. За ее спиной от-

Он сам и был третьим элементом. Несмотря на убедительное сходство всего вокруг, несмотря на шестьдесят три цента у него в кармане, все изменилось. Он нашел дверь в странный новый мир, где кровь женщин и влечение мужчин были по разные стороны баррикад.

Когда он больше не мог бежать, он остановился в аллее и, прислонясь к стене, чтобы восстановить дыхание, попытался осознать происшедшее. Голод мучил его все сильнее, становясь болью, которая начиналась где-то глубоко внутри. У него во рту еще оставалось что-то, дразнящий запах свежей крови Джены.

Что это — проклятие или ответ на молитву?

Дэвид смотрел сквозь темные стены аллеи на разгорающееся небо. Он не знал ответа на свой собственный вопрос и, возможно, никогда не узнает. Но теперь главным был голод, и он уже слышал звук шагов ни о чем не подозревающей жертвы.

Перевод: В. Обручев

THE THIRD EFFECT by Edward F. Shaver. (C) 1989 by Edward F.Shaver.
Публикуется с разрешения автора
и агентства Александра Корженевского (Россия).
Первая публикация в Fantasy and Science Fiction Magazine, 1989.

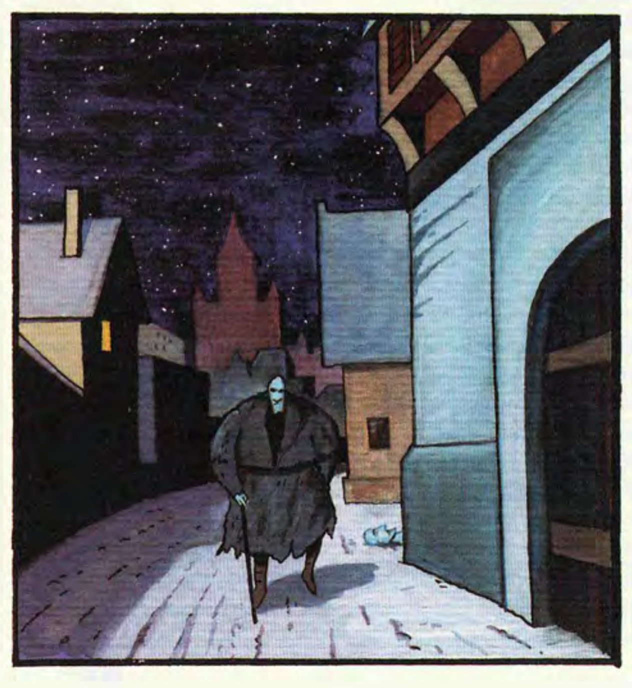

АЛИМ ВЕЛИТОВ "СЛЕПОЙ"
CASTERMAN

ЭЙ, ТРАКТИРЩИК! ДУМАЕШЬ Я ИДУ В ТВОЙ ПОГАНЫЙ ТРАКТИР?
CASTERM

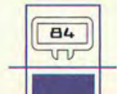

ОШИБАЕШЬСЯ! У МЕНЯ СВОИ ХАРЧИ ИМЕЮТСЯ! ПОНЯЛ?

ХРУМП

СЛЕПОЙ РЭЙ СОВСЕМ РЕХНУЛСЯ.
ХА
ХА ХА ХА ХА ХА

1

НЕГОДНЫЕ ВОРЫ! УБИРАЙТЕСЬ ВОН ИЗ МОЕГО ДОМА!

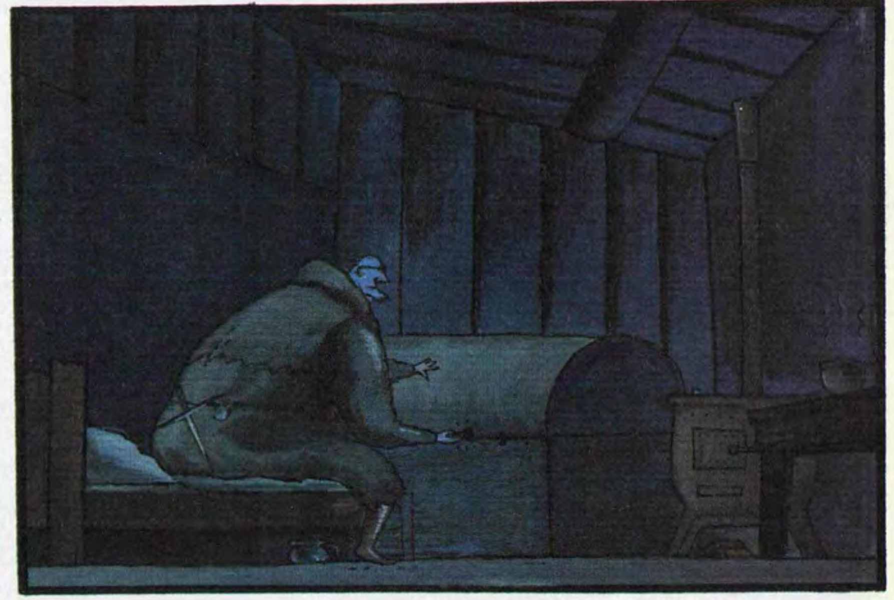

ХОП!
ХОП!
ХОП!

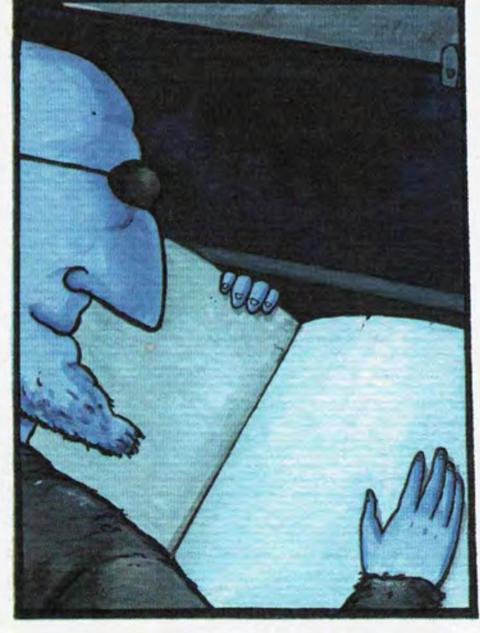

ВИДНО, НИКОГО НЕТ.

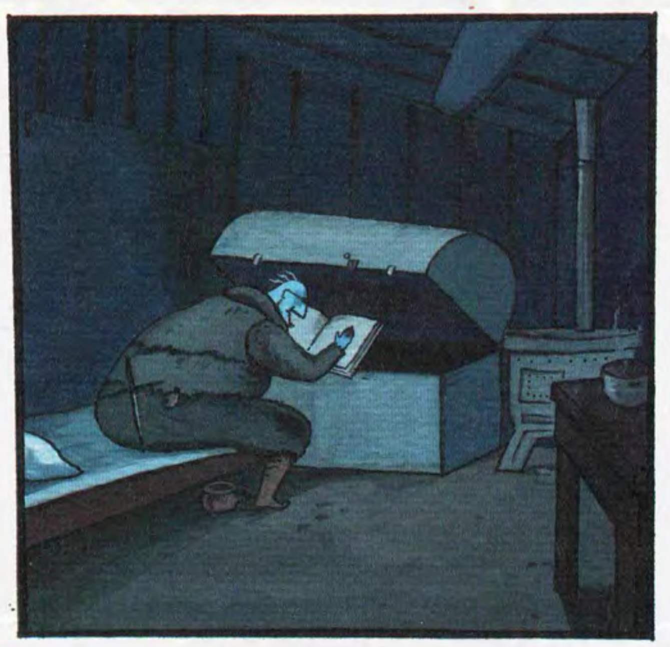

2

Ничего. Скоро я раскрою твой секрет. Надо только долго и терпеливо трудиться.

?

.....

Кого я обманываю? Мне никогда не прочесть рецепт исцеления.

СЭР АРТУР — КОРОЛЬ ФАНТАСТИКИ

ТАТЬЯНА

Представьте себе: волшебным образом вы переместились в Шри-Ланку, в город Коломбо. Вы — на берегу океана, вокруг, практи-)чески, Индия. Тепло, прямо скажем, очень жарко; повсюду тусуются бедные и наглые люди с темным цветом кожи, бурно расцветает уличная торговля вперемешку с попрошайничеством. Между тем, вы на самой приличной улице города, здесь селятся только члены местного правительства и шишки. Без особой надежды вы стучитесь в одну из дверей, вам открывает приятного вида молодой человек. Он с улыбкой проводит вас по шикарному саду в не менее шикарный дом, увенчанный тарелками всех сортов и размеров. Вы внутри; глаз устает отмечать — одно за другим — достижения технического прогресса, расположенные весьма хаотически в комнатах и коридорах дома. Вы хотите увидеть хозяина этого бардака, вы уже слышали его имя в связи с фильмом Стэнли Кубрика «Космическая одиссея», попытками дешифровать язык дельфинов и недавним обнаружением льда на Луне.
И еще вы страшно хотите узнать кто же такой в самом деле этот Артур Кларк?

ПРИКОВАННЫЙ к инвалидному креслу мужчина 83-х лет, принимающий в цейлонской резиденции всех (или почти всех), одетый в гавайку и парео. Он переселился сюда в 1956 году из-за любви к дайвингу. Ну и что такого особенного? Понравилось нырять именно здесь, в Коломбо, наблюдать подводный мир. В одном из интервью Кларк говорит, что все лучшие идеи приходили к нему во время погружения. Теперь наш пенсионер уже не пишет, да и не погружается почти, зато продолжает играть в пинг-понг — очень быстро и жестко, держась одной рукой за край стола. В 80-м году Кларк переболел полиомиелитом, реабилитация далась с трудом, с возрастом постполиосиндром дал прикурить, и вот уже Артур Кларк держит девять симпатичных секретарей, которые помогают ему перебираться из постели в кресло и обратно. Внешний вид секретарей смущает пришлых из большого мира журналистов, сколько не пытается Кларк объяснить им, что здесь вам не там, здесь другая жизнь, иные законы, и только ради них он, знаменитый фантаст и футуролог, перебрался в богом забытое поселение.

ЖУРНАЛИСТАМ хоть кол на голове теши, написали, тупые, в желтой газете «Дейли Миррор», что Артур Кларк — педофил. Публикация эта сильно помешала карьере Кларка (если в его годы уместно говорить о карьере). Ему только хотели вручить титул сэра, как замешкались — негоже, вроде, поощрять развратника такого масштаба (а масштаб в статейке был сильно преувеличен). Кларк расстроился, привлек местную полицию, полиция надавила на правосудие, «Миррор» заплевали всем миром, а Кларку-таки отдали сэра, но с задержкой в пару лет. Совсем недавно, весной этого года, состоялось вручение. Кларк должен был прибыть к королеве, чтобы церемония прошла по всей форме, но по состоянию здоровья (а может — из гонора) никуда не поехал, королева тоже осталась дома, на Шри Ланку выехал стрелочник, он и произвел Кларка в сэры.

НА ПРЯМОЙ вопрос журналиста: *«Вы гей?»* Кларк отвечает: *'I'm merely mildly cheerful' (просто чуть-чуть веселенький)*. Он был женат лишь однажды меньше года в 1953-м на премилой барышне из Флориды, ушедшей в лучший мир несколько лет назад.

РЯДОМ с его рабочим столом чуть ниже фотографии матери висит портрет юноши лет двадцати. Это Лесли, брат его соседа и компаньона по дайвинговому бизнесу Гектора Иканаяке. Лесли погиб, катаясь на велосипеде, одолженном у Кларка. В его честь кларкова обитель зовется Leslie's House.

ЗДЕСЬ — культурный (и думаю, финансовый) центр примодненной шри-ланкийской молодежи. Работать секретарем у Кларка престижно и приятно: *«Недавно я нанял девятого парня специаль-*

но для приема и обработки е-мейлов. Ежедневно мне пишут тысячи фанов, друзей и шизиков.» Журналисты достают его на предмет будущего. Еще бы, однажды (в 1945-м) он предсказал, а точнее, детально описал систему геостационарной спутниковой связи; в фильме **«2001: Космическая одиссея»**, снятом по его сценарию, показал как выглядят орбитальная база (к строительству которой приступили в настоящее время), видеофон, лэптоп и электронная почта. Там же компьютер выигрывает у космонавта в шахматы — не так давно, в самой что ни на есть реальной жизни, хваленый Гарри Каспаров продул IBM'у. В 1947-м Кларк предсказал прилунение 69-го, а в одной из его книг упоминается о лунном льде. Вы будете смеяться, но на Луне действительно нашли лед.

В ДЕТСТВЕ Кларк был прописным знаечкой. Любил всякие железки, собирал кристаллы, сделал себе телескоп. Его мама работала на почте, она научила сына азбуке Морзе. Папа подарил ребенку картинки с динозаврами и тот заболел окаменелостями. Артур скупал все, имеющее отношение к фантастике, а потом стал членом Британского Межпланетного Общества. Во время Второй Мировой он работал на секретном радарном объекте. В журнале Wireless World он опубликовал свои мысли по поводу спутниковой связи (за 12 лет до первого спутника!), получил гонорар 15 баксов и всю оставшуюся жизнь жалел о том, что не запатентовал это открытие. *«Мои технические статьи по большей части печатались в Плейбое»*, — иронизирует над своей непрактичностью Артур Кларк. Но бог мой, как трудно назвать его неудачником. Проза, которую он писал в свободное от службы время, принесла ему славу и деньги. Один из его первых рассказов заинтересовал Стэнли Кубрика, гиганты научно-популярной мысли встретились, их дитя — длинный сценарий «Космической Одиссеи» — вскоре обрел кинематографическую плоть. Фильм стал культовым, а сам Нил Армстронг как-то сказал Кларку, что ему было совсем не страшно прилуняться, ведь он все это видел в «Одиссее» за год до полета.

СМЕШНАЯ история: когда Кларк с Кубриком ударили по рукам на предмет производства «2001», они решили отметить дату распитием спиртных напитков на крыше дома. Забрались, сидят, получают удовольствие, вдруг видят — НЛО. Кошмар, Кларк в тарелки не верит, он написал замечательное обоснование всевозможных имитаций НЛО, но данный объект не подходит ни под какую категорию. Кубрик возбужден, Кларк перепуган: *«Они не хотят, чтобы мы снимали фильм. Они летят за нами.»* Паникеры спускаются домой, смотрят расписание полетов спутников в газете, там ничего нет, звонят в Пентагон, вежливый голос отвечает: *«Ну конечно, дорогие мои, это спутник, а что же еще? Не хотите ли заполнить анкету? Какой формы был объект?»* и т.д. И режиссер, и писатель решили, что это было знамением. Сегодня мы знаем, что знамение это было к большим деньгам.

ДЕНЬГИ Артура Кларка лучше не считать, чтобы не портить себе настроение. Говорят, что он — идейный отец научно-фантастического сериала **«СтарТрек»**, чудовищно популярного с 60-х по сей день. Кларк не находит в ней ничего своего. Производители электроники, признательные за идеи, что густо рассыпаны тут и там по книжкам Кларка, шлют ему новейшие примочки. «Я даже не знаю, для чего они», — признается он шепотом репортеру и тут же гордо называет свою обитель «технооазисом». Далай Лама пишет Кларку письма, зачитываясь его новеллой **«Девять миллиардов имен бога»**, а Том Хэнкс консультируется у него по поводу дайвинга. Да, этот старикан, похоже, нарасхват. С полным правом он может сказать: *«Я больше не даю интервью, потому что мне нечего вам сообщить.»*

ОДНАКО и это еще не конец истории. В настоящий момент сэр Артур, оказавший огромное влияние на то, как выглядит наша жизнь сегодня, занимается предсказанием будущего. *«Я не предсказываю,* — поправляет Кларк, — *я экстраполирую. Всегда отталкиваюсь от уже известного. Большая часть предлагаемого мной давно имеет научное обоснование.»*

ИТАК, ТЕЗИСЫ ЦЕЙЛОНСКОГО ОРАКУЛА:

2002 год. Человечеству улыбнулся широкой улыбкой мирный атом: низкотемпературные ядерные реакторы делают неактуальной нефть. Наступает конец Эры Ископаемого Топлива. Общая истерика и передел мира. Автомобили оснащаются новыми энергетическими установками. (В одном из интервью Кларк обличает тупых американцев, которые и слышать не желают о новом источнике энергии, в то время как опытные образцы уже поступили в продажу, и в России в настоящее время работают до семи тысяч холодных реакторов. Я начинаю любить Кларка, он верит в нас, ребята!)

2004 — узаконено клонирование человека.

2005 — Далай-Лама возвращается в Тибет, а в это время с Марса доставляют первые образцы пород.

2006 — в удивительной стране Индии, где духовность наступает на горло деловитости, таки закрывается последний в мире угольный прииск. Всего 4 года отпустил Кларк на перестройку экономики и сознания, отныне никакого топлива, крома атома.

2008 — в 80-й день рождения Стэнли Кубрику посмертно вручается Оскар. За все.

2009 — очередная хиросима, место действия — Северная Корея. ООН единогласно запрещает ядерное

оружие. Вскоре оно уничтожается. Каким образом — Кларк еще не придумал.

2010 — маленькие квантовые генераторы улавливают космическую энергию. Ты можешь носить их с собой или держать дома и иметь столько энергии, сколько влезет. Электрические станции закрываются, ЛЭП разбирают на сувениры. Плохие новости — правительство контролирует все и вся, хорошие новости — каждый под прицелом, зато нет преступности.

2012 — летают космические самолеты, можно рискнуть жизнью и смотаться к Луне на уикенд.

2013 — из топливных баков «шаттлов» строят отель «Орбитальный Хилтон», как следует из названия, он расположен именно на орбите.

2015 — квантовый генератор делает невозможное возможным: человек контролирует материю на атомном уровне. В итоге золота нагенерили — завались. Свинец и медь стоят несравненно дороже, они нужны для серьезных дел.

2016 — в ходу единственная валюта мегаватт-час. Доллар и рубль почили в бозе.

2017 — свой сотый дэ рэ Артур Кларк справляет в Орбитальном Хилтоне (производители вовремя подкинули таблетки бессмертия). Вопреки собственному правилу «никогда не предсказывать политику», Кларк пишет: *«Китай проводит первые всенародные выборы в парламент»*.

2019 — претворен в жизнь давно обсуждаемый проект Spaceguard (распознавание и отклонение опасных комет/астероидов). А все потому, что на Северный Полюс шлепнулся метеор, никого не убил, но море на Гренландию и Канаду расплескал.

2020 — искусственный интеллект становится похож на человеческий. Он развивается все быстрее и конкурирует, да что греха таить, светочем сияет на фоне нашей тупости.

2021 — первые люди на Марсе попадают в неприятные ситуации (Кларк таинственно замолкает, наверное, это тема следующего бестселлера).

2023 — по ДНК выводят динозавров. Во Флориде открывают Диснеевский Триасик Парк (имеется в виду третичный период). Вначале случаются несчастные случаи, но потом мини-динозаврики заменят злых собак на садовых участках.

2024 — инфракрасные сигналы из центра Млечного Пути. Вроде разумные существа, а чего говорят — не понятно.

2025 — ура! в продаже появляется «Braincap», предшественником которого Кларк считает аудиоплейер. Это металлический шлем, надевающийся на бритую голову. Он симулирует любую реальность, подсоединяет к любой существующей/существовавшей ситуации или личности, он делает тебя знающим и понимающим все, что угодно, он делает невозможной ложь (это выгодно правосудию), он может транслировать твои мысли и чувства (выгодно врачам, им легче ставить диагноз). Повальная депиляция черепов, производство модных париков обогащает. Остается сказать, что «Braincap» возникает благодаря открытиям в области органов чувств: наконец стало ясно, как работают глаза, уши, нос и т.д.

2026 — Сингапур первым вводит закон о Правде в Рекламе.

2036 — Китай делает Америку по валу и стновится супердержавой (но о каком валовой продукте идет речь, если уже 20 лет можно делать любой продукт в любом количестве и все зависит только от работоспособности, а китайцы вэтом отношении ого-го).

2040 — работоспособность тоже идет к черту: Универсальный Репликатор, основанный на нано-технологиях, доведен до совершенства. Буквально из грязи можно делать предметы роскоши и изысканную пищу, достаточно иметь формулу искомого. Работать не надо. Можно (нужно!) развлекаться. Индустрия искусства и радости цветет. Пространства, ранее занимаемые промышленными объектами и плантациями дичают, там можно охотиться. Этоопасный и захватывающий бизнес для молодых и агрессивных. Есть жертвы.

2045 — умный дом обслуживает себя сам: подметает, проветривает, моет все, вплоть до вонючих пепельниц, перемещается и трансформируется по команде хозяина. Он может быть огромным, как замок, или тихим и безлюдным (никаких слуг, да и кого теперь заставишь работать?). Заметьте, впервые аналогичный проект появился в русском фольклоре под названием «izbushka na kooryih nozhkah».

2050 — лозунг дня «Из утопии — прочь!». Всех достала идиллия, нечего делать и нечего желать. Используя замораживание, люди перемещаются в будущее ради призрачного шанса пожить нормальной жизнью среди войн, грабежа и насилия, в поте лица и с андреналинчиком зарабатывая на хлеб.

2051 — стариков модно отправлять на Луну в дома отдыха, где благодаря низкой гравитации они смогут жить дольше (стоп, какие такие старики? А как же нано-технологии, таблетки от старости и обещание самого Артура Кларка присутствовать при своем столетии?)

2057 — 4 октября стукнет 100 лет со дня запуска первого спутника. Вместе с землянами шампанское будут пить жители Луны, Марса, пока не известных широким массам планет Европа, Ганимед и Титан, а также люди и нелюди на орбитах Венеры, Нептуна и Плутона.

2090 — сказка про белого бычка: вновь начинают добывать и сжигать топливо, чтобы восполнить недостаток двуокиси углерода в атмосфере (долгие годы двуокись выделяли из воздуха и делали из нее пищу и вещи).

2095 — появляются реактивные системы с отталкиванием от структуры космического времени (вы понимаете? я — нет) против устаревших ракет. Настоящий «space drive» буквально со скоростью света. Искатели приключений разлетаются по ближним звездным системам, и это только начало.

2100 — точка отсчета, человек расправляет крылья.

Полную версию будущего по Кларку можно прочитать на сайте гонконгского журнала Asiaweek (http://cnn.com/ASIANOW/asiaweek/99/0820/cs2.html).

ДРАКУЛА

Как ни смешно, но страшный трансильванский граф Дракула действительно жил и злодействовал в Центральной Европе в середине XV века. Впрочем, Дракула никогда не был графом. Он был валашским господарем, воеводой, и звался Влад Цепеш. Владом нарек его папа Дракул (Дракон), а Дракулой, то есть Дракончиком, прозвали наследника любезные подданные. Цепеш, по-русски «Прокалыватель», тоже не имя, а прозвище, которое наш бессмертный герой получил за привычку сажать людей на кол. Зрелище умирающих на колу людей веселило его, и он не садился за стол, если поблизости не были слышны вопли казнимых. Кровь Дракула, кажется, не пил, но, когда на зимней охоте у него замерзали ноги, он отогревал их в распоротом животе какого-нибудь слуги. За свою жизнь Дракула истребил примерно 150 тысяч человек, 75 тысяч были убиты просто для забавы. В списке величайших психопатов Европы Влад Цепеш стоит рядом с герцогом Жилем де Ре, другом и соратником Жанны д'Арк, убившем и съевшем около тысячи мальчиков, и венгерской графиней Эржбет Батори, купавшейся в крови девушек, чтобы подольше сохранить молодость и красоту. Румыны до сих пор очень любят своего старого господаря и гордятся его размахом, мудростью и чувством юмора.

А. ПАВЛЕНКО

ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

В литературу Дракула вошёл ещё при жизни, став персонажем нескольких документальных репортажей, переведённых на все языки Европы, включая русский. Особенно выделяется «Повесть о диком, кровожадном берсерке Дракуле Воеводе» Михаэля Бехайма, который имел удовольствие встретиться с Владом Цепешем в 1461 году.

Но настоящим персонажем поп-культуры валашский господарь стал только в конце XIX века, после постановки на сценах лондонских театров сенсационной пьесы Брема Стокера «Дракула». Именно тогда Дракула стал графом и вампиром. Чуть позже мистер Стокер переделал пьесу в роман и обеспечил себе (и его сиятельству Дракуле) бессмертие. В пьесе и романе граф приезжал из далёких Карпат в викторианский Лондон и, усмехаясь в длинные усы, пил кровь молоденьких, романтично настроенных англичанок. Так бы он и продолжал, если бы не доктор Ван Хелсинг. Дракула был загнан и убит благородными учениками доктора-вампиролога, так что финал романа может считаться просто счастливым. Фоном для «Дракулы» стала серия зверских убийств лондонских проституток. Маньяк, условно названный «Джеком-Потрошителем», в отличие от вампира не был пойман, убийства просто прекратились по неизвестной причине.

Прошли годы, и в 1922 году, в разгар моды на мрачное экспрессионистское кино, великий режиссёр Фридрих Вильгельм Мурнау затеял экранизацию романа Брема Стокера. Наследники писателя, как могли, ставили палки в колёса, и в результате Дракула стал зваться граф Орлок, действие переместилось из конца XIX века в его начало, а Лондон был заменён безымянным немецким городом. Вся линия охоты на графа просто выпала из сюжета - вампиру никто не противостоял. Кровосос из «Носферату», ничем не напоминал импозантного графа, посещавшего театры. Это был ходячий труп, жуткий до карикатурности. Вытянутая тощая фигура без плеч, торчащие уши, кривой нос и длинные острые зубы... резкие движения клоуна - право, не знаешь, пугаться или смеяться. Но вокруг этого нелепого персонажа почти зримо распространялась аура смерти. Он входил в освещённый луной город, бежал по улицам со своим гробом под мышкой - и в городе начинал смерти, подобные эпидемии чумы.

«Носферату» произвёл сильное впечатление на пуб-

лику, но, во-первых, его восприятие требовало некоторого умственного усилия, а во-вторых, наступившая в начале тридцатых годов эра звукового кино потребовала новых песен о старом. За обновление и - не побоюсь этого слова - освежение истории о Дракуле взялся англичанин Тед Броунинг, перебравшийся в Голливуд. На этот раз никто не назвал бы кровожадного графа «панком». Дракула приобрёл элегантный венгерский акцент Белы Лугоши и манеры настоящего светского льва. Он изящно носил фрак, цилиндр и черный плащ, и с видимым удовольствием досуха высасывал глупеньких старлеток. Находкой режиссера стал момент, где девочка сладко покоряется демоническому аристократу, а тот склоняется к её нежной шейке... «Дракула» Теда Броунинга не имел почти ничего общего со знаменитым романом, но, тем не менее, очень понравился публике. Броунингу хотелось подражать или, по крайней мере, насладиться сиквелом. Так появились «Дочь Дракулы», «Сын Дракулы» и куча прочих родственников графа.

Облик энигматичного графа в исполнении Белы Лугоши стал на долгие десятилетия эмблемой вампирских фильмов, и только в 1958 году Дракула приобрел совсем другой имидж. Английская студия «Хаммер» затеяла цикл эффектных и дешёвых фильмов ужасов. Начали, естественно, с новой версии «Дракулы». Кристофер Ли сыграл графа, как маньяка, сумасшедшего убийцу с налитыми кровью белками глаз. Плащ аристократа развевался за его спиной, но для тех, с кем он встречался, он был прежде всего опаснейшим извращенцем-некрофилом. Сверхъестественные способности Дракулы делали его ещё опаснее, но не прибавляли ему обаяния. Действие фильмов «Дракула поднялся из могилы», «Дракула, князь тьмы», «Кровь Дракулы», «Невесты Дракулы» и десятков других разворачивалось в середине XIX века в неопределённо- континентальной Европе, отснятой в английской глубинке. Кровь текла ручьями, молнии сверкали в окнах заброшенных замков, а доктор Ван Хелсинг в исполнении Питера Кашинга постепенно превратился в главное действующее лицо. С ловкостью Шерлока Холмса он преследовал бедного вампира из фильма в фильм. Цикл студии «Хаммер» демонстрировал поражённому зрителю кошмарное зрелище поединка двух психопатов - «доброго» маньяка доктора Ван Хелсинга и «злого» садиста Дракулы.

В эпоху рок музыки и хиппи-коммун нью-йоркский художник Энди Ворхол, никогда не упускавший случая прикоснуться к святыням поп-культуры, затеял свою версию вампирского мифа. Режиссурой «Дракулы Энди Ворхола» занялся контркультурщик Пол Мориссии, а хрупкого грустного Дракулу-интеллектуала исполнил Удо Кир, любимец богемы по обе стороны Атлантического океана. В конце фильма его убивал мускулистый красавец-пролетарий Джо Далессандро, один из знаковых персонажей «бархатного подполья» Нью-Йорка.

Носферату неожиданно вернулся на экран в середине семидесятых. Сначала в очень красивом римэйке «Носферату» Вернера Херцога, где в роли нечеловечески печального вампира блеснул гениальный Клаус Кински, а затем в телефильме «Жребий Сайлема» персонаж романа Стивена Кинга был удивительно похож Макса Шрека, исполнителя роли графа Орлака в старом фильме.

Все эти нагромождения различных вариантов истории графа Дракулы вызывали здоровое желание увидеть, наконец, точную экранизацию романа Брема Стокера. Несколько попыток «правдиво» экранизировать «Дракулу» провалились. Но в 1993 году Френсис Форд Коппола всё-таки сделал то, чего все так долго ждали. Отныне граф Дракула носит лицо Гэри Олтмена и спасается бегством от незабываемого Ганнибала Лектера, притворившемся Энтони Хопкинсом в роли доктора Ван Хелсинга!

Но это ещё не конец, потому что в ближайшее время нас ждёт встреча с фильмом «Тень Вампира», в котором нам расскажут о съёмках «Носферату» в 1922 году и откроют страшную тайну - никакого Макса Шрека не было, а роль графа Орлока сыграл самый настоящий вампир! Ого-го!

101000, Москва, Главпочтамт, а/я 652, Фантом

Читатель! Помни, от тебя зависит, как будет развиваться Фантом.
Ответив на наши вопросы письмом, ты, во первых, поможешь сделать журнал таким, каким он тебе будет нравиться, а во-вторых, примешь участие в нашем конкурсе, обнаружив одну фальшивую новость в рубрике «Новости на грани Ф» на обратной стороне страницы, и, возможно, получишь наш Ф-приз. Впрочем, если тебе неохота заморачиваться с письмами, то ответить на вопросы можно и на www.fantom.ru ... но, сам понимаешь, уже без призов...

Что тебе больше нравится: фантастика или фэнтези?

- Фантастика
- Фэнтези
- И то и другое

Какие авторы предпочтительней, русские или иностранные?

- Я читаю только русских!
- Разве в России кто-то пишет фантастику?
- Был бы рассказ хороший, а откуда автор - по барабану.

Нужно ли печатать молодых, не раскрученных авторов?

- Не надо экспериментов за мои деньги!
- Конечно, а где же их еще прочитаешь?

Любишь ли ты читать ужасы?

- Конечно, надо вообще превратить Ф в самый кровавый журнал в мире!
- Ну не знаю ...
- Нет, и без того неприятностей хватает...

Нужны ли в журнале научно-популярные статьи?

- Несомненно, и побольше!
- А зачем? Ну их...

Читаешь ли ты редакционную статью?

- Разумеется.
- Когда как...
- Что я, с дуба рухнул?

Ты пользуешься Интернетом?

- Активно.
- Иногда.
- Как-то руки не доходят...

Какой рассказ больше всего понравился?

Какой рассказ больше всего не понравился?

Какая из «Новостей на грани Ф» фальшивая?

ВНИМАНИЕ!!! В рубрике «Новости на грани Ф» скрывается небольшой подвох. Одна (но только одна!) из новостей - фальшивка, остальные - как бы фантастично они не звучали - самые настоящие. Первым трем читателям, которые вычислят фальшивую новость и пришлют правильный ответ (в анкете есть специальное поле для ответа) будет вручен специальный **Ф-ПРИЗ!!!**

ВЕТРЕНЫЕ КОРОВЫ ИСПОРТИЛИ КЛИМАТ

Британские ученые полагают, что нашли ответ на вопрос, как приостановить глобальное потепление - нужно просто сократить количество газа, который испускают коровы и овцы. Оказывается, домашний скот производит до 25% всего свободного метана в мире. В Великобритании «выхлопы» животных составляют около 1.1 миллиона тонн ежегодно. Однако, как передает Ananova.com, специалисты из центра сельскохозяйственных исследований в Reading University нашли бактерию, которая может расщеплять метан, производимый животными. Теперь ученые предлагают фермерам добавлять эту бактерию в корма. По словам профессора Ричарда Эллиса, именно на этом направлении нужно сконцентрировать усилия по борьбе с глобальным потеплением. «Будет гораздо легче посадить на диету несколько фермеров, чем заставлять 50 миллионов британцев реже пользоваться автомобилями», - считает ученый. Идея, конечно, хорошая - но ведь не исключено, что какие-нибудь экологи-террористы могут воспользоваться новой бактерией и по-другому. Ведь по их данным, 40 тысяч британцев ежегодно умирают именно от автомобильных, а не от коровьих выхлопов, а вдыхание паров бензина и красок приводит к болезни Паркинсона. Если новая бактерия расщепляет метан, то может быть, какая-нибудь из ее родственниц может питаться бензином, а то и просто чистой нефтью? А ну как возьмут ее экотеррористы да и начнут бактериальную войну не с коровами, а с автомобилями?

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА: ПРОСТО УБАВЬ ВОДЫ

Ученые из Техасского университета в городе Остине частично воплотили в жизнь идею Герберта Уэллса, а вернее, его героя из «Человека-невидимки». Им удалось сделать участок кожи подопытной крысы если не невидимым, то, по крайней мере, прозрачным настолько, что стали видны кровеносные сосуды и внутренние органы. Суть метода состоит в том, чтобы избавиться от воды в тканях, которая преломляет и рассеивает свет, в результате чего ткань и выглядит непрозрачной. Ученые ввели подопытным животным препарат на основе глицерина, в результате чего вода была абсорбирована. Пока что глубина прозрачности составляет несколько миллиметров, а длительность действия препарата - около 20 минут. Но это уже считается солидным результатом. В конце концов, что такое полная невидимость? Красивая идея, но не понятно, что с ней делать, кроме как отдать военным. А вот если удастся сделать прозрачной хотя бы кожу, медики смогут без применения скальпеля увидеть, в чем суть проблем больного человека. Правда, пока опыты на людях не проводились - все-таки еще не очень понятно, насколько подобное «обезвоживание» вредит тканям. Быть прозрачным, но мертвым тоже не очень хочется. У Герберта Уэллса все было наоборот.

ВЕЧЕРНИЙ ДОЖДЬ ПО-КИТАЙСКИ ЗАКАЗЫВАЛИ?

Для предотвращения засухи и лесных пожаров Китай планирует самостоятельно делать себе погоду. Китайские власти одобрили идею строительства сети специальных баз, вызывающих дождь, с использованием радаров и специальной обработки облаков авиацией. По словам одного из высокопоставленных китайских метеорологов, амбициозный проект позволит получать на 20% больше дождя на северо-западе Китая, который особенно страдает от засухи. Нужно заметить, что наиболее известная на даный момент «погодная» технология - это распыление специальных химикатов в «сердце» облака, что приводит к формированию кристаллов, которые и провоцируют выпадение снега или дождя. Таким образом, если где-то прошел дождь - то где-то он не прошел. А теперь угадайте, что находится на северо-западе Китая? Аккурат Россия! А ученые между тем предсказывают, что в ближайшие двадцать лет проблема водоснабжения во многих странах будет лишь обостряться. Поэтому не исключено, что что вслед за «нефтяными войнами» нас ждут войны «водяные», и в частности - войны за облака.

МЫШИ У ВАС КАКИЕ-ТО ДЕРГАНЫЕ...

Осенью компания Logitech собирается начать продажу компьютерных «мышей» с эффектом тактильной обратной связи iFeel MouseMan и iFeel Mouse. Новинка позволяет создать у пользователя ощущения текстуры, вибрации, текучести и даже веса. К примеру, когда вы наводите такую мышь на изображение ледяного кубика, пальцы ощущают гладкую поверхность, а в случае картинки с теннисной ракеткой у вас под пальцами возникнет характерная «ребристость», имитирующая текстуру сетки. Пользователь сам может настроить «шкалу ощущений» для собственной мыши. Новое устройство использует технологию компании Immersion, применяющуюся в военных и медицинских симуляторах виртуальной реальности, а также в многочисленных игровых манипуляторах. Правда, идея подключить к виртуальным чувствам еще и осязание нравится не всем. Среди скептиков - компания Microsoft, которая отказалась от выпуска мышей с обратной связью, так как «пользователи находят, что они недостаточно совершенны и только отвлекают». Действительно, представьте - заходите вы на еще не известный сайт, а там нарисованы гвозди и битое стекло...

И ДОРОГАЯ НЕ УЗНАЕТ

Итальянский психолог Джузеппе Чирилло создал «пояс верности XXI века», позволяющий супругам контролировать верность друг друга с помощью микропроцессора, встроенного в трусы. Изобретенный итальянцем «таймер верности» присоединяется к резинке трусов и позволяет записывать, сколько раз трусы снимали и в течение какого времени человек оставался без трусов. По возвращении супруга или супруги из командировки его ревнивая половина может считать данные с прибора и, в случае чего, «выставить счет». «Если трусы были сняты на целый час - нет никакого оправдания», - считает итальянский психолог. В его планах - развитие новой версии «пояса верности», с возможностью мобильного доступа к данным о состоянии трусов супруга/супруги. Новый прибор будет посылать тревожный сигнал на мобильный телефон ревнивой половины в случае, если трусы партнера окажутся снятыми более чем на пять минут. Стоит отметить, что планы эти выглядят довольно мирно по сравнению, например, с планами молодой калифорнийской компании Cyber Group Network. Она разрабатывает устройство под кодовым названием «Чип С-4», которое может не только определить местоположение вашего украденного компьютера где угодно на планете с точностью до пары метров, но и дистанционно уничтожить материнскую плату и жесткий диск. Представляете, что будет, если подобная технология попадет в руки психологу Чирилле, и он добавит к электронному «поясу верности» еще одну функцию под кодовым названием «красная кнопка»? Снял трусы более чем на пять минут - и все, взрыв!

ПОСЛЕДНИЙ УЖАС СТИВЕНА КИНГА

Известный писатель Стивен Кинг, окрыленный успехом своих экспериментов с Интернетом, задумал очередной революционный трюк. Как известно, в настоящее время на сайте www.stephenking.com происходит открытая публикация глав романа «Растения», причем Кинг предлагает каждому читателю проявить честность и добровольно посылать ему 1 доллар за каждую прочитанную главу. Однако мало кто знает, что Кинг начал эту публикацию только после того, как провел интернет-опрос, чтобы выяснить, на что ему рассчитывать. Именно этот опрос и принес Кингу новую идею. В недавнем интервью писатель сообщил, что его следующая книга будет написана... компьютером! В специальном разделе на web-сайте Кинга читатели будут отвечать на вопросы, которые и определят, каковы будут герои, где будет происходить действие, с чего он начнется роман, и т.д. Аналогичные опросы будут происходить после публикации каждой главы. Часть решений программа E-King, созданная поклонниками Кинга из Массачусетского технологического института, будет принимать на основе мнения большинства. Но иногда машина будет совершать и оригинальные ходы (в частности, на основе случайного выбора). Кроме того, псевдо-интеллектуальная программа получит в свое распоряжение тексты всех прошлых работ «мастера ужасов» и так называемый «словарь штампов», т.е. результаты анализа текстов Кинга на предмет выявления наиболее часто употребляемых слов, фраз и сюжетных ходов. Как заявил сам писатель, «если быть честным, каждый из нас в своей жизни пишет всего одну книгу... Мне кажется, я собрал для своей достаточно слов, и я не удивлюсь, если выстроить их мне поможет компьютер.»

АСТОРОЛОГИЯ ЗЛА: ВЫЙДЕШЬ И ЗА КОЗЛА

В конце лета в Индии 4-летняя девочка вышла замуж за собаку. Ритуал был проведен по всем канонам древней индуистской традиции. Дело в том, что отец девочки решил внять указаниям астролога, сообщившего, что только такая свадьба спасет его дочь от злых духов, которые покинут девочку и переселятся в пса. Сама 4-летняя невеста по имени Анью страдает от нескольких тяжелых болезней, а в последнее время умудрилась еще и упасть в пруд, а также сломать кость и сжечь руку в кухне. Отец, Шубал Кармакар, уверен, что совет астролога окажет благотворное действие и негативное влияние Сатурна будет снижено. Свадьба прошла в присутствии нескольких священников и 200-ти жителей в небольшой деревеньке в 60 километрах к северу от Калькутты. В сообщении, правда, не говорится, к какому виду принадлежали «священники» и жители». А ведь никто не знает, первая ли это межвидовая свадьба. Если обратиться к индийской мифологии, то это вполне приемлемая практика. И судя по тому, что имя отца девочки - «Шубал», нельзя исключить на свадьбе медведей, овец и соболей.

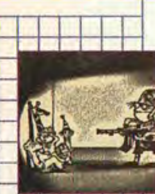

РОГАТКА, СПОРТ НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН

Ассоциация самобытных видов спорта Пиренейского полуострова начала сбор подписей под воззванием «Включить это благородное занятие в программу летней Олимпиады 2004 года», сообщает Интерфакс. Инициаторы подчеркивают, что стрельба из рогатки имеет четкие правила проведения соревнований: стрелять в особые мишени с расстояния 50, 100 и 150 метров. Состязания бывают как личными, так и командными. Реакция Международного Олимпийского комитета пока не известна. Но можно себе представить, что последует дальше в случае положительного решения: любители плеваться жеваной бумагой, кидаться песком и дергать девочек за косички наверняка тоже потребуют считать их олимпийцами.

МАЛЬЧИК, ГДЕ ТВОЯ ЛИЦЕНЗИЯ НА ПАЛЬЧИК?

В Новой Зеландии детям от четырех лет теперь приходится обращаться за получением лицензии на ношение игрушечного оружия. Идея зародилась у воспитателей одного из детских садов и была быстро подхвачена по всей стране. Чтобы получить право на владение «огнестрельной игрушкой», дети должны ответить на несколько вопросов, зато потом им выдается «настоящее» разрешение, которое нужно иметь при себе вместе с игрушечным пистолетом или ружьем. Все делается на полном серьезе. Первое правило, которое должен осознать ребенок - никогда ни в кого не целиться; детей спрашивают, зачем им нужно оружие, и если они отвечают, что хотят убивать подлежащих охране животных, им объясняют, почему этого делать нельзя. Тем, кто хочет играть в полицейских и разбойников, разъясняют, что в Новой Зеландии полицейские обычно не носят оружия и вполне без него обходятся. Поэтому в конце концов лицензии выдаются только тем сознательным ребятишкам, которым оружие необходимо для прекращения страданий смертельно раненой лошадки, или для отстрела вредителей-опоссумов, которых в стране расплодилось неисчислимое количество. Правда, сомнительно, что ребенок, которому разрешили отстреливать опоссумов, не перенесет ту же гуманистическую идею на всех прочих зверей - они ведь тоже не особенно стремяться приносить людям пользу. Кроме лошадок, конечно.

ОЙ КАКАЯ БРОШЕЧКА... ОЙ, УКУСИЛА!

Дизайнер Джэред Голд из Лос-Анджелеса в своей последней коллекции «Викторианский хардкор» представила брошь, сделанную из живого таракана, украшенного хрусталем от фирмы Swarovski. Украшение сделано из редкого гигантского мадагаскарского шипящего таракана, живущего около полутора лет, и снабжено инструкцией по обращению. Голд заметила, что для украшений годятся только самцы, так как самки могут оказаться беременными и разродиться прямо на грудь модницы-оригиналки. Нашлись ли покупатели на хардкоровое изделие, пока не известно. Тем не менее, можно предположить, что украшения с несекомыми будут иметь успех. Вспомните японский праздник любования светлячками, когда тысячи светлячков выпускают ночью над каким-нибудь озером! А что может быть лучше, чем выпустить на любимого человека шипящего таракана?

ПРИВЫКЛИ РУКИ К ТОПОРАМ...

Австрийскому полицейскому, которому в марте выполнена пересадка обеих рук, врачи разрешили приступить к работе. Теодар Кельц стал вторым человеком в мире, которому проведена такая операция. Он потерял обе руки в 1994 году при взрыве бомбы. Тогда четыре человека погибли и 12 получили серьезные ранения. Пациент был выписан в мае, но продолжал получать амбулаторное лечение. Ему было предписано жить вблизи от больницы на случай осложнений. Теперь врачи разрешили больному возвратиться домой, поскольку отмечено быстрое улучшение состояния пересаженных конечностей. Правда, сообщая об этом, BBC не рассказывает, кому принадлежали руки, пришитые полицейскому. А ведь для такой профессии, как известно, необходимо иметь чистые руки...

КАМЕННЫЙ ТОПОР: ЛУЧШАЯ ЗАЩИТА ОТ КАРИЕСА

Сложно найти человека, который еще не слышал: «Как установили ученые, каждый раз во время еды во рту...» Что действительно плохого там происходит во рту, «ученые» из рекламы никогда не объясняют внятно. Одно ясно - там происходит нечто ужасное, от чего зубы так и рассыпаются в порошок. Однако вот парадокс: во время раскопок другие ученые (не те, которым лучше жевать, чем говорить) находят вместе с другими костями и огромное количество вполне целых зубов. А недавно произошло явление просто нереальное. Южноафриканские археологи обнаружили в пещере близ города Карнели на северо-востоке ЮАР зуб жившего 700 тысяч лет назад человека. То есть просто зуб, без всяких там дополнительных черепов! Причем, этот верхний коренной зуб древнего человека сохранил белый цвет и находится в прекрасном состоянии. Палеонтологи нашли его в пещере, вместе... как вы думаете, с чем? С каменной зубной щеткой? С бочкой лучшей в мире зубной пасты? Нет - с останками слона и газели! Зуб доисторического человека пока не изучен основательно, однако ученые говорят о его больших размерах. По их мнению, это значит, что предшественники современного человека были значительно крупнее. А может, они просто не стачивали зубы ежедневной чисткой?

По материалам BBC, the Telegraph, Associated Press, the Guardian, Ananova.com, ИТАР-ТАСС, Reuters